

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

ТАТАРИНОВА Елена Павловна

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИН В РОССИИ
В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Д и с с е р т а ц и я
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, доцент
С.В. Ворошилова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
 ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИН»	29
1.1. Содержание понятия «гражданско-правовой статус женщин»	29
1.2. Социально-экономические и политико-правовые факторы, влиявшие на объем гражданских прав женщин в России в XVII – первой половине XIX века	40
 ГЛАВА 2. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЖЕНЩИН В РОССИИ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	55
2.1. Законодательное регулирование вещных прав женщин	55
2.2. Участие женщин в обязательственных правоотношениях	73
2.3. Наследственные права женщин в России	97
2.4. Приданое как основной институт формирования имущественных прав женщин в семье и браке	110
2.5. Гражданско-правовой статус иностранок в России	124
 ГЛАВА 3. ОБЫЧНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИН В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	141
3.1. Положение женщины в крестьянской семье	141
3.2. Имущественные права женщин по обычаям русской деревни	150
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	167

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Основными направлениями государственной политики в отношении женщин сегодня являются ориентация на воплощение принципа равных прав и свобод мужчин и женщин и создание равных возможностей для их реализации женщинами в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами. Важным и своевременным стало распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 года № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы»¹, основанной на том, что права женщин являются неотъемлемой частью общих прав человека. Целью данной стратегии провозглашается создание условий для полного и равноправного участия женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни общества, признание такой деятельности приоритетным направлением государственной политики. В связи с этим рассмотрение проблем гражданско-правового статуса женщин в истории России сегодня приобретает особое значение.

Обращение именно к гражданско-правовому статусу продиктовано его особой ролью как «фундамента» для возникновения других прав и свобод женщины, необходимого для формирования ее правового статуса как субъекта права, так как право собственности, наряду с правом на жизнь и свободу, является естественным и абсолютным.

Изучение истории формирования гражданско-правового статуса женщин, анализ механизмов законодательного регулирования его отдельных институтов может способствовать более детальному осмыслению современных проблем, связанных с положением женщин в России. Очевидно, что в экономически нестабильное время при широком распространении «коммерческой основы» в социальной сфере происходит обострение проблем у наименее

¹ URL: <http://government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).

имущественно защищенных слоев населения, женщин и детей¹. Российские женщины сегодня отличаются высоким уровнем образования и экономической активности. Вместе с тем профессиональный потенциал женщин в силу различных обстоятельств не всегда используется в полной мере, что сохраняет разницу в доходах женщин и мужчин. Серьезным препятствием для самореализации, свободного выбора профессии и образа жизни, достижения фактического равноправия женщин и мужчин как в общественно-политической, так и в социально-экономической жизни, является сложившийся в обществе стереотип о приоритетной социальной роли женщины в качестве домохозяйки и матери. Между тем признание общей ответственности мужчин и женщин за выполнение семейных обязанностей способствовало бы укреплению семьи и ценностей семейной жизни, а также созданию условий для успешного сочетания женщинами профессиональных и семейных обязанностей².

Разрешению данных проблем способствуют историко-правовые исследования, позволяющие выявить общие закономерности и специфику развития гражданско-правового статуса женщин в истории нашей страны. Учитывая тот факт, что преемственность фундаментальных правовых явлений именно российского опыта особенно актуальна сегодня в сфере частноправовых отношений³, обращение к истории становления и развития гражданско-правового статуса женщин в России в XVII – первой половине XIX в. приобретает научную значимость и актуальность.

Актуальность представленной диссертации обусловлена также отсутствием комплексных историко-правовых исследований гражданско-правового статуса женщин в России в XVII – первой половине XIX в., осуществленных с учетом методологии, сложившейся в современной историко-

¹ См.: *Поленина С.В.* Правовая политика Российской Федерации в сфере гендерных отношений // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 1 (53). С. 65.

² См.: Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы. URL: <http://government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).

³ См.: *Сенякин И.Н.* Противоречивость российского законодательства в ракурсе преемственности // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 430.

правовой науке. Данная работа восполняет существующий пробел в отечественной историографии.

Следует отметить, что столь сложную и многоаспектную проблему невозможно охватить в рамках одного диссертационного исследования. Комплексное изучение гражданско-правового статуса женщин проводилось на основе общероссийского законодательства и обычного права, без учета особенностей окраинных территорий.

Цель и задачи исследования. *Целью* диссертационной работы является изучение генезиса гражданско-правового статуса женщин в России в XVII – первой половине XIX в., особенностей и закономерностей его формирования и развития посредством комплексного историко-правового анализа.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*:

исследовать дефиницию «гражданско-правовой статус женщин» через соотнесение ее с понятиями «правовое положение» и «правосубъектность», выделить в ней основные структурные элементы;

выявить социальные, экономические, географические и политико-правовые факторы, влиявшие на объем гражданско-правового статуса женщин в России в XVII – первой половине XIX в.;

рассмотреть процесс эволюции законодательного регулирования вещных прав женщин в исследуемый период;

раскрыть характер обязательственных правоотношений с участием женщин различных сословий и семейного положения;

проанализировать этапы становления и развития наследственных прав женщин в России в XVII – первой половине XIX в., выделить особенности каждого из них;

определить роль приданого в правовом регулировании имущественных правоотношений женщин в семье и браке, степень влияния канонического и обычного права на данный институт;

изучить гражданско-правовой статус иностранок, сравнив его со статусом женщин-подданных Российской империи;

дать характеристику обычно-правового статуса женщин в русской деревне в сфере гражданских правоотношений.

Объектом диссертационного исследования является процесс формирования и развития гражданско-правового статуса женщин в России в XVII – первой половине XIX в.

Предметом исследования послужила система правовых норм, содержащихся как в законодательных актах, так и в правовых обычаях, регулирующих права и обязанности женщин различных сословий в России в сфере гражданско-правовых отношений в XVII – первой половине XIX в.

Хронологические рамки исследования охватывают период с XVII по первую половину XIX в. Выбор начальной даты исследования обусловлен процессами подготовки законодательной базы и принятия в 1649 г. Соборного Уложения Алексея Михайловича, которое впервые детально регламентировало не только основные институты гражданского права, но и заложило основу самостоятельного гражданско-правового статуса женщин в России. Верхняя граница хронологических рамок обусловлена систематизацией отечественных законов в первой половине XIX в., в результате чего был достигнут новый уровень оформления гражданско-правовых институтов. В Своде законов Российской империи в редакции 1842 г., сохранявшего юридическую силу до 1857 г., отдельные элементы гражданско-правового статуса женщин получают детальное законодательное закрепление.

Методологическую основу диссертации составляют апробированные всеобщие, общенаучные и специально-юридические методы исследования.

Диалектический метод познания позволил осуществить комплексный подход к анализу рассматриваемых событий, проследить развитие отдельных элементов, составляющих гражданско-правовой статус женщин, рассмотреть все явления в их взаимосвязи и взаимозависимости.

Исторический и сравнительно-правовой методы исследования дали возможность определить характерные черты, отличительные особенности и изменения в гражданско-правовом статусе женщин в России в XVII – первой половине XIX в., выявить специфику обычно-правового статуса женщин,

оценить положение иностранок в России. Рассматривая основные факторы, влиявшие на объем гражданско-правового статуса женщин, учитывались исторические обстоятельства, определявшие развитие социальных, экономических, политических, правовых и иных условий, оказавших воздействие на права и обязанности женщин.

На основе системного и структурно-функционального методов раскрывается место приданого в системе гражданско-правовых институтов и его роль в формировании вещных, обязательственных и наследственных прав женщин.

Изучение и анализ нормативно-правовых актов, изменивших правовое положение женщин в России, осуществлялись с помощью формально-юридического метода. Специальные юридические категории и конструкции позволили рассмотреть дефиницию «гражданско-правовой статус женщин в России в XVII – первой половине XIX века». В работе применялись также логический, социологический, статистический и другие методы познания.

Степень научной разработанности темы. Проблемы гражданско-правового статуса женщин в XVII – первой половине XIX в. до настоящего времени являются малоисследованными. Причина этого заключается в отсутствии монографических работ, одновременно освещающих и эволюцию элементов правового статуса женщин, и процессы становления системы гражданского законодательства в рассматриваемый период.

Первый вклад в закрепление и распространение идеи особого правового регулирования статуса женщин в начале XIX в. внес Илларион Васильев¹. Его исследование нельзя назвать теоретической разработкой, но роль автора заключается в тщательной систематизации действующего на тот момент законодательства, касавшегося прав и обязанностей женщин. Несмотря на то, что «женский вопрос» активно начинает обсуждаться во второй половине XIX в., идеи предоставления женщинам более широких прав высказывались и ранее.

¹ См.: *Васильев И.* Фемида, или начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России, на основании существующих законов. М., 1827.

Характеризуя различные проблемы семейного и гражданского права, И.Г. Оршанский¹, А.И. Загоровский², К.Н. Анненков³ затрагивают вопросы участия женщин в гражданских правоотношениях. Так, А.И. Загоровский отмечал, что «имущественная самостоятельность жены в браке в большинстве случаев — фикция... жене трудно отстаивать свою имущественную независимость, раз тот же закон, который ее поставил так самостоятельно, как собственницу, как жену подчиняет «неограниченной» власти мужа»⁴.

Наибольший интерес среди цивилистов XIX в. вызывали наследственные права женщин, так как наследование было одним из основных источников приобретения имущества женщинами. Общие вопросы наследования рассматривали В.Н. Никольский⁵, И.Е. Ильашенко⁶, К.Д. Кавелин⁷. Процессу расширения наследственных прав женщин в исследуемый период особое внимание уделяли А. Куницын⁸, А.Г. Гойхбарг⁹, Н.Н. Товстолес¹⁰, А.М. Евреинова¹¹, Я. Орович¹².

В изучение проблематики формирования гражданско-правового статуса женщин немаловажный вклад внесли ученые дореволюционного периода, разрабатывавшие вопросы института приданого и правового регулирования

¹ См.: *Оршанский И.Г.* Личные и имущественные отношения супругов // Судебный журнал. 1874. № 3. С.125-155.

² См.: *Загоровский А.И.* Курс Семейного права. 2-е изд. Одесса, 1909.

³ См.: *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права: в 5 т. Т. 5: Права семейные и опека. СПб., 1905.

⁴ *Загоровский А.И.* Указ. раб. С. 253–254.

⁵ См.: *Никольский В.Н.* Об основных моментах наследования. М., 1871.

⁶ См.: *Ильашенко И.Е.* О праве наследования супругов с точки зрения будущего гражданского уложения // Вестник права. 1902. № 4–5.

⁷ См.: *Кавелин К.Д.* Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования и сравнение теперешнего русского законодательства об этом предмете с римским, французским и прусским // Собр. соч. СПб., 1900. Т. IV.

⁸ См.: *Куницын А.* О правах наследования лиц женского пола // Отчет о состоянии императорского Харьковского университета. Харьков, 1844.

⁹ См.: *Гойхбарг А.Г.* Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола. СПб., 1912.

¹⁰ См.: *Товстолес Н.Н.* Наследование супругов по русскому праву в связи с проектом гражданского уложения // Ж.М.Ю. 1911. № 5. С. 58.

¹¹ См.: *Евреинова А.М.* Об уравнивании прав женщин при наследовании // Друг женщин. 1883 № 11. С. 62–90.

¹² См.: *Орович Я.* Женщина в праве. СПб., 1895

имущественных прав женщин в браке: П.С. Ефименко¹, А.Ф. Казимир², В.И. Синайский³. Обращаясь к рассмотрению отдельных элементов гражданско-правового статуса женщин, таких как вещные и обязательственные права, необходимо отметить, что впервые к самостоятельному рассмотрению истории становления данных институтов в конце XIX в. обратились в своих трудах историки русского права — М.Ф. Владимирский-Буданов⁴ и В.И. Сергеевич⁵. Более системное рассмотрение отдельных гражданско-правовых институтов осуществили классики российской цивилистики, изучавшие вопросы эволюции гражданского права: К.А. Неволин⁶, Г.Ф. Шершеневич⁷, Н.Н. Дебольский⁸, К.П. Победоносцев⁹, Д.И. Мейер¹⁰.

В XIX в. появляется ряд работ, освещавших положение русской женщины. Различные вопросы гражданско-правового статуса женщин затрагивали С.С. Шашков¹¹, В.Я. Шульгин¹², В.С. Иконников¹³, В.О. Михневич¹⁴, М.И. Кулишер¹⁵.

¹ См.: *Ефименко П.С.* Приданое по обычному праву крестьян архангельской губернии. СПб., 1873.

² См.: *Казимир А.Ф.* Об отношениях супругов по имуществу: реферат, доложенный на заседании Гражданского Отделения 28 апреля 1884 года. СПб., 1884. С. 1.

³ См.: *Синайский В.И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. С приложением действующих русских законов, сенатской практики и указателя русской литературы. Юрьев, 1910. С. 18–303.

⁴ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005.

⁵ См.: *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910.

⁶ См.: *Неволин К.А.* История российских гражданских законов // Полное собрание сочинений. Т. III–V. СПб., 1857–1858.

⁷ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1995.

⁸ См.: *Дебольский Н.Н.* Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб., 1903.

⁹ См.: *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 2. СПб., 1871.

¹⁰ См.: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2-х ч. М., 2000.

¹¹ См.: *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб., 1879.

¹² См.: *Шульгин В.Я.* О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев, 1850.

¹³ См.: *Иконников В.С.* Русские женщины накануне реформы Петра Великого и после него. Сравнительно-исторический очерк. Киев, 1874.

¹⁴ См.: *Михневич В.О.* Русская женщина XVIII столетия. Исторические этюды. Киев, 1895.

¹⁵ См.: *Кулишер М.И.* Женщина и ее имущественное положение. Исторический очерк // Вестник Европы. 1884. Кн. 8. С. 565–586.

Обычно-правовой статус женщин, определявший их положение в крестьянской семье, рассматривали Ф.Ф. Барыков¹, Н.А. Костров², Е.Т. Соловьев³, В.И. Сергеевич⁴. Анализ имущественных прав женщин по обычаям русской деревни, характеристика наследственных прав крестьянок представлены в трудах В.Ф. Мухина⁵, В.В. Иванова⁶, С.В. Пахмана⁷, И.М. Тютрюмова⁸.

Относительно положения женщины в крестьянской семье высказывались различные точки зрения. Так, российский археолог, историк и исследователь быта в России Е.Т. Соловьев отмечал достаточно высокий статус женщин в семье, особенно вдов⁹. По мнению русского историка права В.И. Сергеевича, отеческая власть имела свои пределы, так как глава семьи, будучи не столько владельцем, сколько распорядителем крестьянского хозяйства, даже при жизни в некоторых случаях мог быть замещен женой. Процессы распространения института духовного завещания в обычном праве крестьян рассматривал И.Е. Тютрюмов, который считал, что в крестьянских семьях, не имевших наследников мужского рода, часто в духовном завещании фигурировали женщины¹⁰.

Специальных исследований, посвященных эволюции гражданско-правового статуса женщин, в советский период не проводилось в связи с идеологическими установками, особенностями административно-командной экономической системы и провозглашением неактуальности дискуссии по

¹ См.: *Барыков Ф.Ф.* Обычаи наследования у государственных крестьян. СПб., 1862.

² См.: *Костров Н.* Юридические обычаи крестьян-старожилов в Томской губернии. Томск, 1876

³ См.: *Соловьев Е.Т.* Гражданское право: Очерки народного юридического быта. Казань, 1888.

⁴ См.: *Сергеевич В.И.* Древности русского права: Землевладение. Тягло. Порядок обложения. СПб., 1903. Т. 3.

⁵ См.: *Мухин В.Ф.* Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888.

⁶ См.: *Иванов В.В.* Обычное право крестьян Харьковской губернии. Харьков, 1898.

⁷ См.: *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб., 1877. Т. 1. С. 379.

⁸ *Тютрюмов И.М.* Производство местных действий по гражданским делам // *Право.* СПб., 1902.

⁹ См.: *Соловьев Е.Т.* Указ. раб. С. 56.

¹⁰ См.: *Сергеевич В.И.* Указ. раб. Т. 3. С. 64; *Тютрюмов И.М.* Указ. раб. С. 415.

«женскому вопросу» по причине его «окончательного» решения. Широкое распространение в указанный период получили исследования истории крестьянской жизни и связанные с ними вопросы феодального землевладения. Наибольший интерес представляют труды первой половины XX в., так как историки права могли использовать материалы, собранные дореволюционными исследователями, расставляя в них в угоду времени идеологические акценты. Так, историк, закончивший юридический факультет Московского университета еще в дореволюционный период С.Б. Веселовский, анализируя вопросы феодального землевладения в Северо-Восточной Руси, обратил внимание на особенности распоряжения женщинами землями, доставшимися им в качестве приданого. Он отмечал, что, несмотря на вклад в общее имущество супругов, власть мужа над собственностью жены не была безграничной. Закон устанавливал четкие границы власти мужчины над имениями жены, и для отчуждения, например земель, мужу требовалось ее согласие¹. Интересными с этой точки зрения являются и труды историков вятского крестьянства, предпринявших анализ особенностей его быта и обычаев, иллюстрировавших роль женщин в семье².

Советские историки второй половины XX в. продолжили исследование обычного права крепостной деревни России XVIII – начала XIX в. Так, В.А. Александров внес неоценимый вклад в разработку вопроса об обычном правовом статусе женщин, их имущественном положении в малых и неразделенных крестьянских семьях, через анализ многочисленных архивных материалов³. Исследуя многообразные виды коллективной взаимопомощи в сельской общине, хозяйственно-сезонные и социальные условия жизни крестьянства, М.М. Громыко акцентировала внимание на особом положении

¹ См.: *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси: в 2 т. М., 1947. Т. 1. С. 44–45.

² См.: *Токарев С.В.* Крестьяне Вятской провинции в XVIII веке. Вятка, 1928. С. 38; *Шатров М.Н.* Кировские кустари. Киров, 1938. С. 14; *Эммаусский А.В.* Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. С. 32.

³ См.: *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII – начала XIX в. С. 220.

женщины-крестьянки в семье, которое непосредственно влияло на ее гражданско-правовой статус¹.

Отдельные труды советских ученых-юристов, таких как В.А. Кучинский², Б.К. Бегичев³, А.В. Мицкевич⁴, были обращены к теоретическому рассмотрению категории правового статуса. Они заложили основы теории прав человека в современный период, непосредственно связанной с проблемой правового статуса женщин сегодня. Однако в силу идеологических установок теория прав человека была детализирована лишь в современный период в фундаментальных трудах по теории права таких ученых, как Н.И. Матузов, А.В. Малько⁵, И.Н. Сенякин⁶, В.В. Лазарев⁷, Н.В. Витрук⁸. Так, теоретической основой и терминологической базой данного исследования стали труды Н.И. Матузова, рассматривающего вопросы соотношения категорий правовой статус и правовое положение, классификацию правовых статусов и их внутреннюю структуру, применимые в полной мере и к анализу гражданско-правового статуса женщин в анализируемый период.

Значительный вклад в изучение правового статуса женщин как в ходе исторической эволюции, так и на современном этапе, внесли С.В. Поленина⁹, С.В. Ворошилова¹⁰, Д.Ф. Латыпова¹¹, О.И. Богомазова¹².

¹ См.: Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

² См.: Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М., 1978.

³ См.: Бегичев Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан. М., 1972.

⁴ См.: Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962.

⁵ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2004.

⁶ См.: Сенякин И.Н. Принципы права и принципы законодательства : соотношение и взаимосвязь. Саратов, 2010.

⁷ См.: Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 1999

⁸ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.

⁹ См.: Поленина С.В. Правовая политика Российской Федерации в сфере гендерных отношений // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 1 (53).

¹⁰ См.: Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011.

¹¹ См.: Латыпова Д.Ф. Правовое положение женщин: (Историко-методологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.

¹² См.: Богомазова О.И. Правовой статус женщин и его особенности в современном российском обществе: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.

Основоположник исследований проблем гендерного равенства в российской юридической науке, С.В. Поленина актуализировала изучение особенностей правового статуса женщин. Работы С.В. Ворошиловой посвящены проблеме эволюции правового положения женщин в дореволюционной России, в том числе и в частно-правовой сфере. Характеризуя отечественное и иностранное законодательство XIX – начала XX в., автор определяет специфику правового положения женщин в России, а также степень влияния европейского законодательства на формирование концепции неравенства прав женщин и мужчин¹.

Важное значение для изучения приданого как основного института формирования имущественно-правового статуса женщин в семье и браке имеют труды современных авторов: Н.С. Нижник², А.А. Алексеева³, Э.М. Левшина⁴, О.Н. Рублевой⁵, А.В. Слепаковой⁶, М.М. Трапезниковой⁷, А.Н. Левушкина⁸. Так, в комплексном исследовании правового регулирования брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России (IX–XX вв.) Н.С. Нижник, анализируя формы брачного союза, права и обязанности супругов, обращает внимание на имущественные права женщин в семье.

Отдельные аспекты гражданско-правового статуса женщин в рамках исследования правовой традиции Северо-Западной Руси XII–XV вв. раскры-

¹ См.: *Ворошилова С.В.* Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011.

² См.: *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006.

³ См.: *Алексеев А.А.* Правовое регулирование имущественных отношений супругов в Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007.

⁴ См.: *Левшин Э.М.* Брачный договор (историко-правовое исследование и анализ современного законодательства): учебное пособие. Н. Новгород, 2003.

⁵ См.: *Рублева О.Н.* Правовое регулирование института имущественных отношений супругов в доктрине российского семейного права (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.

⁶ См.: *Слепакова А.В.* Правоотношения собственности супругов. М., 2005. С. 197.

⁷ См.: *Трапезникова М.М.* Рядная (сговорная) запись в русском праве IX–XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2010. № 4(9).

⁸ См.: *Левушкин А.Н.* История возникновения и развития института брачного договора в России // Семейное и жилищное право. 2012. № 5.

вает Ю.В. Оспенников¹. В своих трудах, основанных на комплексном анализе и классификации разнообразных источников, автор анализирует особенности как отдельных видов обязательств, таких как выкуп, дарение, так и гражданско-правовой ответственности в целом². Ряд исследований ученого посвящены процессу формирования брачного права, которое, несомненно, оказало влияние на формирование гражданско-правового статуса женщин в последующие периоды³.

Огромный вклад в изучение вещных прав женщин внесли исторические исследования Н.Л. Пушкаревой⁴ и Г.Н. Ульяновой⁵. Историко-этнографические исследования основоположницы исторической феминологии и гендерной истории в советской и российской науке Н.Л. Пушкаревой являются источником исследования в том числе и правового положения женщин в русских семьях в X – начале XIX в. Специализируясь на социально-экономической истории России XIX – начала XX в., истории предпринимательства, Г.Н. Ульянова исследовала особенности женского предпринимательства в XIX в., ставшего возможным лишь при стремительном развитии и законодательном оформлении гражданско-правового статуса женщин.

Интересным в связи с осуществлением данного исследования представляется взгляд иностранных американских ученых, в частности, П. Грег-

¹ См.: Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М., 2007. С. 68–254.

² См.: Оспенников Ю.В. Проблема определения древнерусского договора выкупа // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2009. № 1 (65). С. 199–201; *Его же*. Институт дарения в праве Северо-западной Руси XII–XV вв. // Государство и право. 2008. № 7. С. 62–70; *Его же* Гражданско-правовая ответственность в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2012. № 4(22). С. 287–289.

³ См.: Оспенников Ю.В. О видах брачных связей в Русском праве XII–XV вв. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 5(256). С. 205–217; *Его же*. Родственные отношения в Древнерусском брачном праве // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». 2004. Вып. 39. С. 252–262; *Его же*. Принуждение в Древнерусском брачном праве // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». 2003. Вып. 34. С. 188–194.

⁴ См.: Пушкарева Н.Л. Имущественные права женщин на Руси (X–XV вв.) // Исторические записки. 1986. № 114

⁵ См.: Ульянова Г.Н. Женщины-владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2007.

ри¹, М.Л. Маррезе², Р. Уортмана³, на имущественные права женщин в рассматриваемый период. Исследование М.Л. Маррезе, посвященное институту женской частной собственности, опровергает существующее андроцентричное представление о дворянском обществе дореформенной России. Проводя аналогию с Западной Европой, где женщины не могли распоряжаться имуществом вплоть до конца XIX в., в России это право за женщинами было закреплено уже в 1753 г., что, по мнению автора, является парадоксальным, учитывая что при этом сохранялись ограничения их личных прав. Уникальным данное исследование делает использование значительного количества как законодательного, так и архивного материала, наряду с достаточно смелым их толкованием.

Отдельные аспекты гражданско-правового статуса иностранок в России в XVII – первой половине XIX в. рассматривают современные ученые: А.М. Тесленко⁴, Н.И. Назаренко⁵, О.И. Куприянова⁶, П.В. Лавров⁷. Источником информации об определенных элементах правового статуса иностранок могут служить и исторические исследования Т.А. Опариной, С.П. Орленко⁸, А.В. Демкина⁹, Е.В. Алексеевой¹⁰, О.Ю. Солодянкиной¹¹, а также культу-

¹ См.: Gregory P. Russian National Income. URL: <http://www.twirpx.com/file/256240/> (дата обращения: 12.06.2015).

² См.: *Маррезе М.Л.* Бабые царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М., 2009.

³ См.: *Wortman R.* Property Rights, Populism, and Russian Political Culture // *Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. O. Crisp, L. Edmondson. Oxford, 1989.

⁴ См.: *Тесленко А.М.* Правовой статус иностранцев в России (Вторая половина XVII – начало XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.

⁵ См.: *Назаренко Н.И.* Правовое положение иностранцев в отечественном законодательстве XI – первой половины XVII вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

⁶ См.: *Куприянова О.И.* Иностранцы на государственной службе в России в XVIII в.: правовой статус // *Вестник Московского ун-та.* 2009. Сер. 11. Право. № 5.

⁷ См.: *Лавров П.В.* Механизм регулирования правового режима иностранцев в контексте эволюции государственно-правовой системы России в период IX – начала XX в. (историко-правовой аспект). СПб., 2004.

⁸ См.: *Опарина Т.А., Орленко С.П.* «Указы 1627 и 1652 годов против „некрещенных иноземцев”» // *Отечественная история.* 2005. № 1.

⁹ См.: *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России в XVII веке. М., 1994.

¹⁰ См.: *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007.

¹¹ См.: *Солодянкина О.Ю.* Иностранные наставники в дворянском домашнем воспитании в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008.

логические работы дореволюционного искусствоведа Н.Н. Врангеля¹ и современных ученых Е.Г. Лебедевой², Л.А. Маркиной³.

Таким образом, отдельные аспекты исследуемой проблематики были представлены в трудах отечественных теоретиков, цивилистов и историков права в дореволюционный, советский и современный периоды. Однако специального юридического исследования, посвященного анализу целого комплекса проблем формирования и развития гражданско-правового статуса женщин в России в XVII – первой половине XIX в., до сих пор не было. Представленная диссертация является первой попыткой восполнить данный пробел.

Источниковая база исследования. В основу исследования становления и развития гражданско-правового статуса женщин в XVII – первой половине XIX в. был положен широкий круг опубликованных и неопубликованных источников.

Важнейшую роль в настоящей диссертационной работе сыграли нормативно-правовые акты данного периода, косвенно или напрямую повлиявшие на рассматриваемый процесс, а также опубликованные и неопубликованные (архивные) материалы судебного делопроизводства, свидетельствовавшие о практическом воплощении данных норм в повседневной жизни.

Нормативно-правовая база исследования включает в себя разнообразные формы законодательных актов, которые можно классифицировать как по критерию принадлежности к определенному историческому периоду, так и по предмету правового регулирования.

Основным источником регулирования правовых отношений XVII в., в том числе и гражданско-правовых, выступает Соборное Уложение 1649 г., представлявшее собой первый опыт хронологической систематизации средневековых законов, правовых обычаев, судебной практики и элементов заим-

¹ См.: Врангель Н.Н. Иностранцы XVIII века в России // Венок мертвым: Художественно-исторические статьи. СПб., 1913.

² См.: Лебедева Е.Г. Иностранные художницы в России XVIII–XIX вв. // Культурологический журнал. 2014. № 4.

³ См.: Маркина Л.А. Художницы в России: от барокко до модерна // Искусство женского рода. Женщины-художницы в России XV–XX веков. М., 2002.

ствования Византийского и Литовского права. Уложение обладало юридической силой вплоть до принятия систематизированного по отраслевому принципу Свода законов Российской Империи и являлось первым актом Полного собрания законов Российской Империи¹. Позднее оно было дополнено Новоуказными статьями по отдельным вопросам, например, «Новоуказные статьи о поместьях и вотчинах» (1677)², в которых содержались нормы, закреплявшие в том числе и имущественные права женщин.

В связи с возросшей ролью Боярской Думы в царствование Федора Алексеевича характерной формой правовых актов второй половины XVII в. стали Боярские приговоры, регулировавшие наиболее важные общественные отношения, связанные с феодальным землевладением, оказавшие непосредственное влияние на формирование как вещных, так и обязательственных прав замужних женщин. К ним можно отнести следующие: «О запрещении мужьям продавать и закладывать своим именем вотчины жен своих, без их согласия» (1679 г.)³, «О не отчуждении продажою и залогом мужьям от своего имени жениных вотчин» (1679 г.)⁴, «О действительности купчих и закладных на женины вотчины, если подписаны не одними мужьями, но и женами» (1680 г.)⁵.

Самой распространенной формой актов, содержащих нормы, регулировавшие гражданско-правовой статус женщин в XVIII – первой половине XIX в., стали Указы, которые в зависимости от степени участия Сената были представлены в трех разновидностях.

Первая разновидность — Именные указы, содержавшие личные распоряжения императора, например, распоряжения, регулировавшие наследственные права женщин, такие, как «О порядке наследования в движимых и

¹ См.: *Лядащева-Ильичева М.Н.* Этапы становления системы общих гражданских законов в России 1649–1833 гг. // История государства и права. 2010. № 8. С. 26–28.

² См.: ПСЗ РИ. 1677. Т. II. С. 110.

³ См.: ПСЗ РИ. 1679. Т. II. С. 199.

⁴ См.: Там же. С. 206.

⁵ См.: Там же. С. 258.

недвижимых имуществах» (1714 г.)¹, «О выделе мужу после умершей жены, а жене после мужа из всего имения четвертой части и о разделе прочих частей» (1716 г.)².

Второй разновидностью являлись указы Сената, составленные на основе приказов императора и обнародованные Сенатом, например, Высочайше утвержденный доклад Сената «О предоставлении Сенату права давать позволение оставшимся после мужей с малолетними детьми вдовам на продажу недвижимого имения для уплаты долгов» (1742 г.)³, регулировавший обязательственные права вдов Указ Сената «О бракосочетании Православных лиц с иноверными на основании правил Грекоримской Церкви» (1810 г.)⁴, содержащий в себе нормы брачных отношений иностранок.

К третьей разновидности относят Сенатские указы, являвшиеся постановлениями Сената по общему или конкретному вопросу от имени самого Сената. Они могли носить как нормативный характер, так и характер персонафицированного решения по конкретному делу. К нормативным Сенатским указам можно отнести следующие: «О позволении писать купчие и закладные на недвижимое имение лицам женского пола» (1715 г.)⁵, «О почитании дочерей, получивших приданое при выходе в замужество, отделенными, и о не дозволении им требовать части имения, оставшегося после смерти отца» (1789 г.)⁶. Данные указы регламентировали обязательственные и наследственные права и обязанности женщин. Особую роль в закреплении правомочия свободного распоряжения своей собственностью женщины получили благодаря Сенатскому указу «О порядке совершения крепостей от имени владельцев обоего пола на собственное имение каждого без различия» (1753 г.)⁷, породившему в юридической литературе XIX в. дискуссию о

¹ См.: ПСЗ РИ. 1714. Т. V. С. 91.

² См.: ПСЗ РИ. 1716. Т. V. С. 459.

³ См.: ПСЗ РИ. 1742. Т. XI. С. 689.

⁴ См.: ПСЗ РИ. 1810. Т. XXXI. С. 187.

⁵ См.: ПСЗ РИ. 1715. Т. V. С. С. 181.

⁶ См.: ПСЗ РИ. 1789. Т. XXIII. С. 31.

⁷ См.: ПСЗ РИ. 1753. Т. XIII. С. 853.

«сфинксе русского права», а у современных исследователей — споры о роли прецедента в российской системе права.

К персонифицированным актам, содержащим решения по конкретным юридическим фактам, относятся Сенатские указы, например, по делу Колычевых «О дополнениях замужним дочерям указанных частей из наследства, если они при выходе в приданом таковых частей сполна не получили» (1770 г.)¹, «О выдаче дочери Григория Тыртова Дарье указной части из имения отца ее, вышедшей в замужество без приданого» (1772 г.)², порождавшие правовые последствия в виде решений, возникавших в будущем по аналогичным делам.

Важнейшими актами XVIII в. были жалованные грамоты, косвенно оказавшие влияние на формирование гражданско-правового статуса женщин. Данные грамоты даровали особые имущественные привилегии целым слоям населения. Таковыми являются: «Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» и «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» (1785 г.)³.

Существенную роль среди источников, регулировавших гражданско-правовой статус иностранных подданных, в том числе и женщин, играли манифесты, издававшиеся монархом к важным событиям в политической жизни общества и массово распространявшиеся среди населения. Например, имущественные права регулировались следующими манифестами: «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество Русских людей, бежавших за границу» (1762 г.)⁴, «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» (1763 г.)⁵, «Об открытии торговли между Российской империей и Областями

¹ См.: ПСЗ РИ. 1770. Т. XIX. С. 158.

² См.: ПСЗ РИ. 1772. Т. XIX. С. 443.

³ См.: ПСЗ РИ. 1785. Т. XXII. С. 544; 1785. Т. XXII. С. 558.

⁴ См.: ПСЗ РИ. 1762. Т. XVI. С. 126.

⁵ См.: ПСЗ РИ. 1763. Т. XVI. С. 302.

Австрийской Монархии» (1785 г.)¹, «Об установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам» (1798 г.)². Семейно-брачные и наследственные правоотношения иностранок определяли также следующие акты: «Трактат вечный между Всероссийскою Империей и Речью Посполитою Польскою» (1768 г.)³ и Конвенция, заключенная Герцогом Саксон-Веймарским и Эйзенахским «О беспошлинном выпуске имений, достоящихся в наследство поданным обоюдных государств» (1812 г.)⁴.

Профессиональная и торговая деятельность женщин регулировалась уставами, например такими, как «Устав о банкротах» (1740 г.)⁵, «Устав о Цехах» (1799 г.)⁶, «Новоторговый устав» (1830 г.)⁷.

К нормативным актам необходимо отнести постановления и распоряжения Синода, его разъяснения по частным делам, содержащиеся в Полном собрании постановлений и распоряжений по Ведомству православного вероисповедания Российской империи⁸.

Вопросы заключения и расторжения брака, статуса замужней женщины регулировались церковными законами, содержащимися в различных сборниках⁹. Так, Кормчая книга устанавливала модель византийского брачного законодательства¹⁰, Сборник решений Стоглавого собора 1551 г. закреплял

¹ См.: ПСЗ РИ. 1785. Т. XXII. С. 523.

² См.: ПСЗ РИ. 1798. Т. XXV. С. 64.

³ См.: ПСЗ РИ. 1768. Т. XVIII. С. 443.

⁴ См.: ПСЗ РИ. 1812. Т. XXXII. С. 121.

⁵ См.: ПСЗ РИ. 1740. Т. XI. С. 214.

⁶ См.: ПСЗ РИ. 1799. Т. XXV. С. 304.

⁷ См.: ПСЗ РИ. 1830. Т. I. С. 689.

⁸ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного вероисповедания Российской империи: в 9 т. Т. 1. СПб., 1879.

⁹ См., например: Григоровский С. О браке и разводе. О детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах // Сборник церковных и гражданских законов с дополнениями и разъяснениями на основании циркулярных указов и сепаратных определений Святейшего Синода с отдельной статьей о родстве и свойстве и с приложением графической таблицы степеней свойства. 12-е изд. СПб., 1912.

¹⁰ См.: Кормчая. Воспроизводящая первый выход книги 1653 г. Ч. 1-2. 3-е изд. М., 1787; Стоглав. Казань, 1862.

общность имущества супругов, запрещая мужу распоряжаться приданым жены без ее согласия.

Первостепенными неопубликованными источниками, содержащими ценный материал, позволивший определить обычно-правовой статус женщин, являются архивные документы. Среди них особую роль играют многочисленные крестьянские акты, находящиеся в личных фондах Дмитриевых-Мамоновых (1724–1863 гг.) (Ф. 1268) и Орловых-Чесменских (1737–1848 гг.) (Ф. 1384), а также документы Поместного приказа, Вотчинной коллегии и Вотчинного департамента (Ф. 1209), хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

В ходе анализа степени практического воплощения законодательных закреплений были исследованы архивные источники судебного делопроизводства, хранящиеся в Государственном архиве Кировской области (ГАКО). Многочисленные гражданские дела с участием женщин разных сословий содержатся в фонде Вятской губернской палаты суда и расправы (Ф. 1.), образованной в 1796 г. путем слияния Палат гражданского и уголовного суда. Палата являлась высшей судебной инстанцией в Вятской губернии по гражданским и уголовным делам.

К числу опубликованных источников, содержавших ценный материал, характеризующий гражданско-правовой статус женщин в России в XVII – первой половине XIX в., следует отнести периодическую печать. На страницах таких журналов, как «Журнал гражданского и уголовного права», «Вестник права», «Журнал министерства юстиции», «Юридический вестник», содержалась полемика ведущих отечественных цивилистов о различных институтах гражданского права, необходимости расширения прав женщин в сфере наследования имущества, занятия торговлей.

Изучение перечисленных источников позволило выявить особенности формирования и развития гражданско-правового статуса женщин в России в исследуемый период.

Научная новизна диссертационного исследования определяется постановкой и решением сформулированных научных задач и заключается в том, что работа является одним из первых комплексных историко-правовых исследований особенностей и закономерностей формирования и развития гражданско-правового статуса женщин в России в XVII – первой половине XIX в.

Благодаря системному взгляду на процесс формирования гражданского законодательства и обычно-правовых норм, полученные результаты дают новое представление о специфике отдельных институтов, регулировавших элементы гражданско-правового статуса женщин в исследуемый период.

Для характеристики сущности и особенностей гражданско-правового статуса женщин в конкретные исторические периоды были применены современные трактовки юридической науки, что позволило через историко-правовой материал комплексно и всесторонне рассмотреть эволюцию законодательного регулирования гражданских прав и обязанностей женщин в России.

Предложена авторская периодизация эволюции наследственных прав женщин в России в XVII – первой половине XIX в., позволившая выделить и обосновать основные этапы данного процесса, определить особенности каждого исторического периода.

Использование многочисленных законодательных актов и впервые введенных в научный оборот архивных материалов, иллюстрирующих участие женщин в вещных, обязательственных, наследственных и семейных правоотношениях, позволило проанализировать процесс реализации правовых норм как на конкретной территории (Вятской губернии), так и на всероссийском уровне.

Впервые выявлены особенности гражданско-правового статуса иностранок, проживавших на территории России в исследуемый период, установлены факторы, влиявшие на объем их гражданских прав, определены основные этапы законодательного оформления данного процесса.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в систематизации и обобщении исследований по данной проблематике, демонстрирующих разнообразие подходов к процессу формирования вещных, обязательственных, наследственных и семейных правоотношений женщин разных сословий. Сформулированные выводы и положения о гражданско-правовом статусе женщин в России в XVII – первой половине XIX в. в определенной мере развивают и дополняют раздел историко-правовой науки исследуемого периода, касающегося эволюции институтов гражданского права и обычно-правовых норм, регулировавших элементы гражданско-правового статуса женщин.

Практическая значимость исследования заключается в том, что собранные и проанализированные материалы могут представлять несомненный интерес для широкого круга ученых, изучающих как правовой статус женщин, так и историю гражданского права.

Материалы исследования могут быть использованы преподавателями и студентами юридических вузов и факультетов в процессе преподавания и изучения истории государства и права, а также в виде факультативного курса по истории гражданского права в России, способствующего более эффективному освоению отраслевой дисциплины «Гражданское право» в будущем.

Историко-правовой опыт особенно ценен при проведении мероприятий по правовой пропаганде и правовому воспитанию населения в области защиты прав, в том числе и женщин, в научно-исследовательской работе и при решении актуальных проблем современного права, а также при поиске путей развития российского законодательства.

На защиту выносятся следующие положения, в которых нашла отражение научная новизна исследования:

1. Гражданско-правовой статус женщин в России в XVII – первой половине XIX в. — это основанная на общем статусе, исторически формируемая система прав и обязанностей женщин, регулируемая законодательством, сформировавшимся под влиянием обычаев и церковных канонов, предостав-

лявшая условия для вступления в гражданско-правовые отношения (вещные, обязательственные, наследственные и семейные), обеспеченные, с одной стороны, государственными гарантиями, а с другой — подкрепленные мерами гражданско-правовой ответственности.

2. На объем гражданско-правового статуса женщин в России в XVII – первой половине XIX в. оказывали непосредственное воздействие факторы, влиявшие на ее правосубъектность (условия вступления в правоотношения). К таковым необходимо отнести: социальные факторы (семейное положение или брачный статус женщины, принадлежность к тому или иному сословию, вероисповедание, национальность, подданство); экономические факторы (развитие различных форм землевладения, профессиональная деятельность, а также экономическая специализация региона, в котором она проживала); географические факторы (проживание в городе или деревне, в центральной части России или окраинах); политико-правовые факторы (способы приобретения права собственности на имущество, доминирующие формы права при регулировании имущественных вопросов с участием женщин, закрепление в законодательных актах права заниматься торговлей и предпринимательской деятельностью). Постоянно взаимодействующие факторы приводили к расширению объема гражданско-правового статуса женщин в XVII – первой половине XIX в.

3. Процесс законодательного регулирования вещных прав женщин осуществлялся во взаимосвязи с закреплением самой категории «собственность» и возможности распоряжения ею женщинами по собственному усмотрению. Если в начале XVII в. собственности у женщин не существовало, а все их имущество относилось к общесемейной собственности, то через формирование института защиты вотчинных прав женщин и закрепление термина «недвижимость», используемого при описании состава приданого, к началу XIX в. дефиниция «имущество, находящееся в собственности женщин» уже использовалась как на законодательном уровне, так и в судебной практике. В начале исследуемого периода при получении приданого или

наследства женщины были лишены права распоряжения этим имуществом, а к концу XVIII в. сначала в виде прецедентов, а затем и на законодательном уровне им предоставляется возможность от своего имени заключать сделки, а в XIX в. — использовать свое имущество для ведения предпринимательской деятельности.

4. Критерии действительности сделок, определяемые законодателем в XVII – первой половине XIX в., были схожими у мужчин и у женщин. Дееспособность женщин, находящихся в браке, была существенно ограничена невозможностью без согласия мужей заключать некоторые договоры. Закрепленный отечественным законодательством режим раздельного владения имуществом супругами предусматривал в отличие от Европы большую свободу женщин в обязательственных правоотношениях. В условиях развития обязательственного права в России происходит эволюция основных его принципов: одновременно с сословным принципом зарождается и идея равенства, в том числе и полов, что напрямую отражается на расширении объема обязательственных прав женщин в исследуемый период.

5. Основным способом приобретения имущества в собственность женщинами было наследование, являвшееся важнейшей составляющей гражданско-правовых отношений. В силу определяемых в диссертации хронологических границ исследования представляется целесообразным выделить следующие периоды в развитии наследственных прав женщин в России в XVII – первой половине XIX в.:

1) наследование имущества женщинами в период сословно-представительной монархии (XVII в.) — первое законодательное определение размера долей (прожитка) как в движимом, так и в недвижимом имуществе мужа и отца. Расширение наследственных прав женщин связывалось с развитием различных форм землевладения и было вызвано стремлением государства защитить интересы служилого сословия;

2) наследование имущества женщинами в период становления и развития абсолютной монархии (XVIII в.) — введение системы майората, макси-

мально ограничивающей наследственные права женщин, и последующая отмена данной системы в 1731 г. С отменой системы майората возвращается прежняя традиция наследования имущества женщинами в определенных долях. Определяется обязательная доля жены в имуществе мужа, переходившая в ее собственность после смерти мужа и сохранявшаяся за ней при повторном выходе замуж;

3) период кризиса феодально-крепостнической системы (первая половина XIX в.) — систематизация законов, определявших порядок наследования имущества женщинами. Законы гражданские 1832 г. допускали совместное наследование сыновей и дочерей в нисходящей линии при этом женщине выделялась меньшая доля. При наследовании по боковой линии сестры при братьях не признавались наследницами. Супруги друг после друга наследовали в равных долях.

6. Приданое, выступая важнейшим институтом, определявшим имущественное положение женщин в семье и браке, включало в себя признаки вещного, обязательственного и наследственного права. В XVII – первой половине XIX в. институт приданого занимал важное место в формировании гражданско-правового статуса женщин благодаря широчайшему спектру источников правового регулирования и комплексному характеру, подтверждением чего являлся несомненный интерес законодателя, выносившего на государственный уровень вопросы регламентации как формы, размера, так и государственной регистрации данного акта.

7. Политика Российского государства была направлена на привлечение иностранцев на свою территорию как для просветительских целей, так и для развития основных отраслей промышленного производства, что способствовало законодательному закреплению достаточно широких прав и привилегий для иностранцев, в том числе и женщин. С XVIII в. иностранки получили право свободной предпринимательской, а также преподавательской деятельности, с XIX в. — право приобретения личного почетного гражданства, вступление в цеха, освобождение от телесных наказаний. Законодательство

XVII – первой половины XIX в. в России, определяя особый гражданско-правовой статус иностранок, исходило из следующих критериев: подданство, вероисповедание, семейное положение, наличие международных договоров или конвенций с этими государствами, профессиональная деятельность. Сословная принадлежность иностранок, в отличие от женщин-подданных Российской империи, в меньшей степени влияла на их статус на территории Российского государства, тогда как профессиональные навыки и умения могли существенно его изменить.

8. Обычно-правовое положение женщины в крестьянской семье отличалось от законодательно регулируемого статуса других сословий, во-первых, включением ее в родственно-производственную единицу, обремененную имущественным тяглом. При этом имущество женщины рассматривалось не как индивидуальная собственность, а как общая основа хозяйствования; во-вторых, зависимым положением женщины, причем женщина зависела не только от брачного статуса, но и от разновидности семьи (малой или неразделенной), к которой она принадлежала. Положение женщины в крестьянской семье и ее обычно-правовой статус могли отличаться под влиянием природно-географических условий и хозяйственно - культурного типа, преобладавшего на конкретной территории.

9. Особенности имущественного положения женщины в крестьянской семье на протяжении XVII – первой половины XIX в. были обусловлены переходом от расширенной (неразделенной) семьи к малой, распространением отхожих промыслов и вовлечением крестьянства в промышленное производство. К началу XIX века женские кустарные промыслы начинают играть существенную роль в улучшении имущественного положения всей крестьянской семьи.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования прошли апробацию в процессе осуществления автором преподавательской деятельности, при проведении учебных занятий по теории государства и права, гражданскому праву в Вятском

государственном университете, обсуждались на заседаниях кафедры теории и истории государства и права.

Результаты диссертационного исследования нашли отражение в 13 опубликованных научных статьях по теме диссертации, 6 из которых изданы в российских рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для апробации результатов научных исследований соискателей ученой степени доктора и кандидата наук. Результаты исследования докладывались на международных, всероссийских конференциях: всероссийской научной конференции «Становление и развитие конституционной традиции в России: 110 лет новой редакции Основных государственных законов Российской империи 1906 года» (Саратов, 15 марта 2016 г.); Международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития» (Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г.); 3-й ежегодной Международной конференции «Семейное право и концепция развития семейного законодательства: международные стандарты и российская модель (Ростов на/Д, 29 сентября 2016 г.).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования, а также характером и спецификой темы, степенью научной разработанности затрагиваемых проблем. Работа состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИН»

1.1. Содержание понятия «гражданско-правовой статус женщин»

В условиях модернизации гражданского законодательства, с одной стороны, и провозглашенными приоритетами социально-демократического современного государства по отношению к материнству и детству, с другой стороны, актуальными являются проблемы гражданско-правового статуса женщин. Несомненно, только при помощи анализа гражданско-правового статуса женщин можно охарактеризовать имущественное положение женщины в конкретный период истории. Очевидно, что в любой исторический период, особенно в военное или экономически нестабильное время, происходит обострение проблем «у наименее имущественно защищенных слоев населения, женщин и детей»¹. Именно гражданско-правовой статус служит фундаментом для возникновения других прав и свобод женщины, становления ее как полноценного субъекта права, ведь право собственности наряду с правом на жизнь и свободу является естественным и абсолютным.

При исследовании содержания понятия «гражданско-правовой статус женщин» в первую очередь возникает потребность в подробном толковании термина «правовой статус» и его соотношения со смежными категориями — «правовое положение» и «правосубъектность». Весьма обсуждаемыми являются следующие проблемы:

- 1) соотношение понятий «правовой статус» и «правовое положение»;
- 2) содержание понятия «правовой статус» и включение в него структурных элементов;
- 3) соотношение категорий «правовой статус» и «правосубъектность»;

¹ Поленина С.В. Правовая политика Российской Федерации в сфере гендерных отношений // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 1(53) С. 65.

4) отнесение «гражданско-правового статуса женщин» по определенным критериям к видам правовых статусов;

5) понятие «гражданско-правовой статус женщин» в XVII – первой половине XIX в.

Рассмотрим проблему соотношения категорий «правовой статус» и «правовое положение», что позволит уяснить содержание термина «гражданско-правовой статус». Несмотря на широкое распространение и повсеместное использование термина «правовой статус», общность взглядов на данную категорию среди ученых отсутствует.

При соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» можно выделить несколько подходов. Одни авторы считают понятие «правовое» положение более широким, чем «правовой статус». Так, Н.В. Витрук, разделяя данные понятия, считает, что правовой статус является лишь структурным элементом более широкого понятия «правовое положение»¹. Подтверждая эту позицию, Е.А. Лукашева ограничивает содержание правового статуса лишь правами и обязанностями, включая «предстатусные» и «постстатусные», по ее мнению категории, такие как гражданство, правоспособность, юридическая ответственность, в понятие «правовое положение личности»². В.В. Бараненков, анализируя данную категорию, также приходит к выводу о том, что правовое положение — это более широкая категория, носящая обобщающий характер. Указанный автор акцентирует внимание на том, что слово «статус» используется для характеристики статического уровня развития положения лица и зависит от оценки третьих лиц данного субъекта, что не характерно для категории «правовое положение»³. Интересно, что В.В. Лазарев рассматривает понятие «правовое положение» как сумму общего правового статуса и любого другого, например отраслевого или специального⁴.

¹ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 29.

² Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2009. С. 91.

³ См.: Бараненков В.В. Соотношение понятий «правовое положение», «правовой статус» и «правосубъектность» юридического лица // Юридический мир. 2006. № 2. С. 20.

⁴ См.: Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 1999. С. 32.

Наиболее актуален и широко распространен в настоящее время подход, определяющий синонимичность понятий «правовой статус» и «правовое положение», представленный целым рядом авторов.

Так, Л.Д. Воеводин, рассматривая данные категории, не только уравнивал их, но и считал, что аналогичный смысл законодатель вкладывает и в категорию «состояние»¹. В подобном аспекте указанную проблему исследует В.П. Басик, отмечая, что этимологически названные термины совпадают, это слова-синонимы².

Наиболее детально разработанным и обоснованным, на наш взгляд, анализируемый подход представлен в трудах Н.И. Матузова и А.В. Малько, которые считают данные понятия равнозначными. Аргументируя свою позицию тем, что законодательство, юридическая практика, печать, а также международные акты о правах человека не проводят между ними какого-либо различия, а употребляют в одном и том же смысле, авторы считают эти понятия вполне взаимозаменяемыми и утверждают, что они могут быть использованы исходя из контекста, так как слово «статус» в переводе с латинского означает положение, состояние кого-либо или чего-либо³. В данном случае речь идет о статусе личности, человека, гражданина.

Правовой статус — комплексная, интеграционная категория, отражающая взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, индивида и коллектива, другие социальные связи. В основе его лежит фактический социальный статус, то есть реальное положение человека в данной системе общественных отношений⁴. В этой связи важно уяснить, каким из рассматриваемых терминов апеллируют современные исследователи «женского вопроса» в правовой политике государства на различных его исторических этапах и какой концепции соотношения этих категорий придерживаются.

¹ См.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 16.

² См.: Басик В.П. Эволюция правового статуса личности и его отражение в российской правовой науке // Правоведение. 2005. № 1. С. 21.

³ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2004. С. 90.

⁴ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. раб. С. 93.

Так, Д.Ф. Латыпова в своем историко-методологическом исследовании правового положения женщин разграничивает термины «правовое положение» и «правовой статус женщины» на основании таких критериев, как источники (формы) права, содержащие правила поведения, регулирующие социальное положение женщин, и время возникновения данного термина. Это утверждение аргументируется тем, что правовое положение в догосударственный период регулировалось, как правило, религиозными нормами и обычаями и возникло соответственно раньше, а категория правовой статус, которая появилась сравнительно позже, по мнению автора, предполагает регулирование только в узком смысле правовыми актами¹.

В этой связи важно заметить, что, с юридической точки зрения, формами права, порождающими правовые нормы, на любом историческом этапе равнозначно могут служить как правовые обычаи, так и нормативно-правовые акты и даже религиозные тексты (в некоторых правовых системах). Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что разделение категорий «правовое положение женщин» и «правовой статус женщин» по данным критериям в настоящее время является не состоятельным.

При исследовании правового статуса женщин О.И. Богомазова сначала анализирует само понятие «правовой статус женщин», акцентирует внимание на синонимичности с категорией «правовое положение женщин», но при раскрытии структурных элементов, входящих в содержание категории «правовой статус женщин», обосновывает концепцию ее включения в категорию «правовое положение женщин» как более широкую, содержащую в себе множество иных элементов².

Заслуживает внимания фундаментальное комплексное исследование правового положения женщин в России в XIX – начале XX в. С.В. Ворошиловой, которая, избрав категорию «правовое положение», придерживается

¹ См.: *Латыпова Д.Ф.* Правовое положение женщин: (Историко-методологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 16.

² См.: *Богомазова О.И.* Правовой статус женщин и его особенности в современном российском обществе: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 24.

позиции Н.И. Матузова и А.В. Малько о ее равнозначности с правовым статусом¹.

Следовательно, можно утверждать, что, несмотря на существующую в настоящее время тенденцию к рассмотрению большинством теоретиков права категорий «правовой статус» и «правовое положение» как равнозначных, категория «правовое положение», как правило, используется ими для всестороннего исторического анализа положения женщин в определенный исторический период, тогда как для анализа современной ситуации, а также более узкого отраслевого рассмотрения положения женщин применяется термин «правовой статус».

Данное исследование, несмотря на направленность изучения конкретного исторического периода, а именно XVII – первой половины XIX в., ограничивается рамками изучения гражданско-правовых отношений, характерных для женщин той эпохи, поэтому логично, что предпочтения отданы термину «правовой статус». В связи с тем, что он является сложной, собирательной категорией, отражающей весь комплекс связей человека с обществом, государством, коллективом, окружающими людьми, актуальным представляется вопрос о его структуре.

Под структурой правового статуса, как правило, понимают совокупность его элементов в их взаимосвязи и взаимодействии. В объективном смысле, по мнению О.И. Богомазовой, структура правового статуса женщин представляет собой сеть устойчивых взаимодействий с другими субъектами и группами².

При рассмотрении количества включаемых элементов в структуре «правового статуса» можно выделить два основных подхода. Если первый предполагает минимизацию количества элементов, включение лишь базовых, то второй содержит достаточно широкий их перечень.

¹ См.: Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 26.

² См.: Богомазова О.И. Правовой статус женщин и его особенности в современном российском обществе: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 25.

Сторонники первого подхода Н.В. Витрук¹ и В.А. Кучинский², разделяя категории «правовой статус» и «правовое положение», оставляли в содержании первого лишь базовые элементы — свободы, права и обязанности.

Аналогичную точку зрения отстаивает Е.А. Лукашева. Как уже отмечалось, она ограничивает содержание правового статуса лишь правами и обязанностями, включая остальные «предстатусные» и «послестатусные», по ее мнению, категории — гражданство, правоспособность, юридическая ответственность — в понятие «правовое положение личности»³. Позиции минимизации в выделении элементов правового статуса женщин придерживается и О.И. Богомазова, называя расширение количества элементов искусственным и лишенным объективной необходимости⁴.

Второй подход представлен взглядами Л.Д. Воеводина, который для установления действительной структуры правового статуса личности «с определенной степенью научной точности» считает необходимым избрать нужный критерий. К таковому критерию он относит закрепленное правом место индивида в обществе и государстве⁵, выделяя при этом следующие элементы правового статуса: гражданство как «исходное начало формирования»; правосубъектность или «общая правоспособность»; принципы правового положения личности; конституционные (основные) права и свободы человека и гражданина, занимающие «центральное место»; юридические обязанности; юридические гарантии или предусмотренные конституцией и законами условия и средства реализации прав и обязанностей личности⁶.

Наиболее оптимальное количество элементов правового статуса личности, на наш взгляд, представлено в трудах Н.И. Матузова и А.В. Малько, по мнению которых в структуру понятия «правовой статус» входят следующие

¹ См.: Витрук Н.В. Указ. раб. С. 31.

² См.: Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М., 1978. С. 127.

³ См.: Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. С. 91.

⁴ См.: Богомазова О.И. Правовой статус женщин и его особенности в современном российском обществе: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 26.

⁵ См.: Воеводин Л.Д. Указ. раб. С. 32.

⁶ См.: Там же. С. 30–38.

элементы: а) правовые нормы, устанавливающие данный статус; б) правосубъектность; в) основные права и обязанности; г) законные интересы; д) гражданство; е) юридическая ответственность; ж) правовые принципы; з) правоотношения общего (статусного) типа¹.

Аналогичного мнения придерживается и С.В. Ворошилова при рассмотрении правового положения женщин в России XIX – начала XX в., формулируя понятие данной общеправовой категории, избрав оптимальную структуру, и включает в нее следующие составляющие: а) исторически сложившуюся систему прав и обязанностей женщин; б) общий статус подданных Российской империи; в) нормы права, действующие в тот исторический период; г) государственные гарантии; д) правовые обычаи, санкционированные государством².

Таким образом, для полного анализа категории «правовой статус женщин» в XVII – первой половине XIX в. представляется логичным избрать оптимальную структуру, состоящую из элементов, содержащихся в исследовании С.В. Ворошиловой. Учитывая, что темой данного исследования избран «гражданско-правовой статус женщин», представляется необходимым и осуществление учета такого элемента, как правосубъектность, широко распространенного в отрасли гражданского права, а также меры гражданско-правовой ответственности.

При исследовании гражданско-правового статуса женщин следует уяснить и соотношение понятия «правовой статус» с категорией «правосубъектность». Относительно соотношения этих терминов можно выделить несколько основополагающих концепций.

Следует отметить, что до середины прошлого столетия правовой статус зачастую отождествлялся с одним из элементов правосубъектности — правоспособностью в связи с такими общими качествами этих категорий, как неотчуждаемость и одновременное возникновение и прекращение у субъекта пра-

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. раб. С. 93.

² См.: Ворошилова С.В. Эволюция правового положения женщин в России в XIX веке – начале XX вв. Саратов, 2011. С. 20.

ва. В подобном аспекте данные категории соотносили такие представители советской юридической школы: Б.К. Бегичев, Г.В. Мальцев, А.В. Мицкевич, В.А. Тархов¹.

При исследовании правового статуса некоторые авторы рассматривают его как элемент, определяющий содержание его правосубъектности, отождествляя в данном случае правосубъектность с правоспособностью². Так, В.В. Бараненков, рассуждая о соотношении данных категорий, приходит к выводу о том, что лица, совершая те или иные юридические действия, способны изменять гражданско-правовой статус этого субъекта, изменяя, таким образом, и его правосубъектность (а также свое правовое положение как составную часть такой правосубъектности)³. Следовательно, представляется возможным утверждать в данном случае, что представители этой концепции считают правовой статус понятием, подлежащим включению в категорию «правосубъектность».

Особого внимания заслуживает концепция, представленная в настоящее время многими авторами, отражающая соотношение правового статуса и правосубъектности как части и целого⁴, то есть включение категории «правосубъектность» в структуру правового статуса как структурного элемента. Любопытно, что Д.А. Медведев предлагает вместо «нечеткого понятия «общая правосубъектность» использовать категорию «правовой статус» как совокупность «отраслевых правосубъектностей»⁵. А.В. Барков считает, что правосубъектность и правовой статус — это различные понятия, являющиеся элементами правового положения лица и несоотносимые между собой в раз-

¹ См.: *Бегичев Б.К.* Трудовая правоспособность советских граждан. М., 1972. С. 64; *Мальцев Г.В.* Социалистическое право и свобода личности. М., 1969. С. 87; *Мицкевич А.В.* Субъекты советского права. М., 1962. С. 30; *Тархов В.А.* Гражданское правоотношение. Уфа, 1993. С. 59.

² См.: *Басик В.П.* Указ. раб. С. 21.

³ См.: *Бараненков В.В.* Указ. раб. С. 22.

⁴ См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Указ. раб. С. 93.

⁵ *Медведев Д.А.* Проблемы реализации гражданской правосубъектности государственного предприятия: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990. С. 32.

личных комбинациях в качестве элементов, определяющих содержание друг друга¹.

Аргументируя свою позицию, И.А. Михайлова отмечает, что гражданская правосубъектность является составной частью правового статуса лица как системы закрепленных и гарантированных государством прав, свобод, законных интересов и обязанностей личности². Аналогичных взглядов придерживается и С.А. Комаров, подтверждающий, что взаимосвязь и взаимообусловленность гражданского состояния личности, ее правосубъектности и правового статуса заключается в том, что государство, определяя гражданское состояние личности, тем самым закрепляет ее правовой статус, фиксирует его возможный объем, а также наделяет ее правосубъектностью, которая зависит от объема правового статуса лица³.

С.С. Алексеев отмечает, что правосубъектность в единстве с другими общими правами и обязанностями охватывается понятием «правовой статус»⁴, следовательно, отсутствие правосубъектности влечет невозможность использования применительно к такому участнику отношений категории «правовой статус».

Достаточно интересным видится образное представление соотношения правосубъектности и правового статуса Е.И. Бурьяновой, которая называет правосубъектность «фундаментом любого правового статуса. Это, так сказать, правовой статус в зародыше, поскольку именно правосубъектность в свернутом виде содержит все то богатство конкретных прав и обязанностей, которыми может обладать отдельный индивид»⁵.

¹ См.: Барков А.В. Гражданская правосубъектность как научно-правовая категория: соотношение со смежными цивилистическими понятиями // Современное право. 2008. № 12. С. 7.

² См.: Михайлова И.А. Соотношение гражданской правосубъектности со смежными правовыми категориями // Гражданское право. 2008. № 1. С. 116.

³ См.: Комаров С.А. Личность в политической системе российского общества (Политико-правовое исследование). Саранск, 1995. С. 24.

⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 325.

⁵ Бурьянова Е.И. Условия, определяющие правосубъектность индивида (общетеоретический аспект). Невинномысск, 2009. С. 86.

Таким образом, правосубъектность есть своего рода набор необходимых условий, которые экспортируют человека в правовую жизнь. В свою очередь, правовой статус лица будет зависеть от того, как он распорядится этим первоначальным капиталом, будет ли он активно вступать в правоотношения или предпочтет внеправовые формы общения в социуме.

Мы полностью согласны с точной зрения Н.И. Матузова, согласно которой правовой статус, безусловно, базируется на правосубъектности, но к ней не сводится, так как данная категория шире, богаче, структурно сложнее и выступает обобщающим, собирательным понятием¹. Следовательно, правосубъектность в отрыве от правового статуса существовать не может, особенно ярко это проявляется в отраслевых его разновидностях, например в гражданско-правовом статусе. Необходимо отметить также, что наличие правосубъектности служит условием вступления субъекта в правоотношения и в отрыве от правового статуса существовать не может (особенно важно это для гражданско-правового статуса).

Для адекватного восприятия термина «гражданско-правовой статус женщин» необходимо уяснить, к какому виду правового статуса он относится и какие критерии лежат в основе его выделения в самостоятельный вид. С.В. Ворошилова причисляет правовое положение женщин к специальному статусу, объясняя это тем, что даже при наделении женщин специальными правами и льготами с помощью закона женщины остаются неравными с мужчинами². Н.И. Матузов и А.В. Малько при выделении специального или родового статуса приводят примеры возрастных или профессиональных групп, а пол как критерий используют только при выделении индивидуального статуса личности³.

Каждый индивид обладает одновременно общим правовым статусом, но в то же время он принадлежит и к определенной группе (женщины со-

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. раб. С. 102.

² См.: Ворошилова С.В. Эволюция правового положения женщин в России в XIX веке – начале XX вв. Саратов, 2011. С. 21.

³ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. раб. С. 102.

ставляют разновидность демографической группы) и, следовательно, обладает родовым статусом и он же представляет собой отдельную, неповторимую личность, имеет индивидуальный статус. Достаточно наглядно эту ситуацию демонстрирует сравнение Н.А. Богдановой, которая отмечает что «получается своего рода «матрешка», состоящая из трех рассмотренных видов статусов»¹.

Необходимо отметить, что в данном исследовании мы взяли за основу именно отраслевой — гражданско-правовой статус женщин. Вместе с тем для всестороннего рассмотрения выбранной проблематики следует рассмотреть гражданско-правовой статус женщин и в профессиональном контексте — женщин-предпринимателей и в зависимости от подданства, то есть принадлежности к тому или иному государству, но проживавших на территории Российской империи.

Особого внимания в рамках темы диссертационного исследования заслуживает вопрос о структуре гражданско-правового статуса женщин. Исходя из определения Ю.П. Кашириной, гражданско-правовой статус женщин характеризует их гражданскую правосубъектность, субъективные гражданские права и обязанности, гражданско-правовые принципы, гарантии, меры гражданско-правовой ответственности и защиты, определяет отраслевое (гражданско-правовое), специальное и конкретно-индивидуальное положение женщин в системе гражданско-правовых отношений². Следовательно, в структуру гражданско-правового статуса женщин можно включить принципы гражданского права; гражданско-правовые нормы, устанавливающие данный статус; гражданскую правосубъектность (правоспособность, дееспособность, деликтоспособность); субъективные гражданские права с соответствующими ограничениями и стимулами, юридические обязанности и законные интересы; гражданско-правовые гарантии, меры гражданско-правовой ответственности и защиты.

¹ Богданова Н.А. Категория статуса в конституционном праве // Вестник Московского ун-та. 1998. № 3. С. 20.

² См.: Каширина Ю.П. О структуре гражданско-правового статуса физических и юридических лиц // Право и государство: теория и практика. 2012. № 4. С. 83.

Вся совокупность субъективных гражданских прав и обязанностей личности классифицируется следующим образом: 1) вещные права и обязанности; 2) обязательственные права и обязанности; 3) наследственные права и обязанности; 4) неимущественные права и обязанности.

Исходя из выделения данных видов гражданских правоотношений, определена структура исследования гражданско-правового статуса женщин в России в XVII – первой половине XIX в. В зависимости от вида гражданских (имущественных) правоотношений в каждой конкретной юридической ситуации тот или иной индивид обладает конкретным набором субъективных гражданских прав и обязанностей.

Таким образом, гражданско-правовой статус женщин в России в XVII – первой половине XIX в. можно охарактеризовать как основанную на общем статусе, исторически формируемую систему прав и обязанностей женщин, регулируемую законодательством, сформировавшимся под влиянием обычаев и церковных канонов, представлявшую условия для вступления в гражданско-правовые отношения (вещные, обязательственные, наследственные и семейные), обеспеченные, с одной стороны, государственными гарантиями, а с другой, подкрепленные мерами гражданско-правовой ответственности.

1.2. Социально-экономические и политико-правовые факторы, влиявшие на объем гражданских прав женщин в России в XVII – первой половине XIX века

Гражданско-правовой статус женщин в конкретном обществе и в определенный исторический период точно иллюстрирует уровень цивилизованности, «объективно отражает как достоинства, так и недостатки реально действующей политико-юридической системы, государственных основ данного общества. Потому его нельзя правильно понять и раскрыть, не обращаясь к

сущности того социального уклада, в условиях которого он складывается и функционирует»¹.

Задавшись целью в ходе исследования охарактеризовать особенности гражданско-правового статуса женщин в России в XVII – первой половине XIX в., необходимо, прежде всего, проанализировать факторы, так или иначе влиявшие на объем гражданских прав женщин.

Рассматривая проблему взаимосвязи объема правового статуса и объема правосубъектности, следует признать, что если объем правосубъектности определить совокупностью правоотношений, в которые женщина теоретически способна вступить в конкретный исторический период при определенных обстоятельствах, и в этих рамках приобрести весь остальной объем элементов, входящих в структуру правового статуса, то объем самого правового статуса — это реально существующая, фактическая совокупность уже подлежащих реализации прав и обязанностей. Следовательно, можно согласиться с тем, что «не любое ограничение прав есть ограничение правосубъектности, так как конкретные права могут быть ограничены, но правосубъектность останется нетронутой. Напротив, при сужении правосубъектности ограничения отдельных субъективных прав неизбежны»².

Таким образом, очевидно, что при рассмотрении факторов, влиявших на объем правового статуса женщин, учет условий, оказывавших воздействие на правосубъектность, также необходим, особенно при рассмотрении гражданско-правового статуса женщин, который, как было отмечено, не может не претерпевать на себе влияние уровня изначально заложенного объема правосубъектности.

Специфика условий, влиявших на объем правоспособности, а следовательно, и правового статуса, а также ее ограничения рассматривались первоначально на примере Римского права. Так, Г.Ф. Дормидонтов при раскрытии особенностей правоспособности физических лиц в Римском праве отмечал,

¹ Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 5.

² Бурьянова Е.И. Условия, определяющие правосубъектность индивида: общетеоретический аспект: дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 86.

что в ее основе лежат три основных условия, выступающих критериями, по которым «римское право делит людей на различные категории»¹. Во-первых, это наличие свободы (*statuslibertatis*), но и данное условие не гарантировало равенства всех физических лиц; во-вторых, это принадлежность лица к определенному государству, то есть гражданство (*statuscivitatis*); в-третьих, семейное положение, которое обеспечивает власть над другими членами семьи, или подчиненное положение, как это было у всех женщин (*statusfamiliae*).

Интересно, что для максимального объема правового статуса физического лица необходима совокупность всех трех статусов, но женщины, даже обладая первыми двумя составляющими, не могли априори обладать третьим, поскольку всегда находились под властью мужчин. Следует отметить, что для наличия дееспособности, то есть способности совершать какие-либо юридические действия, необходим был еще целый ряд условий, среди которых автор выделял физические, к которым относил пол, возраст, состояние здоровья и юридические, такие как звание, состояние, род занятий, религия. Помимо перечисленных условий, им называются место жительства, профессия, родство². В связи с этим представляется возможным утверждать, что в Римском праве женщина уже с рождения обладала более низким, по сравнению с мужчиной, правовым статусом.

Основоположник русского гражданского права Д.И. Мейер, рассматривая «существование физического лица от рождения до смерти», отмечал, что «права физических лиц не одинаковы, а зависят от различных обстоятельств, отчасти естественных, отчасти исторических»³. Так, к естественным «обстоятельствам» он относил рождение физического лица (законное или незаконное) пол, возраст, здоровье, отношения родства и свойства физического лица к другим лицам. К историческим факторам, по его мнению, относятся образование, вероисповедание, состояние лица, звание и гражданская честь. Необходимо отметить, что он акцентировал внимание именно на факторах,

¹ Дормидонтов Г.Ф. Система римского права. Общая часть. Казань, 1910. С. 35.

² См.: Там же.

³ Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. М., 2000. С. 124.

вливающих на объем гражданско-правового (имущественного) статуса, что немаловажно для данного исследования, но в отличие от последователей не разделял их на оказывающих влияние на объем правоспособности или дееспособности.

Г.Ф. Шершеневич, проведя фундаментальное исследование русского гражданского права, рассматривал «влияние различных обстоятельств» на правоспособность и дееспособность физических лиц¹. Так, к факторам, влиявшим на объем правоспособности, он относил подданство, национальность, вероисповедание, сословность. Факторами, воздействовавшими на дееспособность, ученый называл возраст, пол, состояние здоровья и расстройство имущества (расточительство). Таким образом, как видим, с момента рождения женщина наделяется уже равными правами с мужчинами, но, вступая в правоотношения, влекущие юридические последствия, она может быть ограничена в правах и иметь отличный от мужского гражданско-правовой статус.

О.И. Богомазова, анализируя факторы, влияющие на реализацию правового статуса женщин в современной России, выделила следующие из них, «осложняющие реализацию правового статуса женщин в России»: исторические, законодательные, социально-экономические, политические, институциональные и психологические (ментальные)².

Анализируя процесс становления гражданско-правового статуса женщин в России в XVII – первой половине XIX в., можно выделить несколько основных факторов, оказывавших максимальное влияние на объем их гражданских прав, объединив их в несколько групп: социальные, экономические, географические и политико-правовые.

На первое место, на наш взгляд, выходят следующие социальные факторы: семейное положение или брачный статус женщины, ее принадлежность к тому или иному сословию, вероисповедание, подданство и национальная принадлежность.

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 72.

² См.: Богомазова О.И. Правовой статус женщин // Вестник Владимирского юридического ун-та. 2007. № 3(4). С. 232.

Рассмотрим степень влияния семейного положения женщины в России и ее брачного статуса на гражданско-правовой статус. Сравнивая, например, дееспособность замужней женщины по русскому и западному законодательству, Г.Ф. Шершеневич утверждал, что уже к XIX в. семейное положение практически перестало влиять на статус женщин, подтверждением чего стало закрепление в Своде законов Российской империи 1832 г. права раздельной собственности в браке¹. Вместе с тем личная зависимость замужней женщины проявлялась в том, что она не могла жить отдельно от мужа. В западном же законодательстве личная власть мужа над женой и совместное владение имуществом в браке доминировали.

Следует отметить, что точку зрения Г.Ф. Шершеневича разделяли не все цивилисты. Так, П.П. Цитович настаивал на том, что даже если «де юре» в законе и закреплялось право женщин вести торговлю от своего имени, то по местным законам это соблюдалось не всегда². А.П. Башилов, ссылаясь на Торговый кодекс Царства Польского (§3 Свода гражданских узаконений губерний Прибалтийских, ст. 11), также утверждал, что «у нас, наоборот, согласие (мужа) не требуется, но заведенная женой торговля может быть во всякое время прекращена по произволу мужа»³.

В экономической сфере деятельности максимальный объем гражданских прав женщины получали либо после смерти мужа, либо при отсутствии наследников-мужчин. Так, например, по законам о лицах купеческого звания вдовы и незамужние дочери при отсутствии наследников мужского пола получали широкие права⁴. Неудивительно, что именно эти категории к началу XIX в. преобладали среди женщин-предпринимателей. Следует отметить, что

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2., 11-е изд. М., 1915. С. 234.

² См.: Цитович П.П. Учебник торгового права. ОЧЕРКИ. Киев, 1891.

³ Башилов А.П. Русское торговое право (практический курс по лекциям). Прибавление к выпуску I. СПб., 1891.

⁴ См.: Указ о разделении купечества на гильдии // ПСЗ РИ. Собрание первое. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. Т. XX. С. 145.

в дальнейшем число замужних женщин и одиноких купчих, занимающихся торговлей, значительно возросло.

Вместе с тем при относительном равенстве в гражданско-правовых отношениях, которое выражалось в законодательном закреплении принципа раздельного владения имуществом супругов, женщины продолжали зависеть от мужчин, что не могло не сказаться на объеме их гражданско-правового статуса в целом.

Важнейшим социальным фактором, определявшим гражданско-правовой статус женщин в России, являлась сословная принадлежность. Если в XVIII в. реализовать свой гражданско-правовой статус в реальных правоотношениях могли, как правило, лишь женщины, принадлежавшие к дворянскому сословию и купечеству, унаследовав, например, капитал, то к XIX в. предпринимательством стали заниматься и женщины из крестьянского сословия, используя при этом собственный капитал, приобретенный в результате коммерческой деятельности. Естественно принадлежность женщины к определенному сословию предопределяла и сферу экономической деятельности, что ограничивало ее предпринимательскую правосубъектность и гражданско-правовой статус в целом. Сословная принадлежность во многом определяла степень образованности женщин. Образованным женщинам, как правило, разрешалось преподавать в начальной школе, быть акушерками и фельдшерицами, необразованные женщины работали кухарками, няньками и прачками.

Соглашаясь с мнением С.В. Ворошиловой, согласно которому женщины привилегированных сословий, наделенные правом имущественной самостоятельности, могли быть достаточно состоятельными и экономически независимыми¹. Поэтому можно утверждать, что в рассматриваемый период женщины привилегированных сословий обладали достаточно большим объемом гражданско-правового статуса.

¹ См.: *Ворошилова С.В.* Право наследования вдовы в законодательстве России XIX в. // *История государства и права.* 2010. № 8. С. 32.

Например, в Вятской губернии имеются сведения о занятии торговлей представительниц разных сословий. Женщины крестьянского сословия села Истобенское занимались, помимо традиционных огородничества и животноводства, собирательством лесных ягод и дикого лука на продажу. Это было дополнительным доходом для крестьянской семьи, а для незамужних девушек — возможностью приобретения тканей, ниток для создания приданого¹. Приведенный пример свидетельствует о том, что реализация гражданских прав в качестве исключения осуществлялась всеми сословиями. Однако торговля для крестьянского сословия была сезонным, непостоянным видом экономической деятельности, в отличие от купечества, которому принадлежала ведущая роль в экономическом развитии. В связи с этим считаем, что купечество является наиболее показательным сословием для анализа и выделения особенностей гражданско-правового статуса женщин.

Следует отметить, что в Вятской губернии степень ограничения женщин, в том числе и по сословному критерию, была намного меньше, чем в других губерниях, что отражается в трудах И.Ю. Трушковой, утверждающей, что патриархат корректируется в Вятской региональной модели из-за особенностей поморского культурно-хозяйственного типа (Вятка считалась восточной частью Поморья), где женщины играли особую роль. Мужчина уходил в море на судне, хозяйкой в доме оставалась женщина². Данный пример свидетельствует о существенном влиянии на объем гражданско-правового статуса региональной специфики.

К социальным факторам, влиявшим на гражданско-правовой статус личности, Г.Ф. Шершеневич относил в том числе вероисповедание, отмечая что данный критерий выражался не столько в ограничениях, сколько в отличиях правового регулирования³. Наиболее ярко это выражается в брачном законодательстве, так как на протяжении многих столетий вопросы вероиспо-

¹ См.: *Трушкова И.Ю.* Женщина и мужчина в традиционной культуре русских Вятского региона: гендерные портреты. М., 2009. С. 32.

² См.: Там же. С. 56.

³ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. С. 72.

ведения относились к церковной юрисдикции и рассматривались духовными судами. Так, православной церковью четвертый брак был запрещен, причем данный запрет действует и поныне, а для католиков и лютеран таких ограничений не было, но расторжение брака в случае прелюбодеяния возможно было только в православии. Необходимо заметить, что женщины данным правом пользовались лишь в исключительных случаях.

По общему правилу запрещены были и межконфессиональные браки. Для осуществления бракосочетания требовалось состояние обоих брачующихся в православной вере. Исключением стал указ Святейшего Синода 16 августа 1720 г., разрешивший иностранным подданным вступать в брак, не меняя ни подданства, ни веры¹. Это было вызвано заинтересованностью в присутствии шведских военнопленных в Сибири, что привело в итоге к негативным последствиями, разрыву семей, так как после окончания войны мужья получили право уехать на родину. В 1768 г. возникла тенденция послабления. Сначала это коснулось западных губерний, где при заключении смешанных браков Екатерина II разрешила воспитывать сыновей в отцовской, а дочерей в материнской вере². С 1796 г. Екатерина II сделала исключение из правила обязательного присутствия брачующихся на венчании для членов императорского дома при женитьбе их на иностранных принцессах. По западному образцу было введено доверенное лицо³.

В начале XIX в. стали допускаться смешанные брачные союзы лиц православного вероисповедания с лицами других христианских вероисповеданий без перехода их в православие. Более того, стали разрешаться браки нехристиан с христианами, что коснулось евреев, мусульман, буддистов⁴. Для

¹ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. С. 72.

² См.: Трактат вечный между Всероссийскою Империей и Речью Посполитою Польскою от 13(24) февраля 1768 г. // ПСЗ-1. Т. XVIII. № 13071.

³ См.: Манифест от 3 февраля 1796 г. «Об обручении Великого Князя Константина Павловича с Великою княжною Анной Федоровной, урожденной Принцессою Саксен-Зальфельд-Кобурскою» // ПСЗ-1. Т. XXIII. № 17436.

⁴ См.: Указ Сената от 16 мая 1810 г. «О бракосочетании Православных лиц с иноверными на основании правил Грекоримской Церкви» // ПСЗ РИ. Т. XXXI. № 24235; Указ Сената от 20 марта 1840 г. «О разрешении Священников, чтобы они к повенчанию

фиксирования подобных браков, а также браков раскольников в церквях вводились книги актов гражданского состояния и все гражданские последствия таких браков рассматривались исключительно светским судом¹.

Вероисповедание оказывало влияние и на объем наследственных прав. Нехристиане не устранялись от получения в наследство по закону или по завещанию святых икон, но с обязанностью передать их со всеми наложенными на них украшениями в 6-месячный срок со дня принятия наследства в руки христиан соответствующего вероисповедания или в церковь. При неисполнении этого распоряжения иконы предписывалось немедленно отбирать и передавать в консисторию для надлежащего, по усмотрению духовного начальства, распоряжения².

К экономическим факторам мы предлагаем отнести следующие факторы, влиявшие на гражданско-правовой статус женщины: отраслевая принадлежность ее предпринимательской деятельности; экономическая специализация региона, в котором она проживала.

В XVIII в. женщины не были свободны в выборе вида экономической деятельности. Если изначально большинство предприятий, владельцами которых являлись женщины, относилось к пищевой и текстильной отрасли, то к XIX в. к популярным отраслям добавились табачная отрасль и производство спичек.

В Поморье, например, женщины издревле преобладали в качестве владельцев магазинов и лавок, так как мужья, уходившие в море, оставляли на них свои торговые предприятия. Так, в Вятской губернии XVII–XVIII вв. в условиях складывания всероссийского рынка в торговой деятельности местных купцов преобладали торговля хлебом, салом, медом, кожей, юфтью, пушной, лесом, смолой, льном. Эти же направления предпринимательской дея-

браков лиц православных с иноверными, приступали сами, не испрашивая разрешения Епархиальных Архидиаконников» // ПСЗ РИ. Т. XV. № 13278.

¹ См.: Загоровский А.И. Курс семейного права. 2-е изд. Одесса, 1909. С. 71.

² См.: Свод Основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. Кн. 3. Т. X. Ч. 1. СПб., 1832. Ст. 1188.

тельности мы наблюдаем и у Вятских купчих. Если анализировать экономическую специализацию региона, в котором проживала женщина, то интересным представляется взгляд И.Ю. Трушковой, которая отмечает, что «некоторую свободу женщины еще сохраняли и по географическому фактору»¹. На территориях рискованного земледелия с суровым климатом невозможно абстрагироваться от земледелия, которое требовало огромных физических и временных затрат от мужчины, а также подчеркивало ценность и женского труда по заготовке и сбору иных съестных запасов, что способствовало «сохранению матриархата, горизонтальных, партнерских отношений». Примером воплощения данного утверждения, по ее мнению, является Вятская губерния, отличавшаяся, помимо экономического фактора, и рядом иных особенностей, влиявших на объем гражданско-правового статуса женщин².

В Москве и Санкт-Петербурге как столичных регионах наблюдался рост количества женщин-предпринимателей, среди которых были даже женщины, участвовавшие в предпринимательстве в роли директоров правлений и пайщиков³. Интересным представляется тот факт, что были и предприятия полностью с женским составом руководства, которые между тем не допускались на заседания местных Биржевых и Купеческих обществ⁴. Довольно долго действовал запрет на приезд женщин-купцов к императорскому дворцу, что свидетельствовало о явных ограничениях их гражданско-правового статуса.

Таким образом, экономические и географические факторы непосредственно оказывали влияние на объем гражданско-правового статуса женщин независимо от ее сословной принадлежности и семейного положения.

Политико-правовыми факторами, влиявшими на объем и содержание гражданско-правового статуса женщин, на наш взгляд, являются: во-первых, правовые способы или основания приобретения права собственности на

¹ См.: *Трушкова И.Ю.* Женщина и мужчина в традиционной культуре русских Вятского региона: гендерные портреты. С. 56.

² См.: Там же.

³ См.: *Ульянова Г.Н.* Женщины-владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX веке // *Экономическая история. Ежегодник. 2007*

⁴ *Gregory P.* Russian National Income. Cambridge University Press, 2004.

имущество, то есть путем наследования или осуществления самостоятельных сделок; во-вторых, доминирующие формы права при регулировании имущественных вопросов с участием женщин; в-третьих, закрепление в законодательных актах права заниматься предпринимательской деятельностью, позволявшее продемонстрировать максимальную реализацию всего объема гражданско-правового статуса женщин.

Отметим, что, провозглашенное расширение имущественных прав женщин подтверждалось и законодательно, например 14 июня 1753 г. была закреплена возможность женщины иметь и приобретать свою отдельную собственность как по договору купли-продажи, дарения, так и путем наследования. Немаловажным представляется закрепление в данном акте положения, провозгласившего что «жены могут продавать собственное их имение без согласия их мужей»¹.

Важным аспектом, влиявшим на расширение имущественных прав женщин, являлась закрепленная в законе возможность супругов заключать между собой договоры, за исключением сделок, которые могли повлечь негативные последствия для кредиторов или самого государства².

Характеризуя преобладающие формы права, регулирующие в исследуемый период гражданско-правовой статус женщин, необходимо отметить следующее. На протяжении XVII в. нормы церковного права и правовых обычаев в регулировании имущественных отношений женщин эволюционируют и к концу века, на их базе появляются законодательные нормы, упорядочивающие и дополняющие их. К ним можно отнести и Указы 1679 г., закрывшие запрет на отчуждение имущества мужьями без согласия их жен³ и

¹ Сенатский указ от 14 июня 1753 г. «О порядке совершения крепостей от имени владельцев обоюбого пола на собственное имение каждого без различия» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1838. Т. XIII. № 10111.

² См.: О мерах против злонамеренной передачи имений между супругами. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 17 июня 1846 г. // ПСЗ-2. Т. XXI. № 20138.

³ См.: Именной указ от 21 февраля 1679 г. «О запрещении мужьям продавать и закладывать своим именем вотчины жен своих, без их согласия» // ПСЗ. Т. II. № 751.

запрет от своего имени осуществлять данное отчуждение¹. Как видим, законодатель сделал еще один шаг к повышению уровня имущественных прав замужних женщин и их гражданско-правового статуса в целом.

Характерная черта XVIII столетия — внедрение государственного регулирования в частные сферы жизни общества, в том числе и регулирование правоотношений супругов. Причем именно их имущественные отношения вызывали наибольший интерес законодателя. Так, если в начале XVIII в. набирающее силу светское законодательство в виде указов императора было направлено на восполнение пробелов в каноническом праве, то к концу столетия наблюдается усиление данной тенденции и практически полное вытеснение церковного законодательства в регулировании гражданско-правовых отношений, участниками которых являлись женщины.

Анализ законодательных актов Российской империи позволяет утверждать, что к XVIII в. расширяются возможности для занятия женщин предпринимательской деятельностью. В Сенатском указе от 25 мая 1775 г. «О сборе с купцов, вместо подушных податей, по одному проценту с объявленного капитала и о разделении их на гильдии», принятом Екатериной II, было закреплено: «Лица женского пола причисляются к гильдиям на одинаковом основании с мужским; незамужние по праву состояния, принадлежащего им по рождению, а замужние и вдовы по праву, приобретенному ими супружеством»². Данный пример свидетельствует о том, что, несмотря на «одинаковое основание» включения женщин в купеческие гильдии, объем их прав зависел от занимаемого ими семейного положения, которое одновременно являлось и критерием деления их на группы: купеческие вдовы, купеческие жены и незамужние купеческие дочери³.

¹ См.: Указ от 19 июля 1679 г. «О не отчуждении продажею и залогом мужьям от своего имени жениных вотчин» // ПСЗ. Т. II. № 762.

² См.: Сенатский указ от 25 мая 1775 года «О сборе с купцов, вместо подушных податей, по одному проценту с объявленного капитала и о разделении их на гильдии» // ПСЗ-1. Т. XX. № 14327.

³ Ульянова Г.Н. Указ. раб. С. 32.

Вышеназванный критерий используется в том же акте и в следующем закреплении: «О вдовах, кои купеческий промысел умерших купцов, мужей своих, продолжают или особо собственным своим капиталом купечество производят, разуметь должно то же, что о купцах постановлено». В дальнейшем уже в 1785 г. ст. 92 «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» также закреплялось «всеобщее равенство», в том числе и по половой принадлежности, для получения статуса гильдейского купечества, что выражалось в следующем: «Дозволяется всякому, какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, или поколения, или семьи, или состояния, или торгова, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кто за собою объявит капитал выше 1000 рублей и до 50000 рублей, записаться в гильдии»¹.

Вершиной законодательного регулирования предпринимательских прав женщин стало включение в 1814 г. в проект Торгового уложения Российской империи отдельной главы под названием «О купечествующих лицах женского пола». Изданное в период правления императора Александра I, оно так и не было принято, но сама попытка урегулирования особенностей участия женщин в экономических отношениях заслуживает внимания.

Таким образом, можно заключить, что политико-правовые факторы, отражавшие действовавшее в XVII – первой половине XIX в. законодательство, благоприятно влияли на закрепление гражданско-правового статуса женщин, но механизмов и гарантий реализации их прав еще не содержали. Особенность данного периода состояла также в том, что закреплялись достаточно широкие права женщин лишь в частноправовых нормах и значительно ограничивались права в нормах публичного характера, даже касавшиеся предпринимательской деятельности.

Анализируя условия, оказывавшие влияние на объем гражданско-правового статуса иностранок, можно выделить следующие факторы: во-первых, это наличие или отсутствие российского подданства. «Иностранки,

¹ См.: Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ-1. Т. XXII. № 16188.

вступившие в подданство Российскому престолу, пользуются правами и несут обязанности того состояния, к которому сопричислены»¹; во-вторых, игравшее особую роль вероисповедание, которое в свою очередь подразделялось на христианское и иное (магометанское, языческое). «Иностранки магометанского или языческого закона, принявшие христианскую веру, исключаются из прежнего состояния и оклада, и причисляются к христианским обществам по собственному выбору, с трехлетней льготой от всех податей»²; в-третьих, состояние в браке. «Незамужним иностранкам воспрещено было вступать в гильдии, они могли записываться только в мещанство и цехи»³.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что законодательство России рассматриваемого периода, определяя особый гражданско-правовой статус иностранок, исходило из трех критериев: подданство, вероисповедание, семейное положение, а в некоторых случаях — и профессиональный статус. Сопоставляя факторы, воздействовавшие на статус иностранок и женщин — подданных Российской империи, необходимо отметить, что общими являлись такие факторы, как семейное положение, а также правовые факторы, непосредственно влиявшие на гражданско-правовой статус. Представляет интерес тот факт, что сословная принадлежность иностранок в меньшей степени влияла на их статус на территории России, тогда как профессиональные навыки и умения могли существенно его изменить.

На объем гражданско-правового статуса женщин в России в XVII — первой половине XIX в. оказывали непосредственное воздействие социальные, экономические, географические и политико-правовые факторы.

¹ См.: Сенатский указ от 4 октября 1722 года «О явке в Главном Магистрате занимающимся художествами и ремеслами для объявления чем занимается» // ПСЗ-1. Т. VI. № 4102.

² См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 17 июня 1826 года «О браках, заключаемых лицами Евангелического исповедания с Евреями и Магометанами» // ПСЗ-2. Т. I. № 410.

³ Манифест от 13 февраля 1798 г. «Об установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам» // ПСЗ-1. Т. XXV. № 18373.

К социальным факторам можно отнести семейное положение или брачный статус женщины, а также ее принадлежность к тому или иному сословию, вероисповедание, национальность и подданство. Экономическими факторами можно назвать развитие различных форм землевладения, вид профессиональной деятельности, а также экономическую специализацию региона, в котором женщина проживала. Географическим фактором являлось место проживания женщины: город или деревня, центральная часть России или отдаленные окраины. Политико-правовыми факторами, влиявшими на объем и содержание гражданско-правового статуса женщин, на наш взгляд, являются: правовые способы или основания приобретения права собственности на имущество; преобладающие формы права при регулировании имущественных вопросов с участием женщин; закрепление в законодательных актах права заниматься предпринимательской деятельностью, позволявшее продемонстрировать максимальную реализацию всего объема гражданско-правового статуса женщин.

ГЛАВА 2. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЖЕНЩИН В РОССИИ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

2.1. Законодательное регулирование вещных прав женщин

При рассмотрении вопроса об особенностях регулирования вещных прав женщин в XVII – первой трети XIX в. необходимо проанализировать следующие проблемы: во-первых, эволюцию закрепления самой категории вещного права, а также включенных в нее дефиниций; во-вторых, процесс трансформации способов приобретения собственности женщинами в исследуемый период; в-третьих, установить критерии периодизации законодательного закрепления вещных прав женщин; в-четвертых, выделить особенности каждого из периодов эволюции вещных прав женщин.

В исследуемый период впервые происходит фиксирование на законодательном уровне как самой категории вещного права, так и включаемых в ее содержание понятий, а именно: «собственность», «владение», «недвижимость». Для уяснения сути данных понятий необходимо обратиться к проблеме возникновения и закрепления самой категории «вещное право».

Вещное право, регулируя статику гражданско-правовых отношений в обществе и являясь одной из самых консервативных подотраслей гражданского права, в XVII – первой половине XIX в. претерпевает постоянные изменения, обусловленные процессом становления вещного права как правовой категории в русском праве, что не могло не отразиться на вещных правах женщин. Достаточно образно этот противоречивый процесс описывал М.Ф. Владимирский-Буданов, отмечавший, что если к концу XVII в., казалось бы, «вековая работа» по закреплению вещных прав физического лица была уже почти завершена, что выразилось в закреплении прав по распоряжению родовым имуществом и закреплении прав по отношению к поместью, то в XVIII в. при Петре I, игнорируя исторические традиции, законодательство от-

вергло большую часть ограничений, одновременно вводя новые, и только при Екатерине II «право собственности частных лиц утверждено принципиально»¹.

Двойственность и непоследовательность процесса становления вещных прав подчеркивает Ричард Уортман, отмечая, что «представление о частной собственности в императорской России было пронизано противоречиями и непоследовательностью, так как имущественные права оставались здесь «атрибутом привилегированности», а не основанием для политических прав»².

Рассмотрение особенностей становления вещных прав женщин невозможно без анализа и учета общих закономерностей формирования института вещных прав в XVII – первой половине XIX в. Существует несколько подходов к периодизации становления вещного права в России. К.А. Неволин, анализируя гражданско-правовые отношения, впервые разделил историю русского законодательства на две части — древнюю и новую. Но при исследовании особенностей становления вещного права границей между этими эпохами он установил не законодательный акт в виде Соборного уложения 1649 г., а целую эпоху Петра I, что вызывает некоторое недоумение. Вторая же часть гражданского законодательства традиционно была разделена им на три периода: от Петра I до Екатерины II, от ее царствования до создания Свода законов и последующий — современный период³. Следовательно, в выделении критерия данной классификации преобладают не даты принятия знаменательных законодательных актов, а периоды правления политических персон. Этой же традиции придерживался и М.Ф. Владимирский-Буданов при анализе вещного права, когда выделял три основных периода: Земский период (IX–XIII вв.); период Московского государства с основным законодательным актом — Уложением Алексея Михайловича 1649 г.; период Российской импе-

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 603.

² См.: Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / авт. пер. с англ. М.Л. Долбилова при участии Ф. Л. Севастьянова. М., 2004. С. 320.

³ См.: Неволин К.А. История российских гражданских законов: Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. Ч. 2. М., 2006. С. 294.

рии, который был разделен еще на два периода — от Петра I до Екатерины II и от Екатерины II до принятия Свода законов (1832 г.)¹.

Относительно вещных прав женщин и фактического обладания ими, например, в браке, М. Ф. Владимирский-Буданов предлагал выделять следующие периоды: древнейшая эпоха — имущество жены находилось в собственности мужа; XIV–XVII вв. — общность имущества супругов; с XVIII в. — раздельное владение имуществом. Н.Н. Дебольский, критикуя такое схематическое деление на периоды, отмечал, что как жены, так и вдовы, по русскому законодательству достаточно рано получили полную дееспособность в области вещных прав². Современный исследователь имущественных прав женщин на Руси Н.Л. Пушкарева также подтверждает, что в данном случае сами законодательные акты противоречат утверждениям М.Ф. Владимирского-Буданова и в его периодизации отсутствует учет социально-экономического обоснования и связь с общими процессами развития феодальной собственности в целом³.

Интересным представляется современный подход А.А. Алексеева к выделению периодов в процессе развития имущественной правомочности женщин при анализе правового регулирования имущественных отношений супругов в Российской империи⁴. При рассмотрении данного вопроса он выделил также три периода, охарактеризовав каждый из них по объему предоставляемых имущественных прав женщинам. Первый период (X — начало XVI в.) обозначен как этап медленного расширения дееспособности женщин в отношении лично им принадлежавшего и общесемейного имущества; второй период (середина XVI — конец XVII в.) характеризуется такими процес-

¹ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 607.

² См.: *Дебольский Н.Н.* Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб., 1903. С. 21.

³ См.: *Пушкарева Н.Л.* Имущественные права женщин на Руси (X–XV вв.) // Исторические записки. 1986. № 114. С. 185.

⁴ *Алексеев А.А.* Нормативные основы регулирования имущественных отношений супругов в Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 9.

сами, как распространение юридических ограничений владельческих и собственнических прав женщин; третий период (XVIII – начало XX в.) ознаменован расширением имущественных прав женщин, получением ими прав на владение недвижимой собственностью.

Оригинальный критерий для периодизации становления вещных прав женщин выдвинула в своем исследовании М.Л. Маррезе¹. При анализе института владения имуществом дворянок в России она акцентировала внимание не столько на влиянии законодательных актов на вещные права женщин, сколько на прецеденты высшего судебно-административного органа Российской империи — Сената, который по ее мнению, сыграл огромную роль в развитии вещного, семейного и наследственного права в России. Так, прецедент 1753 г. по иску Аксины Головиной, супруги майора Ивана Головина, стал поворотным в установлении прав женщин на свободу распоряжения собственным имуществом.

Таким образом, исходя из вышеупомянутого критерия, автор выделяет следующие периоды: допетровский период; период с 1700 до 1753 г.; период с 1753 до 1861 г., который, по мнению автора, стал началом конца права собственности дворянства вообще в связи с отменой крепостного права². Вместе с тем представляется возможным утверждать, что единичный случай либерального толкования действующих норм на тот период не может служить основанием для разграничения исторических периодов в становлении вещных прав женщин в России, а придание такой значимости прецеденту объясняется принадлежностью автора к государству, в котором действуют традиции англосаксонской правовой системы.

В связи с тем, что рассмотренные периодизации не укладываются в исследуемый автором исторический отрезок XVII – первая половина XIX в. и носят достаточно противоречивый характер, необходимо выделить следующие этапы эволюции вещных прав женщин, критерием выделения которых

¹ См.: *Маррезе М.Л.* Бабые царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М., 2009. С. 84.

² См.: Там же. С. 92.

являются законодательные акты, оказавшие существенное влияние на исследуемый объект:

I этап (начало XVII в. — 1649 г.) — до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича: преобладает представление о собственности женщин как семейной категории в связи с несформировавшейся категорией индивидуальной собственности. На законодательном уровне наблюдаются лишь зачатки регулирования вопросов распоряжения приданым и защиты наследственных прав женщин;

II этап (1649–1714 гг.) — с момента принятия Соборного Уложения до Указа о единонаследии Петра I: происходит расширение защиты права пользования вотчинами как приданым имуществом, в том числе и с помощью их наследования, но только после смерти мужей неприкосновенность собственности женщин, достигается максимально;

III этап (1714–1785 гг.) — с момента принятия Указа о единонаследии Петра I до Жалованной грамоты дворянству Екатерины II: законодательно закрепляется понятие «недвижимость», включавшее в себя все формы землеуладения. Участие женщин в сделках от своего имени расширило право распоряжения своей собственностью, что закрепляется на законодательном уровне и подтверждается прецедентом в правоприменительной практике;

IV этап (1785–1832 гг.) — с Жалованной грамоты дворянству Екатерины II до принятия Свода законов Николаем I: законодательно закрепляется понятие «собственность», происходит дальнейшее расширение вещных прав женщин, а также предоставляется возможность на законодательном уровне использование этих прав в экономическом обороте в виде осуществления предпринимательской деятельности.

При исследовании особенностей вещных прав каждого из выделенных периодов, помимо влияния действующих на тот момент законодательных актов, немаловажным представляется вопрос о способах приобретения имущества, лежащего в основе права собственности женщин. Источником формирования собственности женщин, по утверждениям большинства исследовате-

лей, становились приданое, наследство, имущество, приобретенное в результате купли-продажи (благоприобретенное)¹.

Аргументируя свою позицию, Н.Н. Дебольский утверждает, что имущество жены могло возникнуть как путем личных приобретений во время и до брака (например, имущество вдовы, полученное от первого брака), по духовному завещанию родителей, так и путем купли, дара². Относительно приданого точки зрения исследователей допетровского периода расходятся. Одни относят его к общему имуществу супругов³, другие — к добрачному имуществу жены⁴.

Следует подчеркнуть, что, как правило, способы приобретения права собственности женщин носили производный характер, то есть осуществлялись по воле предыдущего собственника. В виде исключения можно отметить и первоначальные способы приобретения, характерные для крестьянскогословия, девицы-рукодельницы собственноручно изготавливали себе будущее приданое, а также сезонно занимались сбором плодов, ягод, грибов, излишки которых продавали, получая небольшие денежные средства⁵. Данные способы приобретения собственности регулировались, как правило, обычаями и традициями отдельных регионов.

Для выявления особенностей вещных прав женщин на первом этапе, до принятия Соборного Уложения 1649 г., необходимо рассмотреть основные понятия в области вещного права данного периода. Существует мнение, что сам термин «вещное право» не только был известен русскому законодательству, но и широко применялся в судебной практике, что было связано с необ-

¹ См.: Мейер Д.И. Об имущественных правах // Журнал министерства юстиции. 1860. Т. 4. Часть неофициальная II. С. 3–52.

² Дебольский Н.Н. Указ. раб. С. 262.

³ См.: Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 2010. С. 231.

⁴ См.: Неволин К.А. Указ. раб. С. 11–12.

⁵ Пушкарёва Н.Л. Имущественные права женщин на Руси (X–XV вв.) // Исторические записки. 1986. № 114. С. 47.

ходимостью замены старого термина «вотчинное право», которое означало лишь недвижимое имущество¹.

Рассуждая о времени возникновения права «собственности» Ю.В. Нарыкова утверждает, что до Соборного уложения 1649 г. в Московском государстве термин «владение» всегда означал владение по праву собственности или по другому законному предлогу, а когда нужно было отличить его от права собственности, употреблялся термин, выражающий внутренний порок владения («сильно владеют», «сильно сидят»)².

Относительно использования термина «вотчинное право» следует заметить, что вотчины были основной формой землевладения в XIV–XV вв., затем постепенно расширяется поместная форма землевладения. Таким образом, данный период формирования права собственности женщин осуществлялся на базе двух форм землевладения — патриархальной и индивидуальной, которые в свою очередь отличались друг от друга правом свободного распоряжения при жизни владельца и последующего наследования.

С одной стороны, уже в начале XVII в. наблюдалось активное участие женщин в разнообразных имущественных сделках, что подтверждалось женскими подписями под дарственными, купчими, закладными³. С другой стороны, данный факт не может служить доказательством раздельного владения имуществом, но свидетельствует о том, что женщины принимали участие в управлении имуществом, а значит и обладали правом собственности и иными вещными правами⁴.

Законодательные акты рассматриваемого периода лишь косвенно упоминали имущественные права женщин, акцентируя внимание на немногочисленных проблемах, возникавших в области защиты приданого и наследования. Относительно распоряжения собственностью женщины в виде придано-

¹ См., например: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 145.

² *Нарыкова Ю.В.* Генезис института права собственности в России (XI – первая половина XIX вв.) // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2007. № 2. С. 500.

³ См.: *Дебольский Н.Н.* Указ. раб. С. 272.

⁴ См.: *Пушкарёва Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 118.

го как вклада в общее имущество супругов власть мужа не была безграничной. Закон устанавливал четкие границы власти мужчины над имениями жены и для отчуждения, например земель, мужу требовалось ее согласие¹.

Особенность обладания женщинами вещными правами в данный период выражалась и в наследовании, которое являлось основным способом приобретения собственности, но при этом само наследование женщинами было ограничено и зависело от ее семейного положения. В перечне лиц, указанных в актах служилых землевладельцев XV – начала XVII в., есть имена жен и дочерей, например, Аничкова Анастасия Глебова жена, Безобразова Екатерина Иванова дочь, Бохина Оксинья Дорофеева дочь, Бутурлина Матрена Перфильева жена Иванова дочь Лукина².

Рассмотрим особенности второго периода (1649–1714 гг.) с момента принятия Соборного Уложения до Указа о единонаследии Петра I. Для характеристики процесса формирования вещных прав женщин в указанный период проанализируем общие тенденции формирования вещного права как института. В Соборном Уложении Алексея Михайловича 1649 г., по сочинениям Владимира Строева, имущество разделялось по двум критериям: во-первых, «по качеству своему» на движимое и недвижимое, к недвижимому относили вотчины и поместья, а также дома, мельницы, лавки, погреба и иные строения, все остальное имущество считалось движимым; во-вторых, по способу приобретения на «родовое» и «благоприобретенное». К «родовому» имуществу относились наследуемые вотчины или пожалованные от Государя; вотчины, купленные у родственников; вотчины, выкупленные у третьих лиц, которые были проданы или заложены родственниками³. М.Ф. Владимирский-

¹ См.: Веселовский С.В. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947. Т. 1–2. С. 44–45.

² См.: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / сост. А.В. Антонов. М., 2002. С. 64.

³ См.: Тихомиров М.Т., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 190.

Буданов, анализируя «поместное право», отмечал также процесс расширения объема вещных прав¹.

Определяя влияние этих процессов на уровень расширения вещных прав женщин, следует отметить, что, с одной стороны, законодательство определенным образом закрепляет права женщин в отношении поместных земель, но с другой стороны, это не распространялось на вотчины². Условные держания (поместья), которые женщина использовала как приданое, составляли существенное исключение из правил об обособленном владении имуществом. В отличие от вотчинных владений поместья записывались на имя жениха, которому полагалось ходатайствовать о регистрации поместья невесты на себя еще до свадьбы и тратить доходы с этой земли на свою военную службу³. Указанное законодательное закрепление существенно ограничивало право собственности женщин дворянок, так как чаще всего они наследовали именно вотчины, а не поместья⁴. Имеет место и иная концепция, сформулированная А.Б. Лакиером⁵, который утверждает, что после принятия Соборного Уложения 1649 г. лица женского пола, кроме того, что получали на прожиток и в полную собственность определенную часть из поместий и вотчин своих мужей, владели на праве отдельной собственности своими приданными вотчинами, которые мужья не могли без согласия жены отчуждать⁶. Если при продаже мужьями поместий жены на купчих и закладных не было подписи жены, то они отбирались от покупателей и возвращались вотчинникам. Терявшие в этом случае свои деньги приобретатели могли подать иск продав-

¹ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 603.

² См.: *Тихомиров М.Т., Епифанов П.П.* Указ. раб. С. 197.

³ См.: Там же. С. 20.

⁴ См.: *Маррезе М.Л.* Указ. раб. С. 82.

⁵ *Лакиер А.Б.* О вотчинах и поместьях. СПб., 1848. С. 211.

⁶ См.: Боярский приговор от 21 февраля 1679 г. «О запрещении мужьям продавать и закладывать своим именем вотчины жен своих, без их согласия» // ПСЗ-1. Т. II. № 751; Именной указ с Боярским приговором от 19 июля 1679 г. «О не отчуждении продажей и залогом мужьям от своего имени жениных вотчин» // ПСЗ-1. Т. II. № 762; Боярский приговор от 12 марта 1680 г. «О действительности купчих и закладных на женины вотчины, если подписаны не одними мужьями, но и женами» // ПСЗ-1. Т. II. № 803.

цам¹. Расширялись и наследственные права женщин, так как после смерти матери приданные вотчины ее переходили к ее потомству по ее выбору².

Аргументируя свою точку зрения, М.Л. Маррезе утверждает, что уже к концу XVII столетия «неприкосновенность земель замужних женщин представляла собой освященный временем принцип русского имущественного права»³. Необходимо заметить, что данный вывод носит опережающий характер, так как сам автор, тут же замечает, что в имущественных сделках с участием женщин преобладали вдовы, причем действовали они чаще всего совместно с сыновьями или другими родственниками-мужчинами⁴. Примером данного наблюдения может служить купчая 1690 г. на продажу Александром Никифоровым вдове Алене Пьянковой родовой своей вотчины в Нижегородском уезде⁵. Вместе с тем, несмотря на достигнутое расширение имущественных прав женщин, круг имущественных сделок с их участием был гораздо уже той сферы, в которой могли действовать мужчины, это касается, например мены⁶.

Событием, ознаменовавшим начало третьего этапа становления вещных прав женщин, можно назвать издания Указа о единонаследии 1714 г. Петром I. Профессор Императорского Санкт-Петербургского университета В.Н. Латкин в главе «Вещное право» своего учебника «История русского права периода Империи» провозгласил окончательное слияния поместий и вотчин в понятие «недвижимость» в Указе 1714 г. Представляется интересным замечание в его труде о том, что впервые термин «недвижимое имущество» фигурировал даже

¹ См.: Новоуказные статьи о поместьях и вотчинах от 10 августа 1677 г. // ПСЗ-1. Т. II. № 700.

² См.: Статьи о вотчинах от 29 марта 1680 г. // ПСЗ-1. Т. II. № 814.

³ *Маррезе М.Л.* Указ. раб. С. 215.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Купчая на продажу Александром Никифоровым сыном Жервинским вдове Алене Пьянковой родовой своей вотчины в Нижегородском уезде Березопольском стану с 17 крестьянскими дворами и со всеми угодьями за 1000 руб. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=4&manuscript=493> (дата обращения: 12.08.2015).

⁶ См.: *Пушкарёва Н.Л.* Женщины Древней Руси. С. 17.

в Указе 1712 г.: «Когда род, чей вымрет, то последний в роду не имеет никому никаким образом своих добр недвижимых продать или отдать»¹.

К этому же законодательному акту относит возникновение термина «недвижимость» в своем сочинении «О вотчинах и поместьях» А.Б. Лакиер, но в связи с различной природой возникновения, предлагает продолжать разграничение вотчин от поместий, так как поместья носили исключительно государственный служебный характер, и отличались от вотчин «отсутствием родовой стихии»².

Весьма обсуждаемым среди исследователей петровского законодательства является вопрос о значении сенатского Указа 1714 года в процессе расширения прав женщин на собственность и иные вещные права. С одной стороны, данный Указ предоставил право женщинам составлять купчие и закладные от своего собственного имени³, то есть свободно распоряжаться принадлежащим имуществом, а с другой стороны, содержал лишь вид земельных владений, которые могли теперь продавать женщины, то есть участвовать в сделках, касающихся как поместий, так и вотчин. Обосновывая свою точку зрения, М.Л. Маррезе утверждает, что закон в данном случае не избавил женщин от обязанности получать разрешение мужа на продажу земли: «Власть мужчин над женами и их имуществом никоим образом не была подорвана петровским указом, разрешившим женщинам участвовать в сделках с недвижимостью»⁴. Законодательство признавало, что на практике женатые мужчины не проводили различия между своим имуществом и собственностью жен. Например, Указом 1740 г. было разрешено набирать рекрутов из деревень, принадлежащих женам отставных офицеров⁵. В связи с вышесказанным необходимо отметить, что, несмотря на отсутствие прямого закреп-

¹ См.: *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX ст.). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1909. С. 537.

² *Лакиер А.Б.* Указ. раб. С. 201.

³ См.: Сенатский указ от 4 ноября 1715 г. «О позволении писать купчие и закладные на недвижимое имение лицам женского пола» // ПСЗ-1. Т. V. № 2952.

⁴ *Маррезе М.Л.* Указ. раб. С. 81.

⁵ См.: *Парамонов А.С.* О законодательстве Анны Иоановны. СПб., 1904. С. 161.

ления свободного распоряжения собственностью женщинами, данный Указ не содержал никаких запретов, что впоследствии в процессе толкования и судебного правоприменения выразится в относительной свободе распоряжения вещными правами женщин.

Так, провозглашенное равенство женщины с мужчиной в имущественных правах подтверждалось Сенатским указом 14 июня 1753 г. «О порядке совершения крепостей от имени владельцев обоого пола на собственное имение каждого без различия», в котором была закреплена возможность женщины иметь и приобретать свою отдельную собственность, как по договору купли-продажи, дарения, так и путем наследования. Немаловажным представляется закрепление положения в данном акте, провозгласившее что «жены могут продавать собственное их имение без согласия их мужей»¹.

Отметим, что при вынесении Указа 1753 г. были проанализированы действующие законодательные акты и судебная практика Юстиц-коллегии 1744 и 1752 гг., содержавшие отрицательное решение и запрет осуществлять самостоятельные сделки женщинам, по которым не было решения Сената о законности этих сделок. Следовательно, представляется возможным утверждать, что Сенат руководствовался не сложившейся судебной практикой предшественников, а законодательством, а именно все тем же Указом 1714 г., причем не прямыми его распоряжениями, а отсутствием прямых запретов, действуя по диспозитивной формуле «все дозволено, кроме прямо запрещенного нормой».

Существует множество противоположных оценок «прогрессивному» для того времени Сенатскому Указу. М.Л. Маррезе приходит к выводу, что Указ 1753 г. не носил случайный характер и не был прихотью Елизаветы Петровны, а стал результатом формирования индивидуальных прав на собственность всего дворянского сословия первой половины XVIII в. Рассматривая последствия издания данного указа, автор делает вывод о том, что это по-

¹ См.: Сенатский указ от 14 июня 1753 г. «О порядке совершения крепостей от имени владельцев обоого пола на собственное имение каждого без различия» // ПСЗ-1. Т. XIII. № 10111.

влекло за собой серьезные изменения в нотариальной практике, в частности исчезновение приданого и замена его дарением¹.

Среди современников, в целом отнесшихся к данному событию равнодушно, нашлись и противники изменений права распоряжения собственностью женщин. Так, знаменитый консерватор князь М. Щербатов расценил прецедент 1753 г. как «разрушающий супружественную связь» и усмотрел в нем пагубное влияние фаворитизма², приводя конкретные доказательства в поддержку своей позиции, что впоследствии не остановило начавшийся процесс расширения вещных прав женщин.

Оценка степени расширения вещных прав женщин в России невозможна без сопоставления с правовым статусом женщин на Западе в исследуемый период. Необходимо заметить, что даже в европейских странах не было единого подхода в решении данного вопроса. Максимальной степенью ограничения отличался статус замужней женщины в английском обычном праве XVIII в., по которому муж не только управлял недвижимым имуществом своей жены, но и распоряжался даже ее личным движимым имуществом. Причем это право распространялось как на добрачные приобретения, так и на осуществляемые во время брака. Исключением являлось закрепление права распоряжения имуществом женщиной только в добрачном соглашении ее отцом³. По мнению исследователя истории законодательного регулирования имущественных прав женщин в странах англо-саксонской правовой системы Сандры Фридман, в гражданско-правовых отношениях английская женщина XVIII в. в браке фактически не обладала дееспособностью и практически не существовала как самостоятельный субъект права. Ее личность была полностью поглощена мужем (*femecovert*)⁴. Одна из причин сложившейся ситуации состояла в достаточно длительном, до конца XIX в., регулировании семейных

¹ См.: *Маррезе М.Л.* Указ. раб. С. 94.

² См.: *Федосов И.А.* Из истории русской общественной мысли XVIII. М., 1967.

³ См.: *Murray M.* The Law of the Father? Patriarchy in the Transition from Feudalism to Capitalism. London, 1995. P. 66.

⁴ См.: *Fredman S.* Women and the Law. Oxford University Press, 1997. P. 41.

правоотношений в Англии церковью и каноническим правом. В России же в юрисдикцию светских органов данный вопрос перешел еще в начале XVIII в. Законодательное закрепление самостоятельности в распоряжении своим имуществом замужние женщины получили в Англии только в 70–80-х гг. XIX в., то есть на целое столетие позже, чем в России. В условиях континентального права Европы, имущественные права женщин были чуть шире, по сравнению с Англией, в связи с системой юридических норм о приданом, характеризующейся невозможностью отчуждения предметов, входящих в его состав (*regimedotal*). Так, англичанки XVIII в. завидовали австрийским аристократкам, которые и во время брака могли распоряжаться своим имуществом и экономической независимости голландок¹.

Выдающимся достижением законодательства Екатерины II, по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, являлось введение термина «собственность», что стало результатом не только внутреннего прогресса вещных прав в России того периода, но и процессов внешнего влияния западной философско-правовой мысли. С точки зрения указанного автора, сами отношения собственности появляются с момента зарождения общества, за исключением отношений недвижимости, хотя и до конца XVIII в. купленные вотчины уже по своему содержанию рассматривались как полноправная собственность. Вместе с тем для обозначения этих отношений использовались лишь титулы приобретения вещей (купля, отчина, приданое, промысел, владение)².

Сам термин «собственность» в русском языке не сразу стал использоваться в современном значении. В законодательстве 30-х гг. XVIII в., а затем в п.10 Наказа генерал-прокурору от 30 июля 1767 г., изданном Екатериной II по поводу учреждения Комиссии о составлении проекта Нового Уложения³, и в

¹ См.: *The Complete Letters of Lady Mary Wortley Montagu*. Oxford, 1965. Vol. 1: 1708 - 1720. P. 273; *Barker-Benfield G.J. The Culture of Sensibility: Sex and Society in Eighteenth-Century Britain*. Chicago, 1992. P. 129.

² *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 607.

³ См.: Генерал-Прокурорский Наказ при Комиссии от 30 июля 1767 г. «О составлении проекта нового Уложения, по которому и Маршалу поступать» // ПСЗ-I. № 12950.

Манифесте от 28 июня 1782 г. «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся» он встречался в виде прилагательного «собственный»¹. Однако истинное рождение частной собственности в современном понимании произошло именно с принятием 21 апреля 1785 г. ст. 33 Жалованной грамоты дворянству² и ст. 4 Жалованной грамоты городам³.

Доказана и точка зрения, представленная современным исследователем истории становления института собственности в России А.В. Зайковым, в соответствии с которой и в 1785 г. ясности и понимания истинного значения термина «собственность» не происходит, так как законодатель использует одновременно с ним и термин «владение» в том же контексте. Аргументируя свою позицию статистикой использования этих терминов законодателем на протяжении двух столетий, автор приходит к выводу, что и в XIX в. по отношению к субъекту прав чаще используется термин «владелец», чем термин «собственник», объясняя эту ситуацию тем, что процесс формирования термина «собственность» был «спонтанным внедрением западных юридических идей и терминов в национальный правовой быт» и преобладанием к началу XIX в. не Римской правовой доктрины, а влияния философской триады Гегеля⁴.

В подобном аспекте рассматривает эволюцию права собственности в истории русского права и С.В. Шитьков, приходя к более радикальному выводу о том, что «правовое регулирование права собственности в России всегда испытывало влияние российского менталитета, основанного на приорите-

¹ Ефремова Н.Н. Судебная защита права собственности в России XVIII в. // Собственность: право и свобода. М., 1992. С. 44.

² См.: Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ-1. Т. XXII. № 16187.

³ См.: Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ-1. Т. XXII. № 16188.

⁴ См.: Зайков А.В. Владение в Своде Законов в Российской империи и римское *possessio* // Древнее право. 2004. № 1(13). С. 117.

те общинных, государственных интересов и никогда не строилось на основе западной правовой традиции»¹.

Необходимо отметить, что сохранение в течение довольно длительного периода исконно русских правовых традиций, а также «спонтанное» проникновение не столько Римской правовой доктрины, сколько результата ее рецепции западными законодателями привели в результате к достаточно высокому уровню законодательного закрепления вещных прав женщин в России.

Жалованная грамота дворянству Екатерины II, с одной стороны, закрепляла запрет лишения дворян имущества без решения суда, а с другой стороны, не содержала принципа неприкосновенности имущества, хотя для этого имелись исторические предпосылки². Так, императрица, ссылаясь на Указ 1718 г., постоянно выносила решения о возврате конфискованных имений дворянкам, если те не были причастны к преступлениям мужей, и даже разрешила вступать им в повторный брак³.

Позднее женское обособленное имущество превратилось в средство защиты семейной собственности и оберегало женщин от последствий проступков их мужей, что приводило зачастую к злоупотреблениям, скрывая истинный размер своего состояния путем записи имений на имя жены, и избежание тем самым уплаты долгов в полном размере⁴.

Представляет интерес тот факт, что не только в столичном регионе женщины обращались с просьбой закрепления за ними недвижимого имущества. Эта тенденция проникала и в провинциальные города, что свидетельствует о прочности ее закрепления в правосознании. Так, в Вятскую губернскую палату суда и расправы в 1797 г. обратилась с прошением надворная советница Катерина Захватаева о списании копий с двух укреплений на ее не-

¹ *Шитьков С.В.* Генезис и эволюция права собственности в истории российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 26.

² См.: Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ-1. Т. XXII. № 16187.

³ См.: Указ Святейшего Синода от 6 июля 1767 г. «О позволении женам, оставшимся после сосланных в вечную ссылку мужей, с разрешения архиереев вступать в новый брак» // ПСЗ-1. Т. XVIII. № 12934.

⁴ См.: *Маррезе М.Л.* Указ. раб. С. 96.

движимые имения¹, в этом же году этой же губернской палатой зафиксировано прошение жены купца Ивана Хлебникова, Марьи, дочери Петровой о выдаче свидетельства о праве собственности на принадлежащие ей пять душ крестьян с угодьями². Данные примеры позволяют сделать вывод, что не только представительницы дворянского сословия получали право на владение недвижимостью, но и купеческие и мещанские жены.

На практике в губерниях, где не всегда была возможность контроля центральной власти за исполнением сенатских постановлений, широкое распространение получила тенденция расширения свободы имущественных сделок между супругами. Убедившись в закреплении данной практики губернских судов, Сенат только к 1825 г. предоставил возможность супругам заключать сделки между собой, как посторонним друг другу лицам в следующей формулировке: «Пояснение, что продажа имения от одного супруга другому не противоречит закону». Поводом стало дело о родовом имении, проданном генерал-майору Клименскову его умершею бездетной женой, эту продажу оспаривал племянник продавщицы Салтыков³.

Отмеченные изменения в законодательстве привели к расширению прав женщин по отношению к своей собственности. С созданием Свода законов приданое признается так же как и имущество, приобретенное женщиной или на ее имя во время замужества, через куплю, дар, наследство или иным законным способом, ее отдельной собственностью⁴.

Важным аргументом, подтверждавшим в данный период достаточно высокую степень самостоятельности распоряжения личным имуществом женщин, стало постепенное включение женщин в предпринимательскую деятельность. Обосновывая свою позицию статистическими данными, Г.Н. Ульянова, делает вывод о том, что именно принцип раздельной личной

¹ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1417. Л. 1.

² См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 381. Л. 2–4.

³ См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 31 августа 1825 г. «О продаже имений от мужей женам и обратно» // ПСЗ-1. Т. XL. № 30472.

⁴ Свод Основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. Кн. 3. Т. X, ч.1. СПб., 1832. Ст. 110.

собственности делал женщину независимой в предпринимательской деятельности. Женщины имели равные с мужчинами права на занятия коммерцией, что было подтверждено Сенатским Указом от 25 мая 1775 года¹.

Законодательное расширение имущественных прав женщин способствовало изменению их мировоззрения, что выражалось в достаточно активном отстаивании женщинами своих прав в суде. Так, 18 ноября 1797 г. в Вятскую губернскую палату суда и расправы поступило прошение от прапорщицы Анны Тюфилиновой о переделе имения с ее сестрою секунд-майоршею Аграфеною Кузьминой, в котором она указывала, что ее покойный отец уржумский помещик, подпоручик оставил движимое и недвижимое имущество под городом Уржумом в деревне Голохвастовой. Общее имение с сестрой было предано разделу в 1794 г., и по незнанию межи Анна Тюфилинова получила четыреста душ, хлеба, мебели, земли и прочее имущество². В данном деле представляет интерес ссылка на п. 16 гл. 55 Соборного Уложения как в самом прошении, так и в вынесенном решении палаты суда. Данный пункт Уложения в главе «О поместных землях», с одной стороны, закреплял право вдов и «девок» обращаться в государственные органы за «передельными грамотами» и отстаивать свои права на лучший исход такого выдела, но с другой стороны, ограничивал количество и сроки подачи челобитных по данному вопросу. Так, челобитные принимались только в течение года, с момента выдачи «передельной грамоты» и их количество ограничивалось тремя³. Ссылаясь на данную норму и учитывая, обращение истицы еще и 6 апреля 1796 г., суд принял решение об отказе в рассмотрении и приказал челобитные больше от сестер не принимать⁴.

Следует заметить, что процесс трансформации законодательного регулирования вещных прав женщин осуществлялся на фоне формирования са-

¹ См.: *Ульянова Г.Н.* Женщины-владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX веке Экономическая история. Ежегодник. 2007. С. 85

² См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 1–3.

³ См.: Соборное Уложение 1649 г. // ПСЗ I. Т. 1. № 1.

⁴ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 6.

мого института собственности и его отдельных правомочий. Так, если в первой половине XVII в. понятия «женская собственность» не существовало, а все имущество женщины было семейной категорией, то через формирование института защиты вотчинных прав и закрепление термина «недвижимость», используемого при описании состава приданого в начале XIX в., дефиниция «собственность» уже использовалась применительно к женщинам как на законодательном уровне, так и в судебной практике. Параллельно на уровне закона происходит расширение правомочия по распоряжению собственностью женщинами.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что если на первом этапе, в XVII в., женщины даже при получении приданого или наследства, были лишены права распоряжения (так как оно сливалось с общесемейным имуществом), то постепенно данное право получают вдовы. Только к концу XVIII в. они получили возможность от своего имени заключать сделки без согласия мужа (сначала в виде прецедентов). В начале XIX в. уже на законодательном уровне было закреплено право женщин использовать свое имущество для ведения предпринимательской деятельности.

2.2. Участие женщин в обязательственных правоотношениях

Степень развития обязательственного права в конкретный исторический период отражает как уровень развития общества в целом, так и его экономическую, политическую и социальную структуру. Обязательственное право, регулируя динамику имущественных отношений, безусловно, базируется на вещных правах субъекта, поэтому их законодательное закрепление осуществляется в ходе исторического процесса сравнительно позже. Актуальность рассмотрения особенностей участия женщин в обязательственных правоотношениях заключается в том, что именно через призму рассмотрения эволюции формирования обязательственных прав как одного из основных

элементов гражданско-правового статуса женщин наиболее ярко и полно можно представить себе картину гражданско-правового статуса личности в исследуемый период.

С целью выявления специфических особенностей обязательственных прав женщин в XVII – первой половине XIX в. мы проанализировали, во-первых, общие закономерности становления обязательственного права и генезис терминологического аппарата в исследуемый период; во-вторых, условия действительности сделок, одной из сторон которых выступают женщины; в-третьих, особенности участия женщин в отдельных видах обязательств; в-четвертых, эволюцию обязательственных отношений замужних женщин и специфику ответственности по данным отношениям.

Особого внимания при характеристике общих закономерностей обязательственного права заслуживает вопрос о генезисе терминологического аппарата используемого в законодательстве исследуемого периода. Относительно истории формирования самого термина «обязательство» отсутствует общность взглядов. Любопытной представляется точка зрения В.О. Ключевского, который проводит параллели с римским термином обязательство (лат. *obligatio*) и объясняет его проникновение в русское право через заимствование античной терминологии православной церковью¹. Проводя смысловой анализ термина, В. И. Даль склоняется к военному происхождению слова «обязательство» как созвучного древнерусскому «обязь» в значении «перевязь через плечо, для оружия»². Представляет интерес подход Г.Ф. Шершеневича к возникновению термина «договор». Анализируя старинный обряд «суплетка», закрепленный в Псковской Судной грамоте, выражавшийся в связывании рук сторон при заключении договорного обязательства, и термин, существовавший в русском праве «скрута», означавший заключить договор подряда или подрядиться, автор делает вывод, что в римском и рус-

¹ См.: *Ключевский В.О.* Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка. М., 1888. С. 57.

² См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3: П (по 3-му изд. 1955 г.). М., 1998. С. 640.

ском традиционном праве происхождение термина «обязательство» связано с узами, путами, связыванием между участниками обязательства¹.

Синтез данных подходов позволяет сделать вывод о том что, появление самого термина «обязательство» можно отнести к раннему русскому праву, но формирование его содержания в современном понимании требовало длительного периода законодательного внедрения и накопления правоприменительной базы, что и наблюдалось в XVII – первой половине XIX в. Процесс становления самой категории вплоть до XVII в. носил незавершенный характер и получил отражение в замене личной ответственности по обязательствам на имущественную ответственность. Подтверждением этого является тот факт, что взыскание по долгам все чаще обращалось на имущество должника, а не на него самого, как это было ранее, когда обращение его в рабство закреплялось на законодательном уровне и еще долго существовало в сознании людей и правовых обычаях².

Сложность данного процесса и неоднозначность понимания русским законодателем содержания термина «обязательство» подчеркивал и Г.Ф. Шершеневич. Анализируя несколько значений этого термина используемых законодателем, он отмечал, что его истинный смысл — правоотношение, связывающее его стороны. Представляет интерес взгляд на обязательство как акт, удостоверяющий вступление сторон в обязательственные отношения³. Необходимо отметить, что такая трактовка свидетельствует о том, что термины «сделка» и «обязательство» в исследуемый период еще не были разделены в правосознании, что подчеркивает Д.И. Мейер⁴.

В подтверждение этой позиции можно привести точку зрения современных исследователей договорного права, которые отмечают отсутствие формулировки понятия сделки в Соборном Уложении и его закрепление в

¹ См.: *Братусь Д.А.* Определение обязательства. С. 3.

² См.: *Карпов Е.И.* Обязательства в русском праве (IX–XVII вв): дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2006. С. 84.

³ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Указ. раб. С. 266.

⁴ См.: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч. М., 2000. Ч. 1. С. 136.

Своде законов, когда само обязательственное право находилось уже на высоком уровне развития¹.

В подобном аспекте рассматривает обязательство и просветитель в области права Илларион Васильев. По мнению В.А. Томсинова, его взгляды предвосхитили историческое направление в русском теоретическом правоведении². В 1827 г. вышло в свет в уникальное для того времени сочинение И. Васильева «Фемида, или начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России, на основании существующих законов», в котором одна из глав названа «О правах женщин обязываться актами»³.

При анализе особенностей обязательственных прав женщин важным является вопрос о действительности сделок применительно к женщинам. Илларион Васильев ставит его на первое место до рассмотрения отдельных видов обязательств, в которые вступают женщины. В результате непосредственного обращения к конкретным категориям лиц, чьи сделки будут признаны недействительными, он пытался очертить круг женщин, способных вступать в обязательства. При анализе этого перечня необходимо отметить разнообразие критериев, по которым определяется этот круг лиц.

Первым критерием являлся возраст, то есть несовершеннолетним вступать в сделки запрещалось. Петр I Указом о единонаследии 23 марта 1714 г. четко определил совершеннолетие наследников недвижимого имущества — 20 лет; наследников движимого имущества — 18 лет; для женщин-наследниц возраст был единым — 17 лет⁴ и совпадал с брачным, так как именно вступление в брак сопровождалось получением полной дееспособности и возможности вступать в любые гражданские сделки.

¹ См.: Лядова А.В., Чалая Л.А. История договорного права: курс лекций. Владимир, 2003. С. 68.

² См.: Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества: в 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 72.

³ Васильев И. Фемида, или Начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России. С. 29.

⁴ См.: Указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах». Российское законодательство X–XX веков. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 68.

Рассуждая о правах девиц по Соборному Уложению М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что владеть своими прожиточными поместьями и сдавать их посторонним лицам девицы могли только при условии содержания их и выдачи замуж. Впоследствии, когда право обладать ими было предоставлено девицам до выхода замуж, был установлен 15-летний возраст, с которого они могли сдавать поместья: «А здавати девкам свои прожиточные поместья, которая девка будет в возрасте 15 лет. А будет девка в малых летах, меньше 15 лет... и девкиных прожиточных поместий не справливать»¹. При Петре III и Екатерине II эти пределы были уточнены. Малолетство заканчивалось с 14 лет, а совершеннолетие наступало с 21 года у мужчин и с 17 лет у женщин².

С предыдущим критерием тесно связан следующий, указывающий на то что «неотделенные дети», за исключением имеющих свою собственность, также не могли заключать сделки, так как находились под опекой родителей. В результате возрастания роли и значения прав конкретной личности происходит обособление имущественных прав членов семьи. Первым законодательным закреплением этого факта стал Указ от 11 июня 1683 г., по которому вотчины, купленные отцом вместе с детьми, составляли собственность отца и только тех детей, имена которых прямо указывались в купчих³. Это свидетельствовало о том, что приобретение, хотя и совместно с детьми, но без поименного перечисления последних в акте приобретения, не делало их собственниками. Указом от 22 января 1686 г. это положение было конкретизировано возможностью выдела члену семьи определенного имущества⁴. Общепризнано мнение классика российской цивилистики К.А. Неволлина, который причиной отделения личности от семьи считал смену духовной юрис-

¹ Соборное Уложение 1649 года. Выверено по изданию: Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. С. 182.

² См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. раб. С. 324.

³ См.: Именной указ с Боярским приговором от 11 июня 1683 г. «О разделе купленных вотчин между отцом и детьми, ежели имена детей в купчих написаны и о выделе жеребьев умерших сыновей жёнам их и детям» // ПСЗ I. Т. II. № 1020.

⁴ См.: Статьи о чернослободских и беломестцовых дворах от 22 января 1686 г. // ПСЗ-I. Т. II. № 1157.

дикции регулирования семейных отношений на светскую¹. Окончательное закрепление раздельной собственности родителей и детей произошло лишь к концу XVII в. Таким образом, перечисленные акты, способствовавшие формированию имущественной самостоятельности детей, заложили основу формирования гражданско-правового статуса девиц, а впоследствии и женщин в браке.

Немаловажным представляется такой критерий сделкоспособности женщин, как психическое здоровье, относительно которого выделялось две группы лиц: сумасшедшие и «природные дуры»². Ограничения, возникавшие из-за недостатка или повреждения умственных способностей, были закреплены еще в XVII в. Так, Закон 1676 г. не допускал никаких исков против сделанного кем-либо распоряжения имуществом на том основании, что лицо действующее — глупо, глухонемо: «которые всяких чинов люди глупы, и глухи, и слепы, и немые, и службы не служат, а поместья свои учнут кому поступаться, а матери их и жены, и дети, сродники учнут челобитьем спорить, чтоб по той их поступке поместья несправливать для их скорби... великий государь указал, и бояре приговорили: поместья свои сдавать всякому вольно». Второй же Закон 1677 г., оставив в этом же виде постановление о сдаче поместий, иначе решал дело относительно их мены, а именно: «буде по розыску окажутся плуты, глупы и пьяницы, — и меновых поместий не расписывать»³. Недостаток этих законодательных актов заключался в отсутствии критериев определения отклонений в умственном развитии и сумасшествия. Особого внимания при рассмотрении данного вопроса заслуживает Указ Петра I от 6 апреля 1722 г. «О свидетельствовании дураков в Сенате»⁴ и Указ 1723 г. «О не посылке сумасбродных и в уме помешанных в монастыри»⁵, в

¹ См.: *Неволин К.А.* Указ. раб. С. 357.

² См.: *Васильев И.* Указ. раб. С. 30.

³ Цит. по: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 88.

⁴ См.: Именной указ от 6 апреля 1722 г. «О свидетельствовании дураков в Сенате» // *ПСЗ I. Т. VI. № 3949.*

⁵ См.: Именной указ, объявленный Синоду от 5 сентября 1723 г. «О не посылке сумасбродных и в уме помешанных в монастыри» // *ПСЗ I. Т. VII. № 4296.*

которых впервые законодательно определялся порядок освидетельствования психически нездоровых лиц, относившихся к дворянскому сословию. Безумных освидетельствовали следующим способом: «Сенату спрашивать их пред собою о всяком домовом состоянии, как бы можно умному человеку ответ в том учинить, и ежели по вопросу отповеди уценить не может, а станет инако о том говорить, что можно из того дурачество познать». Не прошедшие освидетельствование ограничивались в гражданских правах: они не могли наследовать имущество и вступать в брак, на их родственников возлагалась обязанность по опеке¹.

Принятие Указа Петра I «О свидетельствовании дураков в Сенате» было вызвано не столько заботой о слабоумных, сколько государственной необходимостью. Среди дворянства, не принявшего Петровские реформы по отправке молодых дворян на учебу за границу, распространилась тенденция уклонения от службы путем ссылки на «слабоумие», так как до этого оно не являлось основанием для ограничения гражданской дееспособности². Еще один недостаток данного Указа состоял в его узкосословном характере, так как он распространялся только на дворян. Кроме того, указы 1722 и 1723 гг. определяли порядок освидетельствования только слабоумных лиц и не касались сумасшедших³. К концу XVIII в. были организованы специальные дома умалишенных с возможностью передачи имений в опеку их наследникам, а не в монастыри, как это было ранее, что отразилось в указах 1762 г. и в ст. 389 «Учреждений для управления губерний Всероссийской Империи»⁴.

Таким образом, укрепляется тенденция перехода от церковной юрисдикции к светской и в вопросах гражданско-правового регулирования психического здоровья.

¹ См.: Курбанов М.А. Гражданско-правовое регулирование и защита права граждан на психическое здоровье: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 26.

² См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. раб. С. 325.

³ См.: Зиновьев А.Д. Освидетельствование душевнобольных. СПб., 1910. С. 21.

⁴ См: Высочайше утвержденный доклад Сената от 20 апреля 1762 г. «О постройке для безумных особенных домов и об отдаче имений, принадлежащих безумным, под надзор наследников» // ПСЗ I. Т. XV. № 11509.

Основанием признания акта недействительным также являлся факт признания лица промотавшимся, то есть несостоятельным, банкротом. Учитывая, что предпринимательская деятельность женщин к концу XVIII – началу XIX в. получает все большее распространение, необходимо отметить, что процедура банкротства применялась и к ним.

Институт несостоятельности в России имеет давнюю историю. Соборное Уложение Алексея Михайловича уже закрепляло различные виды ответственности в зависимости от причины несостоятельности, конкретные сроки уплаты долга, широкий круг субъектов, а также институт поручительства. Наиболее же плодотворным по изданию банкротских уставов было законодательство Елизаветы Петровны и Екатерины II. Так, за период с 1740 по 1768 г. было принято 4 Банкротских Устава¹, что свидетельствовало о потребности урегулирования этих правоотношений в связи с развитием предпринимательства в условиях рынка. Вершиной сословного урегулирования обязательственных споров стал Устав о банкротах 1800 г., который состоял из двух частей: первая посвящалась торговой купеческой несостоятельности; вторая — несостоятельности дворян². Интересно, что в нем подробно, помимо условий и процедуры признания сделок недействительными, регулировались и особенности обязательственных правоотношений дворянского сословия в целом.

Характерным для исследуемого периода являлся такой критерий ограничения дееспособности женщин, как наложение на нее публичного наказания, которое впоследствии называлось гражданской или политической смертью (лишение всего объема гражданских прав). Если в начале XVIII в. это было лишь дополнительным видом наказания, применение которого началось с Петра I, выражалось в пощечине на публике, раздевании донага, прибивании имени к виселице, то к середине века оно превратилось в меру, применимую к дворянскому сословию, и представляло собой ритуал палача, ло-

¹ См.: Устав о банкротах от 15 декабря 1740 года // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 11.

² См.: Там же. Т. 26.

мавшего шпагу, а в случаях с женщинами палку над головой стоящего на коленях преступника. С 1776 г. шельмование превращается в самостоятельное наказание и из ритуала имитации смертной казни трансформируется в лишение всех «прав состояния», которым обладал дворянин, что приравнивалось к прекращению его гражданского существования¹.

Несмотря на то, что законодательство, по мнению Д.И. Мейера, всегда распространялось на большинство граждан, а класс, являвшийся грамотным в исследуемый период, составлял меньшинство, образование оказывало достаточно ограниченное влияние на гражданские права². В этой связи важно заметить, что ограничение гражданско-правовой дееспособности безграмотных лиц, в том числе и большинства женщин разных сословий, по заключению ими сделок, было вызвано установлением законодателем особого порядка заключения актов безграмотными, предоставляя им возможность участвовать в обязательствах с помощью третьих лиц³. Данное установление в первую очередь было связано с требованием к форме заключения сделок, которая уже на тот момент была для большинства таковых письменная и требовала самостоятельного понимания содержания актов, а также скрепление их собственноручной подписью.

Законодатель пытался не столько ограничить дееспособность безграмотных лиц, сколько оградить лиц, вступающих с ними в обязательственные правоотношения, от негативных последствий, в том числе и признания заключенной между ними сделки недействительной. Необходимо отметить, что уже с середины XVIII в. и до введения нотариального порядка засвидетельствования сделок законодателем подробно была урегулирована эта процедура⁴.

¹ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 246.

² *Мейер Д.И.* Указ. раб. С. 246.

³ *Васильев И.* Указ. раб. С. 29.

⁴ См.: Высочайше утвержденный доклад Сената от 20 апреля 1762 г. «О постройке для безумных особенных домов и об отдаче имений, принадлежащих безумным, под надзор наследников» // ПСЗ I. Т. XV. № 11509.

Все разновидности актов могли быть вместо неграмотных, например, женщин, подписаны доверенными третьими лицами, которым они давали поручение подписать за себя в их присутствии¹. Правоотношения между ними могли быть оформлены либо в виде договора поручения на рукоприкладство, название которого образовано от «прикладывает руку», ладонь, покрытую чернилами, которое осуществлялось путем словесной формы, или в виде доверенности так называемого «верящего письма», одного из часто используемых актов среди женщин, по мнению Иллариона Васильева². Примером служит прошение в Вятскую губернскую палату суда и расправы 13 сентября 1798 г. жены сержанта Чернобровина, Марфы Степановой дочери, о засвидетельствовании верящего письма, данного на имя секретаря Катаргина, подписавшейся под поручительством для заключения им договора найма на сумму 2600 руб., а также процентов на 2000 руб.³

С целью предотвращения злоупотреблений все обязательственные акты о займе и купле имений, а также иные договоры, совершаемые от имени неграмотных лиц, в том числе и выдаваемые последними векселя, должны были быть засвидетельствованы общественной властью, а не частными лицами, так как допущение свидетельства посторонних лиц противоречило бы общему правилу законодательства, не допускавшему свидетельских показаний в подтверждение существования долга. Подтверждением данного закрепления является, например, обращение в Вятскую губернскую палату суда и расправы с взысканием женою коллежского советника Неклепаева Настасьей дочерью Андреевою с Вятского мещанского общества за отданного в рекруты вятского мещанина Злыгостева по векселю 300 руб. денег⁴.

Таким образом, незначительное количество грамотных женщин в исследуемый период способствовало привлечению к заключению сделок тре-

¹ См.: *Поппе К.* О порядке свидетельствования домашних завещаний // Журнал Министерства Юстиции. Т. 4, кн. 4–6. СПб., 1860. С. 363.

² См.: *Васильев И.* Указ. раб. С. 29.

³ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 159. Л. 1–5.

⁴ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 1.

тых лиц в качестве рукоприкладчиков и поверенных, что существенно ограничивало участие женщин в обязательственных правоотношениях.

Сословная принадлежность женщин являлась одним из критериев их сделкоспособности. М. Ф. Владимирский-Буданов, отмечая, что исторические особенности их гражданских прав вытекают из различия занятий, то есть видов деятельности и ее значения для государства, приводит следующий пример: «Служилые лица вознаграждались вместо денег поместьями, а потому естественно, что неслужилые не имели права владеть поместьями; наоборот, служилые люди лишались права владеть городскими имуществами»¹. Аналогично рассматривает сословный характер гражданских правоотношений Д.И. Мейер, отмечая, что подобные различия не являлись естественными по отношению к природной сущности человека и его правам, а стали результатом исторического развития общества, поэтому к началу XIX в. в гражданском праве состояние все менее влияло на законодательное регулирование прав физического лица². Илларион Васильев все же выделяет такие основания признания актов не действительными, как заключение их монахинями и крепостными крестьянками³. Данный факт подчеркивает, что взгляды по поводу отсутствия сословных различий в обязательственных правах физических лиц, высказываемые классиками цивилистики, окончательно не устоялись.

В качестве обобщения всех приведенных критериев недействительности сделок можно «начертить» портрет женщины XVIII в., которая могла при определенных условиях заключать сделки и «обязываться актами». К сожалению, остается немногочисленный круг таких представительниц женского пола: которые достигли возраста 17 лет; по каким-либо причинам отделились от своих родителей в имущественном смысле, то есть получили приданое, выйдя замуж, или наследство по причине их смерти; чаще всего относящиеся к дворянскому или купеческому сословию; имеющие образование или хотя бы владеющие грамотой, за исключением возможности нанять рукоприкладчика.

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. раб. С. 246.

² См.: Мейер Д.И. Указ. раб. С. 246.

³ См.: Васильев И. Указ. раб. С. 35.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что выделяемые И. Васильевым многочисленные критерии действительности сделок, заключаемых женщинами, относятся только к субъектному их составу как основанию действительности сделок. Относительно основания свободного волеизъявления при заключении сделок существовало указание об отсутствии отличий с мужским полом, и все сделки, заключаемые с целью обмана, злоупотребления или с помощью насилия, могли быть признаны недействительными. В связи с этим следует подчеркнуть, что выделенные указанным автором критерии действительности сделок по субъектному составу как у женщин, так и у мужчин, схожи, а вот критерий свободы волеизъявления сделок именно женщин был чрезвычайно распространен в судебной практике, особенно в условиях брака, и рассмотрен в 1763 г. Сенатом¹.

При рассмотрении условий действительности сделок не поднимался вопрос о требованиях к форме сделок и их содержанию, что свидетельствует, на наш взгляд, о неокончательно сформировавшихся представлениях о сделках в исследуемый период как у И. Васильева, так и у цивилистов в целом².

Анализируя перечень этих актов, необходимо обратиться к Соборному Уложению 1649 г., которое служило основным источником обязательственного права в России вплоть до начала XIX в.³ Так, под крепостями в нем понимались не только акты, совершаемые крепостным порядком (дарственные, купчие, закладные), но и все письменные обязательства (заемные, наемные, духовные памяти), договоры, «кабалы всякого рода»⁴. Таким образом, к началу XVIII в. до введения нотариального порядка выделялось два уровня актов: акты совершаемые крепостным порядком, закреплявшие переход вещных прав на недвижимость; акты явочные, вносимые в книгу крепостных

¹ См.: Сенатский указ от 26 февраля 1763 г. «О недействительности купчих, от жен мужьям данных» // ПСЗ-1. Т. XVI. № 11764.

² См.: *Васильев И.* Указ. раб. С. 35.

³ См.: *Лядацева-Ильичева М.Н.* Общая характеристика Соборного Уложения 1649 г. // *Право. Законодательство. Личность. Сборник научных трудов.* Саратов, 2008. Вып. 4. С. 111–118.

⁴ Соборное Уложение 1649 года. Выверено по изданию: *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. С. 240–259.

дел, только для засвидетельствования¹. Еще одной разновидностью актов, по мнению М.И. Бруна, были акты домашние. В такой форме возможно заключение любой сделки, кроме отчуждения и ограничения права собственности на недвижимую вещь². По отношению к вышеназванным разновидностям актов домашние акты обладали меньшей доказательной силой даже при наличии подписи составителя, а иногда и свидетелей.

Самыми распространенными актами, стороной которых выступали женщины, в исследуемый период были купчие крепости. Чаще всего женщины выступали как продавцы земельной собственности, доставшейся им в качестве наследства или приданого. Самой распространенной категорией женщин, участвовавших в обязательствах купли-продажи, были представительницы купеческого сословия. Так, в Вятскую губернскую палату суда и расправы в 1797 г. поступило донесение городского магистрата о списании копий с купчей, совершенной от имени купеческой жены Агафоновой на дом, проданный канцеляристу Дьяконову³. Вместе с купчей палата суда рассматривала и прошение от самого вятского купца Андрея Пыхтеева о совершении купчей крепости на купленных чиновницей Анной Мышкиной у Завьяловой дворовых людей⁴. В последнем же случае купец выступает в качестве просителя по делам доверившихся ему женщин в связи с профессиональными знаниями в области купли-продажи.

Необходимо отметить возрастание участия женщин в обязательствах. Так, в середине XVIII в. женщины стали в 2 раза чаще, чем в начале века, выступать в качестве продавцов земли, чему, несомненно, способствовали действующие и принятые в тот период законодательные акты. Примером может служить Жалованная грамота дворянству 1785 г., по статьям которой покупа-

¹ См.: Об обряде совершения всякого рода крепостных актов. Именной указ, данный Разряду. Января от 1700 г.: по изданию «Законодательство Петра I» / отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. М., 1997. С. 16.

² См.: *Пестржецкий А.* О силе обязательств, писанных на неустановленной бумаге // Журнал министерства юстиции. 1860. Т. 6. Часть неофициальная II. С. 3.

³ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1246. Л. 1.

⁴ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 877. Л. 1–2.

тельницами деревень могли быть как дворянки «природные», так и жены и дочери военных и гражданских штаб- и обер-офицеров, жены и дочери Российских Кавалеров, за исключением купцов¹. Интересно, что право покупки деревни было закреплено и за дворянками, вышедшими замуж не за дворянина, что свидетельствует о сохранении дворянского статуса и после такого замужества². Отметим строго сословный характер данного закрепления что, несомненно, является особенностью всех обязательственных правоотношений данного периода.

Часто предметом договора купли-продажи у помещиц становились крепостные крестьяне, продажа которых во второй половине XVIII в. вышла на первое место взамен выдачи отпускных грамот, которые преобладали в начале века. Отпускные грамоты служили видом соглашения, по которому предоставлялась свобода (воля) зависимым крестьянам. Одним из обязательных условий данного соглашения являлось написание грамоты собственноручно владельцем крестьянина или выдача отпускной в судебном порядке. Так, в Вятскую губернскую палату суда и расправы в 1797 г. поступил целый ряд прошений о засвидетельствовании отпускных писем от женщин, например, от коллежской секретарши Аграфены Завьяловой крепостному человеку Якову Иванову³, а также от титулярной советницы Парасковьи Родионовны, которая руку приложила и отпустила крепостного Григория⁴.

Сложная процедура оформления данной сделки послужила причиной предпочтения женщинами продажи крепостных, так как они были источником быстрого получения наличных денег и присутствовали в качестве приданого в каждой рядной записи в отличие от земельных наделов⁵.

¹ См.: Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ-1. Т. XXII. № 16187.

² См.: Сенатский указ от 8 июля 1787 г. «О не воспрещении Дворянкам, вышедшим замуж за не Дворян, покупать дворянские имения, пользуясь в оных всеми правами, Дворянам предоставленными» // ПСЗ-1. Т. XXII. № 16554.

³ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 403. Л. 2.

⁴ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 120. Л. 1–3.

⁵ См.: *Маррезе М.Л.* Указ. раб. С. 116.

Обратимся к рассмотрению такой разновидности сделок, как рядные грамоты. С одной стороны, они могли закреплять между сторонами условия по выполнению работ или передачу прав в осуществлении какого-либо промысла за часть полученных доходов и поэтому были близки к купчим; с другой стороны, могли быть брачными соглашениями, закреплявшими сроки свадьбы, перечень приданого имущества. Также следует отметить тенденцию, по которой женщины, получавшие землю с крестьянами в приданое по рядным грамотам, как правило, редко расставались с нею путем продажи во время брака. Вдовство, как правило, меняло ситуацию и предоставляло свободу в распоряжении имуществом, а иногда и вынуждало расстаться с ним, особенно к концу XVIII в. Следовательно, представляется возможным утверждать, что брачный статус оказывал влияние на объем обязательственных прав женщин в исследуемый период.

К концу XVIII в., участвуя в экономическом обороте, женщины накопили достаточное количество недвижимости, которая могла служить объектом закладных, чтобы самостоятельно занимать денежные средства либо «давать заемные акты» по доверенностям. Относительно сословной принадлежности заемщиками выступали, как правило, женщины дворянского сословия, причем даже близкие ко двору женщины склонны были жить не по средствам, что ярко отражено в неюридических источниках, в качестве упоминания в семейных архивах последствий взысканий по долговым обязательствам. Именно по этой причине уже в 1800 г. в Уставе о банкротах закрепляется право дворянок «обязываться заемными письмами», а купчихам и мещанкам — право давать векселя.

Немаловажным являлось закрепление обязанности залогодержателя предоставлять закладные и заемные письма с залогом для взыскания в определенное Присутственное место той губернии, где находилось заложенное имение. Интересно, что в качестве кредитора все же чаще выступали пред-

ставительницы городских сословий, мещанки и купчихи¹. Так, анализируя виды прошений в Вятскую губернскую палату суда и расправы в 1797 г. от женщин, было установлено, что больше всего, более десятка прошений, было подано по вопросам участия женщин в заемных отношениях, обеспеченных залогом недвижимого имущества.

В большинстве случаев прошения подавались в палату мужьями или сыновьями с просьбой о совершении закладной от имени их жены или матери либо восстановлении их нарушенных прав в ходе залоговых правоотношений. Примерами являются прошения Вятского купца Филиппа Пыхтеева о совершении закладной от имени его жены Прасковьи о залоге дома², а также обращение статского советника Николая Обухова об утверждении за его матерью, Анной Обуховой, крестьян находящихся в Елабужском уезде в деревне Сергеевской, которых она получила в качестве залога по займу 60 тыс. руб., переданных дочерям Елене и Александре и их матери Дарье — вдове поручика Михайлы Васильева³. Представляет интерес установленный факт по второму делу, согласно которому закладная Анны Обуховой «писана 21 февраля 1793 года в Московском верхнем Надворном суде», поэтому «в силу закладная не вступила, так как по определению суда Московской губернии», что подтверждает сформулированную выше обязанность залогополучателя о представлении закладной именно в судебные органы той губернии, где находится заложенное имение.

Имеют место также обращения в палату суда и самих женщин по вопросам невыполнения заемных обязательств, обеспеченных залогом другой стороны, например, отказ вернуть заложенное имение после возврата долга. Так, в 1797 г. в Вятской губернской палаты суда и расправы рассматривалось дело по прошению жены надворного советника Дементия Ивановича Пражеевой Настасьи Андреевны о закладной на имение, в котором она указывала, что

¹ См.: Голикова Н.Б. Ростовщичество в России начала XVIII века и его некоторые особенности // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 247–248.

² См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1410. Л. 2–5.

³ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 188. Л. 1–6.

полученное по купчей от покойного мужа имение, находящееся в Уржумском округе Буйской волости при речке Шурминке, все было заложено 30 января 1796 г., за исключением 40 десятин земли, титулярному советнику Петру Алексееву по закладной, заверенной в Вятской палате. По утверждению Настасьи Андреевны, деньги за выкуп кредитору были доставлены в срок, но возвратить закладную с надписью, что деньги по ней он все получил, Алексеев отказался. В связи с этим залогодатель требует «учинить отымку ее владения» и возвратить «подлинную закладную с надлежащей на ней надписью»¹. С подобной же просьбой об уничтожении закладной, данной ей от титулярного советника Ветохина на заложенное имение по случаю выкупа, обращалась в Вятскую палату и жена купца Вера Осиповна Машковцева².

Приведенные случаи подтверждают расширение имущественного статуса женщин и не просто их участие в обязательствах, но и отстаивание своих нарушенных прав, иногда даже в виде апелляционных жалоб. Так, в Вятской палате было рассмотрено дело Яранской мещанской женки Парасковьи Прохоровой дочери Антоновой, о положенных ей деньгах в заклад серебряной и золотой монетой, от жены титулярного советника Ивана Кирилова³, решение по которому в предыдущей инстанции ее не удовлетворило. Показательным представляется и дело о выдаче свидетельства перезалога от жены умершего надворного советника Настасьи Андреевой⁴, что свидетельствует о неоднократном участии в залоговых отношениях. Таким образом, женщины участвовали в заемных отношениях как в качестве займодавца и залогодержателя, так и в качестве заемщиков и залогодателей, но чаще на стороне кредитора оказывались женщины купеческого и мещанского сословия, а в должниках — жены представителей служилого сословия.

Часть прошений, рассматриваемых судом, поступало и на самих женщин, не исполнявших своих обязательств. Например от Вятского купца Афо-

¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 51. Л. 2–7.

² См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 398. Л. 1.

³ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 406. Л. 2–5.

⁴ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1414. Л. 2.

насия Москвитинова об удержании закладной, данной от вдовы Киприяновой на ее дом, во взятых ею у него деньгах и не возвращенных в срок¹, или как в случае с прошением Афонася Мещерского об уничтожении закладной на имение Прасковьи Бекрениевой, которая заняла 11 февраля 1797 г. у него две тысячи рублей под залог деревни Кривозерье Казанской губернии и 22 души и до ныне, то есть 1799 г., не возвратила².

Таким образом, можно утверждать, что к особенностям обязательственных прав женщин в исследуемый период следует отнести их сословный характер, что было характерно для обоих полов и зависимость от брачного статуса, распространявшаяся только на женщин. Даже к началу XIX в. после принятия Свода законов женщина, вступая в брак, ограничивала себя возможностью заключать договоры и несла ответственность по долгам своего мужа³.

Несмотря на это, помимо основного сословного принципа, постепенно начинает формироваться и идея равенства, нашедшая свое отражение в обязательствах, но получившая законодательное закрепление только в XIX в., на что указано в исследовании М.Н. Лядащевой-Ильичевой, утверждающей, что самобытность отечественного обязательственного права, заключается именно в сочетании принципа сословности и идеи равенства⁴.

Данные особенности правового регулирования обязательственных правоотношений в России в XVIII в. способствовали формированию достаточно высокого уровня гражданско-правового статуса женщин в целом. Именно обязательственные правоотношения наиболее явно демонстрируют особенности типа имущественных отношений супругов, вступивших в них. Соотношение этих институтов можно рассматривать: во-первых, через эволюцию правового регулирования обязательственных правоотношений между супру-

¹ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1410. Л. 2.

² См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 142. Л. 1–3.

³ См.: *Ворошилова С.В.* Эволюция правового положения женщин в России в XIX – начале XX вв. С. 102.

⁴ См.: *Лядащева-Ильичева М.Н.* Развитие обязательственного права России XIX – начала XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 56.

гами; во-вторых, через последствия вступления в обязательства одного из супругов с третьими лицами и характера ответственности в случае его неисполнения. Необходимо отметить, что если первая группа обязательств служит отражением раздельной собственности супругов, то вторая отражает институт совместной собственности.

При анализе этих видов обязательств возникает вопрос о типе режима собственности супругов. Относительно данного вопроса не существует единой точки зрения классиков российской цивилистики. Так, по мнению одних, несмотря на полную личную подчиненность жены мужу, институт раздельной собственности в России существовал издревле и, развиваясь, получил законодательное закрепление¹; по мнению других, раздельная собственность — результат отсутствия каких-либо законодательных постановлений, ограничивавших самостоятельное распоряжение собственностью замужних женщин².

Анализируя эволюцию имущественных отношений между супругами, М.Ф. Владимирский-Буданов выделяет сразу три типа: полное имущественное подчинение жены мужу в древнейший период; преобладание общей семейной собственности до начала XVIII в. с некоторыми элементами раздельного владения; закрепление на законодательном уровне раздельной собственности супругов в XVIII в.³

Г.Ф. Шершеневич высказывает свои доводы относительно законодательного закрепления в Своде Законов принципа раздельного владения имуществом супругов. По его мнению, причиной данного явления является не историческое развитие, не отсутствие законодательного запрета, а соответствие распространившимся уже на тот момент обычаям в реальной жизни⁴.

¹ См.: *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Т. II / под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 124.

² См.: *Оршанский И.Г.* Личные и имущественные отношения супругов // Судебный журнал. 1874. Кн. 3. С. 21.

³ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 324.

⁴ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). С. 271.

Рассмотрим эволюцию обязательственных правоотношений между супругами. Интересно что, до середины XVIII в. сделки между супругами свободно допускались обычаями и не интересовали государство в лице законодателя. Только в 1763 г. Сенатом в присутствии Екатерины II была запрещена продажа имений от жены мужу, в связи с тем, что она, находясь под его властью и подписывая купчую, не могла выразить свое свободное волеизъявление¹.

Интересно, что данное решение Сената было вызвано не защитой прав супруги, чье волеизъявление было нарушено при продаже, а рассмотрением спора наследников, судившихся за право выкупить родовое владение, так как по Указу 1748 г. мужьям и женам запрещалось претендовать на наследственную седьмую часть владений своих супругов при их жизни². Предпосылкой этого решения послужила судебная практика, уже давно применявшая при оформлении купчих записей, закладных и завещаний опрос обоих супругов, выступавших на стороне продавца³.

Таким образом, понимание государственными учреждениями вероятности насильственного принуждения жен к продаже их земли существовало и в конце XVII в., но отсутствие законодательного регулирования данного вопроса объяснялось наличием обычая строгого надзора со стороны родственников жены за «насильственными действиями мужа по завладению ее имуществом»⁴.

¹ См.: Сенатский указ от 26 февраля 1763 г. «О недействительности купчих, от жен мужьям данных» // ПСЗ-1. Т. XVI. № 11764.

² См.: Именной указ, данный Сенату, указ от 4 июля 1748 г. «О запрещении мужу при живой жене, а жене при живом муже брать указные части из имения, принадлежащего тому или другому» // ПСЗ-1. Т. XII. № 9513.

³ См.: Боярский приговор от 21 февраля 1679 г. «О запрещении мужьям продавать и закладывать своим именем вотчины жен своих, без их согласия» // ПСЗ-1. Т. II. № 751; Именной указ с Боярским приговором от 19 июня 1679 г. «О неотчуждении продажей и залогом мужьям от своего имени жениных вотчин» // ПСЗ-1. Т. II. № 762.

⁴ Боярский приговор от 12 марта 1680 г. «О действительности купчих и закладных на женины вотчины, если подписаны не одними мужьями, но и женами» // ПСЗ-1. Т. II. № 803.

Обращает на себя внимание противоречивость целого ряда решений Сената, с 1763 г. запрещавшего сделки между супругами и решением комиссии по составлению Свода законов 1825 г., не нашедших законодательных актов, запрещающих переход собственности от супруга к супругу¹.

Примерами ссылок на Сенатский указ от 26 февраля 1763 г. «О недействительности купчих, от жен мужьям данных»² могут служить, и отказ Наталье Сухотиной в регистрации имения, купленного у мужа в Вотчинной коллегии в 1780 г., и отказ в рассмотрении дела жены титулярного советника Иванова по возврату ей денежных средств, переданных мужу в качестве долга под заклад имения в 1805 г.³ Однако представители комиссии в 1825 г. заявили, что это решение Сената было по конкретному делу и законодательной силы не имело в связи с неопубликованием.

Таким образом, принцип свободы сделок между супругами был закреплён законодательно только к началу XIX в., но запрет на корыстные сделки, влекущие негативные последствия для кредиторов или самого государства, был наложен на законодательном уровне⁴. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, данный принцип, несомненно, подчеркнул достижение женщинами определенного гражданско-правового статуса, отразившегося теперь в равном бремени супругов по защите своих имущественных интересов⁵.

Помимо законодательного регулирования сделок между супругами, подчеркивавшими режим раздельной собственности, неоднозначным являлся и вопрос ответственности супругов по обязательствам, в которые они вступали с третьими лицами. В условиях преобладания общей собственности и лишь зарождающегося института индивидуального владения, общность

¹ См.: ПСЗ-1. Т. 37. № 30472 (31 августа 1825 г.).

² См.: ПСЗ-1. Т. XVI. № 11764.

³ См.: Указ из Вотчинной коллегии от 25 июня 1780 г. «О запрещении купли и продажи имений между супругами» // ПСЗ-1. Т. XX. № 15022.

⁴ См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 17 июня 1846 г. «О мерах против злонамеренной передачи имений между супругами» // ПСЗ-2. Т. XXI. № 20138.

⁵ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 421.

имущества семьи до начала XVIII в. рассматривалась законодательными актами как неподлежащее сомнению явление. Подтверждением, по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, является как раз личная ответственность должника перед кредитором, причем с женой и детьми. Так, по Указу 1688 г. велено «выдавать мужей с женами, а жен с мужьями»¹.

По другой версии, представленной Г.Ф. Шершеневичем, утверждение о наличии только общей собственности супругов в Московский период, не является объективным на основании упоминания в купчих и особенно в кабалах всех членов семьи. Таким образом, можно сделать вывод и об общей собственности родителей и детей².

Аналогичная тенденция распространялась изначально и на обязательства из причинения вреда, которые в тот период относились к уголовным преступлениям, но в современных исследованиях появилась точка зрения о выделении их в самостоятельную группу уже в XVII в.³

Ситуация меняется к 1669 г., когда законодатель закрепил «отдавать истцам без жен»⁴, тем самым отделяя имущество должника от общего имущества супругов. Продолжением «ослабления» солидарной ответственности супругов по всем обязательствам стало закрепление возможности неналожения ответственности жены по причине недостойного поведения ее мужа в браке, выражающегося в пьянстве и долгах.

Важным аспектом, раскрывавшим особенности гражданско-правового статуса женщин, являлось наследование вдовой всех долгов по обязательствам ее мужа вместе с детьми, что не касалось боковых наследников. Начиная с Псковской судной грамоты и Соборного Уложения, которое гласило,

¹ См.: Именной боярский приговор от 9 марта 1688 г. «О справе поместей сговоренных вдов и девок по заручным их челобитным и памятям Дьяков за женихами до учинения им допросов» // ПСЗ-1. Т. II. № 1283.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. раб. С. 326.

³ См.: Белякова А.М. Обязательства из причинения вреда в российском праве XVII века: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 18.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. раб. С. 354.

что «после умершего долг платити жене его и детям»¹, несмотря на противодействие византийского церковного права, это правило прочно закрепилось в обычном праве. На протяжении XVIII в. законодательство предприняло, пусть и не осознанно, сразу несколько шагов к расширению прав женщины и утверждению ее самостоятельного гражданско-правового статуса, но только к началу XIX в. было закреплено раздельное владение имуществом супругов², что означало самостоятельную ответственность по обязательствам каждого из них именно своим личным имуществом, хотя привлечение общего нажитого имущества в погашение долгов не исключалось.

Вершиной формирования обязательственных прав женщин в исследуемый период стало закрепление в 1832 г. в гл. 4 «О правах и обязанностях от супружества возникающих» в отделении 2 «О правах на имущество» ст. 114 Законов Гражданских дозволения супругам продавать, закладывать и иным способом распоряжаться собственным имуществом, независимо друг от друга и не спрашивая взаимных дозволений и верящих писем³. А.И. Загоровский, в свою очередь, отмечал, что в связи с тем, что ни обычай, ни практика, ни западное законодательство не знают случаев истребования разрешений мужем у жены, то истинное значение данного закрепления состоит в свободе распоряжения жены своим имуществом, без получения разрешения на то мужа⁴. Необходимо отметить, что и на тот момент из данного закрепления были исключения. Так, по ст. 2202 разд. 4 гл. 1 «О личном найме» Законов Гражданских невозможен договор личного найма супруги в связи со столкновением ее обязанности подчиняться власти мужа и разделять

¹ Соборное Уложение 1649 года. Выверено по изданию: *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. С. 131.

² См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 17 июня 1846 г. «О мерах против злонамеренной передачи имений между супругами» // ПСЗ-2. Т. XXI. № 20138.

³ См.: Свод Основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. Кн. 3. Т. X, ч. 1. СПб., 1832. Ст. 114.

⁴ См.: *Загоровский А.И.* Курс семейного права. Одесса, 1909. С. 18.

его местожительство¹. Но как показала практика, само участие мужа в договоре личного найма его жены доказывает его согласие и приравнивает его к любой другой имущественной сделке совершенной женой².

Объективная оценка особенностей эволюции обязательственных прав женщин и уяснение степени расширения их гражданско-правового статуса в целом возможна через сравнение уровня дееспособности женщин в России и на Западе. Так, революционное правительство Франции, покончив с законами Старого режима, объявило замужних женщин самостоятельными субъектами в вопросах собственности. В 1804 г. Code civil снова возродил принцип гендерного покровительства, причем не только во Франции, но и во всех странах, попавших в сферу влияния наполеоновской империи. Семейный статус мужчины по Кодексу Наполеона достаточно высок. Согласно ст. 213 муж обязан оказывать покровительство своей жене, жена — послушание мужу. Обязательственные права женщин регулировались ст. 220³. Жена, если она принадлежала к купеческому сословию, могла без разрешения мужа принимать на себя обязательства, относившиеся к ее торговому делу. Если у них имелось общее имущество, то свои обязательства она возлагала на мужа. Таким образом, за коммерческую деятельность жены во Франции в исследуемый период ответственность должен был нести ее муж⁴.

В Англии в XVIII в. муж, помимо распоряжения всем имуществом жены, обладал и правом требования по всем ее обязательствам, так как жена не могла самостоятельно участвовать в сделках, а следовательно, и не отвечала по договорным обязательствам. Представляется интересным тот факт, что даже сэкономленные на «булавках» женой деньги были собственностью супруга, в связи с чем ответственность по уплате ее долгов также возлагалась

¹ См.: Свод законов Российской империи. Кн. 3. Т. X. Ч. I: Законы гражданские. Р. 4. Гл. 1. Ст. 2202.

² См.: *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Кн. 1. М., 2004. С. 136.

³ См.: Французский гражданский кодекс 1804 г. С позднейшими изменениями на 1939 г. / пер. И.С. Перетерского. М., 1941.

⁴ См.: *Биркетт Д.* «Простое дело»: брак, развод, и французская революция // Брак и собственность: женщины и боевые обычаи в истории / отв. Е. Крейк. Абердин, 1984.

на него. Та же тенденция распространялась и на деликты, обязательства, вытекавшие из причинения вреда¹.

Таким образом, женщины, состоявшие в браке в России, обладали большими возможностями и правами в сфере обязательственного права, чем женщины западных стран.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что в ходе становления обязательственного права в России происходит эволюция основных его принципов: одновременно с сословным принципом начинает зарождаться и идея равенства, в том числе и полов, что напрямую отражается на расширении объема обязательственных прав женщин в исследуемый период. Так, исходя из ограничений сделкоспособности в XVII – первой половине XIX в. общее количество женщин, по законодательству и при определенных обстоятельствах способных быть стороной в сделке, было невелико, но при этом институт сделок между супругами в ходе своего развития и законодательного закрепления претерпевал изменения в сторону расширения обязательственных прав женщин. Ответственность по долгам мужа, а особенно после его смерти, пусть и не личным имуществом, но нажитым совместно, женщины продолжали нести и в XIX в.

2.3. Наследственные права женщин в России

Всесторонняя характеристика гражданско-правового статуса женщин в дореволюционной России невозможна без внимательного изучения особенностей правового положения женщин в сфере наследственного права, которое в течение исследуемого периода подвергалось значительной трансформации. Именно в сфере наследования имущества права женщин были наиболее ограничены, что отмечалось в работах как дореволюционных мыслителей, так и современных авторов.

¹ *Fredman S. Op. Cit. P. 429.*

В развитии наследственного права М.Ф. Владимирский-Буданов выделял следующие исторические этапы: период Русской правды; период Московского государства; период империи¹.

В силу определяемых в диссертации хронологических границ исследования представляется целесообразным выделить следующие периоды в развитии наследственных прав женщин в России: 1) наследование имущества женщинами в период сословно-представительной монархии (XVII в.) — законодательное определение размера долей (прожитка) женщины в имуществе мужа и отца; 2) наследование имущества женщинами в период становления и развития абсолютной монархии (XVIII в.) — введение системы майората, максимально ограничивающей наследственные права женщин, и последующая отмена данной системы в 1731 г.; 3) период кризиса феодально-крепостнической системы (первая половина XIX в.) — систематизация законов, определявших порядок наследования имущества.

Рассмотрим особенности каждого из выделенных этапов. Государственно-правовой традицией первого этапа можно назвать создание системы, при которой каждое сословие имело право на существование благодаря определенному кругу повинностей (службы или тягла). Условное землевладение — предоставление земли и крестьян служилым людям, помещикам при условии несения ими военной или гражданской службы. Такое явление получило название поместной системы, конкурирующей с устоявшимся вотчинным наследственным владением. Необходимо отметить, что в XVII в. четко прослеживается тенденция зависимости порядка наследования недвижимого имущества от формы феодального землевладения. Отражением этой закономерности, по мнению Н.Н. Товстолеса, является Указ от 3 декабря 1627 г., который позволил вдовам получать в собственность движимое имущество даже в случае вступления в повторный брак². Одновременно с этим данный Указ лишал их права получения прожитка в случае, если у вдов не оставалось

¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. раб. С. 473.

² См.: Товстолес Н.Н. Наследование супругов по русскому праву в связи с проектом гражданского уложения. М., 1910. С. 16.

нисходящих родственников мужского пола, проще говоря, сыновей: «До вотчин им дела нет, опричь купленных вотчин»¹. Эти вотчины рассматривались как благоприобретенное имущество и наследовались одним супругом после другого. Позже через жалованные грамоты они могли переходить в собственность в случае, если жена не постригалась в монастырь или не выходила замуж повторно.

Названный Указ изначально соблюдался со всей строгостью, впоследствии он все же был изменен указами 1631 и 1632 гг.,² согласно которым, женщинам возвращалось право на получение прожитка из выслуженных вотчин в пожизненное пользование без права продажи, заклада в монастырь и передачи в качестве приданого при выходе замуж. Из родовых вотчин прожиток назначался только если иного имущества, которое могло быть прожитком, не оставалось (поместья, купленные вотчины). В последующем при вступлении в новый брак или ухода в монастырь данные земли переходили к боковой ветви родственников мужа. Для соблюдения этого правила с жен брались обязательства не закладывать, не менять и не разорять это имущество³.

Согласно ст. 16 гл. XVI «О поместных землях» Соборного Уложения бездетные жены не получали указанные вотчины в собственность и после их смерти указанное имущество переходило обратно в род мужа. Возможность наследования поместья и размер прожитка зависел от обстоятельств смерти мужа. Так, по ст. 30–32 той же главы при гибели дворянина на войне с поместья вдова получала со 100 четвертей 20, вдова умершего в походе получала 15, вдова умершего на службе — 10 четвертей. Закрепления наследуемого поместья вдовы или девицы за новым мужем было возможным при непо-

¹ Из указной книги Поместного приказа // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. № 4703. Л. 103–130.

² См.: Акты Московского государства: Т. III. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664 гг. М., 2011. С. 321.

³ См.: *Ильяшенко И.Е.* О праве наследования супругов с точки зрения будущего гражданского уложения // Вестник права. 1902. № 4–5. С. 71.

средственной просьбе к царю до женитьбы по ст. 20, размер передачи зависел также от того, было ли у него поместье¹.

Относительно купленных вотчин в гл. XVII Соборного Уложения закреплялось положение, в соответствии с которым они делились поровну между детьми от законных браков и женами. Но по ст. 5 данной главы правом распоряжения, так же как и в случае с прожитком, были наделены только жены, имеющие детей. Следует отметить, что различался порядок наследования купленных вотчин в зависимости от их предыдущих владельцев. Так, согласно ст. 7 главы «О вотчинах» бездетные жены по духовной грамоте могли наделяться купленной вотчиной, но владеть ею могли лишь до вступления в новый брак, смерти или пострижения².

Если ранее данные земли принадлежали казне, то они предоставлялись вдове только на прожиток, а в случае с землями чужеродцев (лиц, не находящихся в родстве) они переходили вдове в собственность³. Так, до 1649 г. дочери не могли стать собственницами части вотчин своих отцов, так как вотчины передавались по мужской линии, а им выдавалась лишь определенная «часть на прожиток из поместий» и то при условии их незамужнего состояния. Если сыновья и их дети умирали или их совсем не было, то родовые и выслуженные вотчины отдавались дочерям и ее потомкам вместе с их дядями и тетками.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что причина существенных ограничений женщин в наследовании кроется не только в несформированном индивидуальном институте собственности вообще и предоставлении об имуществе как семейной категории, но и в убежденности в том, что пребывание женщин в семье носит лишь временный характер.

По Новоуказанным статьям о поместьях от 10 марта 1676 г. в п. 3 было закреплено право жены после умершего мужа на прожиток в размере своего

¹ См.: Соборное Уложение 1649 года. Выверено по изданию: *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. С. 192.

² Там же. С. 197.

³ См.: *Товстолес Н.Н.* Указ. раб. С. 25.

приданого, в случае обмена данного поместья — право на «вымененное». Если же от ее приданого поместья к данному моменту ничего не оставалось, то прожиток выдавался из «мужненого поместья», если такового не имелось, то из вотчины. В п. 11 регулировался вопрос наследования женой поместья при отсутствии у ее мужа добрачного недвижимого имущества. В этом случае вдове доставалось «то с чем пришла». Если же вдова или девица пришла с поместьем меньшим по размеру, чем у ее мужа, то она могла претендовать только на него, а все оставшееся передавалось детям умершего, а при их отсутствии — «чужеродцам беспоместным»¹. Изданные в 1677 г. Новоуказанные статьи о поместьях и вотчинах утвердили положения по наследованию женщин, закрепленные ранее в Соборном Уложении и статьях 1676 г.²

Таким образом, особенностью наследования имущества женщинами в период сословно-представительной монархии является законодательное определение размера долей (прожитка) женщины в имуществе мужа и отца.

Рассматривая наследственные права дочерей в указанный период, следует отметить две характерные особенности: во-первых, начинается призывание к наследству дочерей не только при отсутствии сыновей, но и при их наличии. Это совершалось в следующем порядке: имущество, получаемое дочерьми при наличии сыновей, переходило в форме прожитка, в отличие от прежних законодательных актов, независимо от воли братьев, а в последующем данный прожиток не отбирался при выходе дочери замуж, из чего можно заключить, что он переходил в собственность к дочери. Этот прожиток стоит отнести к наследственным отношениям, так как его получение ставилось в зависимость от смерти отца. Во-вторых, стоит отметить изменения, произошедшие в наследовании при отсутствии братьев. Данный порядок наследования не приветствовался, что связано с тем, что более века существовала тенденция наследования по боковой линии родства. Так, в случае, когда имущество после смерти отца переходило к дочери, которая после этого выходила замуж и пе-

¹ См.: Новоуказанные статьи о поместьях от 10 марта 1676 г. // ПСЗ-1. Т. II. № 633.

² См.: Новоуказанные статьи о поместьях и вотчинах от 10 августа 1677 г.

переходила в другой род, после смерти такой наследницы и отсутствия нисходящих наследников возникал вопрос: к какому роду должно перейти имущество — к роду отца или же роду мужа. Данная проблема была разрешена лишь в 1680 г.¹ указом, согласно которому в таких спорных ситуациях имущество переходило к роду мужа². Таким образом, на протяжении всего XVII в. сохранялся порядок, при котором братья имели преимущественное положение по отношению к сестрам и устраняли их от наследства.

В период сословно-представительной монархии на фоне расширения прав вдов и дочерей они все еще находились в зависимом положении как от наличия братьев, так и от статуса имущества и при определенных обстоятельствах вдовы могли остаться без имущества лишь с прожитком. Дочери также в основном из-за того, что при вступлении в брак переходили в другой род, не получали в собственность имущества, а лишь наделялись правом пользования им до момента вступления в брак. Сестры же по-прежнему лишались права наследования при наличии иных нисходящих родственников мужского пола. Именно в XVII в. размер наследственной доли из движимого и недвижимого имущества, передаваемой женщинам, определяется законом, что является подтверждением мнения исследователей о расширении наследственных прав женщин. В целом же, как отмечал Н.Н. Товстолес, в XVII в. законодатель высказывался за расширение прав наследования лиц женского пола³.

Рассмотрим особенности наследственных прав женщин в период становления и развития абсолютной монархии (XVIII в.). Одним из самых значимых в данный период стал Указ Петра I, изданный в 1714 г., который постановил, что после смерти последнего в роду недвижимые его имущества могли переходить родственникам по женскому колену⁴. Так, по ст. 2 данного Указа в завещательном распоряжении позволялось выбрать главного наследника,

¹ См.: Статьи о вотчинах от 29 марта 1680 г. // ПСЗ-1. Т. II. № 814.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. раб. С. 503.

³ См.: Товстолес Н.Н. Юридическое положение женщины при открытии наследства по русскому законодательству. С. 70.

⁴ См.: Именной указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» // ПСЗ-1. Т. V. № 2789.

который наследовал все недвижимое имущество, при этом сохранялось правило, что если у умершего были сыновья, в своем распоряжении он был обязан выбрать сына (по дополнительному указу 1730 г., наследодатель мог выбирать не только между своими сыновьями, но и их нисходящими, то есть внуками) и только в случае их отсутствия мог выбрать дочь. Если муж не оставил никакого распоряжения, располагать имуществом могла вдова. Стоит подчеркнуть, что по ст. 7 данного Указа, если в роду остались только женщины, то передать недвижимое имущество по духовному завещанию можно было замужней, вдове или девице. Замужняя женщина могла принять наследство только в случае, если ее муж был согласен взять их родовую фамилию¹. Из-за необходимости передачи всего имения только одному наследнику строгий порядок перехода имущества был необходим. При отсутствии сыновей по ст. 9 имение наследовала старшая дочь, однако если она выходила замуж до смерти наследодателя, то главной наследницей становилась еще незамужняя старшая дочь, но если все дочери были замужем, то наследовала старшая². Бездетная вдова также имела право на пожизненное пользование имениями, которое с 1716 г. заменялось получением права собственности на четверть движимого имущества мужа³. Следующим расширением прав вдов при наследовании стало право на получение 1/14 части из недвижимого имения свекра, после издания Указа от 28 мая 1725 г.⁴

Относительно прав сестер важно отметить тот факт, что по ст. 4 Указа «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» у единоличного наследника по духовному завещанию или первенству, получившего недвижимое имущество, закреплялась обязанность содержать сестер до 17 лет, обучать их грамоте, а после вычесть затраченные средства из их доли.

¹ См.: Именной указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» // ПСЗ-1. Т. V. № 2789. Ст. 2–7.

² См.: Там же. Ст. 9.

³ См.: Указ от 15 апреля 1716 г. «О выделе мужу после умершей жены, а жене после мужа из всего имения четвертой части и о разделе прочих частей» // ПСЗ. Т. У. № 3013.

⁴ См.: Указ от 28 мая 1725 г. «О вотчинных делах» // ПСЗ Т. VII. № 4722.

Согласно ст. 6 этого Указа если девица по достижении 17 лет не захочет жить у брата, то, взяв свою долю, она могла покинуть дом либо по собственной воле жить в нем до замужества, а могла и не выходить замуж¹.

Следующим важным шагом стала отмена Указа о единонаследии Анной Иоанновной Указом от 17 марта 1731 г. «О именовании поместий и вотчин и о разделе оных между детьми по Уложению»². Как считал К.А. Неволин, данный Указ приводил лишь к огромному количеству подлогов с документами с целью передачи наследства в равной степени между всеми наследниками³. Однако этим актом отменялось единонаследие по закону, относительно завещательного распоряжения никаких уточнений не делалось. Одновременно согласно этому Указу вдова получала в собственность 15% из собственности мужа в вечное владение и 25% от движимого имущества. Данное имущество не отнималось у нее даже в случае вступления в новый брак. Кроме того, супруга имела право на получение своей части имущества уже после вступления в брак, даже если сразу же не заявляла об этом. Однако имелось одно условие: она должна была заплатить двойную пошлину в вотчинную коллегию.

Важным шагом в развитии наследственных прав женщин стало издание Сенатом 30 июля 1740 г. Указа «О разделе оставшихся после покойного Адмирала Головина дворов и дворовых пустых мест между женою его и детьми»⁴, согласно которому признавалось равенство прав при наследовании между дочерьми и сыновьями, так как «и дочери отцам и матерям своим, равномерно, как и сыновья, дети же»⁵.

¹ См.: Именной указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» // ПСЗ-1. Т. V. № 2789. Ст. 4–6.

² См.: Именной указ от 17 марта 1731 г. «О именовании поместий и вотчин и о разделе оных между детьми по Уложению» // ПСЗ Т. VIII. № 5717.

³ См.: *Неволин К.А.* Указ. раб. С. 412.

⁴ См.: Высочайше утвержденный доклад Сената от 15 октября 1742 г. «О предоставлении Сенату права давать позволение оставшимся после мужей с малолетними детьми вдовам на продажу недвижимого имения для уплаты долгов» // ПСЗ Т. XI. № 8637.

⁵ *Анненков К.* Система русского гражданского права: в 6 т. Т. VI: Право наследования. 1902. С. 291.

Таким образом, постепенно, несмотря на определенную стагнацию в развитии прав женщин при наследовании в начале данного периода с приходом к власти Анны Иоанновны принимаются важные шаги в решении этого вопроса. Определяется обязательная доля в имуществе, переходившая в собственность вдовы, и сохранявшаяся при ее повторном выходе замуж.

К началу XIX в. сохранялось преимущество сыновей при разделе наследства перед дочерями. При наследовании по нисходящей линии, при наличии у умершего только сыновей они получали наследство в равных долях. Та же ситуация сохранялась при наличии только дочерей, однако при наличии и сыновей, и дочерей наследственные доли детей были не равны. Дочери получали $\frac{1}{8}$ часть из движимого и $\frac{1}{14}$ из недвижимого имущества, а все остальное имущество делилось поровну между сыновьями. В случае, если количество дочерей было таковым, что при подобном разделении доля сына оставалась меньшей, чем доля дочерей, то имущество уже в начале предписывалось разделить поровну, что также можно определить как признак правового неравенства¹. Здесь мы согласимся с мнением А.Г. Гойхбарга, согласно которому такое разделение устанавливалось для единственной цели — «чтобы сыновья ни в коем случае не получали меньше дочерей, и поэтому, когда грозила такая опасность сыновьям, их доли уравнивались с дочерями»². Исключение составляли случаи, когда наследство, состоящее из благоприобретенного имущества, разделялось между дочерями и усыновленными. В этом случае законодатель указал отсутствие преимущества и разделение имущества поровну³.

¹ См.: Свод Основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. Кн. 3. Т. X, ч. 1. СПб., 1832. Ст. 1127, 1130–1132.

² Гойхбарг А.Г. Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола. СПб., 1912. С. 55.

³ См.: Свод Основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. Кн. 3. Т. X, ч. 1. СПб., 1832. Ст. 156.

Отдельно необходимо остановиться на наследовании вдовами. Здесь права относительно были равными. В частности, супруги наследовали друг за другом в равной доле $1/7$ недвижимого и $1/4$ движимого имущества¹.

С приведенными положением были не согласны многие цивилисты того времени. В частности, отмечалась невозможность изменения данной доли, и в случае, если не имелось других наследников, вся остальная имущественная масса становилась выморочным имуществом. И.Е. Ильяхенко определял данное законодательное положение неудовлетворительным. В своем выводе он исходил из двух тезисов. Во-первых, размер указной части, получаемой пережившим супругом, был слишком мал; во-вторых, он ни при каких условиях не подлежал изменению². Одновременно с этим, как указывали Д.И. Мейер, Д.И. Азаревич и К.П. Победоносцев³, данное положение нельзя рассматривать как наследование. Они определяли это как «законное обязательство, лежащее на наследнике умершего супруга». И данное определение имеет место на существование. Помимо этого, в расширении права вдовы в качестве наследства разрешалось передавать родовое имение в пожизненное владение либо требовать право собственности на указанную часть имущества из имущественной массы мужа⁴.

Существуют некоторые исключения в наследовании, которые также возможно объяснить только определенными традициями, присущими различным народам, которые по своей сути являлись ограничениями для женского пола при наследовании. Так, например, в закавказских губерниях, образовавшихся в пределах Грузии, Имерети и Гурии, исповедовавшие христианство братья, а также их потомки имели право оставить за собой указанную долю в недвижимом имуществе, «удовлетворив ее деньгами по оценке, опре-

¹ См.: Свод Основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. Кн. 3. Т. X, ч. 1. СПб., 1832. Ст. 1148.

² См.: *Ильяхенко И.Е.* Указ. раб. С. 85.

³ См.: *Мейер Д.И.* Указ. раб. Ч. 2. С. 633; *Азаревич Д.И.* О наследовании родственников бездетной вдовы в указной части // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. Кн. 4. С. 44–45; *Победоносцев К.П.* Указ. раб. С. 274.

⁴ См.: *Орович Я.* Женщина в праве. СПб., 1895. С. 104.

деляемой или по взаимному соглашению заинтересованных сторон, или по распоряжению подлежащих властей»¹.

В Черниговской и Полтавской губерниях при разделе отцовского имения дочери при наличии братьев не получали своих наследственных частей, а наделялись приданым, определявшимся по усмотрению отца или, если он не оставил завещания, в размере 1/4 части всего оставшегося недвижимого имущества².

Отдельному анализу необходимо подвергнуть завещательные права женщин в рассматриваемый период. Завещание отца дочерям стало возможно лишь после Указа о единонаследии и только при условии отсутствия сыновей. Действие Указа распространялось на все сословия, за исключением крестьян. По мнению В.Н. Латкина, в этом заключалась одна из его отличительных черт (в сравнении с западноевропейским майоратом, обязательным только для высших сословий)³. Бездетному собственнику Сенат согласно решению 1791 г. предписывал практически полную завещательную свободу, в том числе и завещание родственнице женского пола, при условии принятия ее мужем фамилии наследодателя⁴. Это же правило могло распространяться и при наследовании дочерями по завещанию. Завещательным правом обладали как мужчины, так и женщины, пребывающие в здравом уме и твердой памяти⁵. Если в середине XVIII в. после установления Екатериной II разделения имущества на родовое и благоприобретенное завещать не родственникам разрешалось только последнее, то после Сенатского решения 1791 г. при отсутствии родственников дозволялось и посторонним.

¹ Законы гражданские. С объяснениями по решениям гражданского кассационного департамента Правительствующего сената / сост. А. Боровиковский. СПб., 1882. С. 307.

² См.: Свод Основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. Кн. 3. Т. X, ч. 1. СПб., 1832. Ст. 1005. П. 2.

³ См.: *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX вв.) / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 321.

⁴ См.: *Мотовилов Г.Н.* О праве племянниц на указные части из наследства // Журнал министерства юстиции. 1865. Т. XXVI. Ч. II.

⁵ См.: *Неволин К.А.* Указ. раб. Т. 3. С. 304.

До учреждения губерний в 1775 г. засвидетельствование духовных грамот осуществлялось Юстиц-коллегиями. В дальнейшем эта функция была передана в палаты гражданского суда. Например, в 1797 г. в Вятскую губернскую палату суда и расправы поступил целый ряд прошений о засвидетельствовании завещаний, в которых женщины разных сословий выступали как в качестве завещателей, так и наследниц.

Так, городничий в отставке г. Нолинска Вятского наместничества, помещик, дворянин Казанской губернии Михаил Оффенберг обратился с прошением о засвидетельствовании завещательного письма от жены его Марьи Васильевой на имение¹. Интересным дополнением к данному обстоятельству являлось рождение первого сына Оффенберга Александра Михайловича именно в этом году², что могло свидетельствовать о желании мужа сохранить в качестве собственности данное имущество на случай смерти жены при родах.

В свою очередь, в архивных документах хранится прошение о засвидетельствовании завещательного письма, в котором в качестве наследницы выступает дочь. Так капитанармус Николай Челищев завещает владение деревянным домом своей дочери Агрипине Николаевне³.

Иногда женщинам, как правило, вдовам либо незамужним приходилось самостоятельно выступать в качестве просительниц в палате гражданского суда. Так, вдова капитана Ольга Исаева обращалась с прошением о засвидетельствовании духовной на имение, полученное от ее отца⁴, а Марья Степановна Чернобровина обращалась с прошением о засвидетельствовании выданного асессором надворного советника Петром Безруковым в Вятской казенной палате свидетельства о наследстве и переводе имущества ее родного брата сержанта Степана Чернобровина в Оренбургскую губернию, так как она являлась единственной его наследницей. Интересным дополнением дан-

¹ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1259. Л. 1–3.

² См.: *Путинцев В.С., Папырин В.С.* Нолинск // *Энциклопедия земли Вятской*. Города. Киров, 1994. Т. 1. С. 285.

³ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 380. Л. 2–4.

⁴ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1415. Л. 1.

ного дела было свидетельство однополчан наследодателя второго Оренбургского батальона о том, что Марья Степановна — его единственная сестра и наследница¹.

Уникально рассмотрение прошения по рапорту Яранского уездного суда о засвидетельствовании духовной крестьянской женки Дьяконовой, уточнением по которому является без взыскания указанных пошлин². Данное уточнение вызвано действием Манифеста 1775 г. об уничтожении всяких пошлин при засвидетельствовании завещаний, которое в данной ситуации было распространено и на крестьянское сословие, что является редким, так как, по мнению Т.В. Титовой, в связи с тотальной бедностью крестьянства данный правовой институт не был востребован крестьянством и не получил повсеместного закрепления в обычном праве³. Более подробно обычно-правовое регулирование института наследования будет рассмотрено в третьей главе данного исследования.

Подводя итог вышесказанному, можно выделить определенное расширение наследственных прав женщин в XVII – начале XIX в. Такая тенденция сохранялась достаточно долго, вплоть до указов XIX в., согласно которым вдовам разрешалось получать право собственности на движимое имущество супруга после его смерти и право пожизненного пользования, которое через жалованные грамоты могло переходить в право собственности на недвижимое имущество. Однако здесь существовала определенная проблема с передачей имущества по нисходящей, вызвавшая неоднозначные мнения. Связана она была с передачей имущества дочери умершего после вступления ее в брак и последующей ее смерти. Неопределенной была процедура передачи ее наследственной части: должна она передаваться семье мужа или семье отца? Решение данного вопроса потребовало практически целого века⁴.

¹ См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 84. Л. 1–4.

² См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 2.

³ См.: *Титова Т.В.* Эволюция завещательного права в России XVIII — начала XX веков: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 12.

⁴ См.: *Оршанский И.Г.* Наследственные права русской женщины // Журнал гражданского и уголовного права. 1876. Кн. II. Март-апрель. С. 33.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно констатировать определенное расширение наследственных прав женщин после издания Указа 1740 г. На протяжении второй половины XVIII в. правовое регулирование наследственных прав женщин носило противоречивый характер, поскольку, с одной стороны, размер доли, предоставляемой из наследства супругам, изменить было невозможно, что приводило к махинациям с бумагами и последующим противоречиям при передаче наследственной массы. Но вместе с тем с отменой системы майората была определена обязательная доля женщин в имуществе, переходившая в собственность вдовы и сохранявшаяся при повторном выходе замуж. В правоприменительной практике наблюдались отдельные случаи утверждения наследственных прав дочерей, равных правам представителей мужского пола.

2.4. Приданое как основной институт формирования имущественных прав женщин в семье и браке

Рассмотрение эволюции гражданско-правового статуса женщин в России в XVII – первой половине XIX в. невозможно без анализа особенностей основного института формирования имущественных прав женщин в семье и браке — приданом. Взгляды законодателя на природу приданого в исследуемый период трансформировались в ходе становления политико-правовой системы государства и часто были продиктованы защитой частнособственных интересов определенных слоев населения. Логично, что в этой ситуации правовому регулированию в первую очередь подвергались имущественные отношения супругов, а основой, наиболее распространенной в российской юриспруденции доктриной, были представления о браке как о сделке¹. В этой связи возникает потребность исследования следующих аспектов: во-первых, степени влияния канонического и обычного права на законодатель-

¹ См.: *Алексеев А.А.* Правовое регулирование имущественных отношений супругов в Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 23.

ное регулирование института приданого и его значения в расширении гражданско-правового статуса женщин; во-вторых, эволюции государственного влияния на правовое оформление имущественных правоотношений супругов в договорной форме; в-третьих, места приданого в системе гражданско-правовых институтов и его роли в формировании вещных, обязательственных и наследственных прав женщин.

Многообразие источников регулирования семейно-брачных отношений, а в особенности процесс устранения их правовых противоречий на каждом историческом этапе, по мнению Э.М. Левшина, стало основным механизмом в эволюции всего семейного законодательства и определило специфику метода его правового регулирования в дальнейшем. Если на первоначальном этапе целью брачно-семейного законодательства было устранение противоречий между церковным и светским правом, обычным правом и законодательством, то к концу исследуемого периода наметилось противоречие между судебной практикой и буквой закона¹.

Относительно источников регулирования имущественных правоотношений супругов интересным представляется подход А.А. Алексеева, который совокупность правовых норм, регулирующих семейные отношения в России XVIII в., называет полиюридической системой, допускающей сосуществование норм как канонического, позитивного, так и обычного права². В связи с этим необходимо заметить, что соотношение в данной совокупности источников, следовательно, и степень их влияния на имущественные права супругов в период с XVII по XIX в., было подвержено изменениям. Рассмотрим степень влияния канонического и обычного права на формирование законодательного регулирования имущественных правоотношений супругов. Наиболее показательным в сочетании источников регулирования является

¹ См.: *Левшин Э.М.* Брачный договор (историко-правовое исследование и анализ современного законодательства): учебное пособие. Н. Новгород, 2003. С. 35.

² См.: *Алексеев А.А.* Правовое регулирование имущественных отношений супругов в Российской империи. С. 23.

институт приданого, так как он наиболее ярко иллюстрирует изменения имущественных прав супругов в исследуемый период.

Непосредственное обращение к источникам, оказавшим наибольшее влияние на возникновение данного института в России, позволяет проследить существование нескольких концепций. Представитель первой — К.П. Победоносцев — считал институт приданого рецепцией римской традиции через каноническое право, но не всей конструкции в целом¹. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, именно христианство в виде церковного права способствовало расширению как личных, так и имущественных прав женщин, что подтверждается участием жены в правах на общее имущество супругов, а не только на приданое, являющееся, по его мнению, ее собственностью².

Если в начале XVII в. церковь оказывала огромное влияние на институт семьи в целом и на отношения супругов в частности, то к концу века появляются законодательные нормы и светского характера. Так, до принятия Соборного Уложения³ основными источниками регулирования семейных правоотношений были Кормчая книга (сборник правил церкви), закрепляющая модель византийского брачного законодательства⁴ и Стоглав 1551 г. (сборник постановлений церковного собора)⁵. Причем, именно Стоглав устанавливал общность имущества супругов, запрещая мужу распоряжаться приданым жены без ее согласия, что позже было воспринято и Соборным Уложением 1649 г.

Рассуждая о влиянии византийского права на Уложение, М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что оно, отчасти, воспроизводит его, но и существенно отличается. Так, если по Византийскому праву бездетная жена могла рассчитывать на четвертую часть всего имущества мужа, то законы Филарета

¹ См.: *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права: в 3 т. / под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. Т. 1. С. 45.

² *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 405.

³ См.: Соборное Уложение 1649 года // ПСЗ. Т. II. № 905.

⁴ Кормчая, напечатанная с оригинала патриарха Иосифа. М.: Журнал «Церковь», 1912 (1650).

⁵ См.: Стоглав. Казань, 1862.

эту часть выделяют только из движимого имущества, в связи с запретом отчуждения родовых и выслуженных вотчин. Интересной представляется и византийская норма, предусматривавшая право мужа на четвертую часть приданого умершей жены, закрепленная в Соборном Уложении 1649 г.¹

Отражением второй концепции, по которой ведущим источником формирования имущественных прав супругов и в особенности института приданого служат правовые обычаи, является существование одновременно с церковной формой заключения брака венчанием, процедуры обручения, чему предшествовало основанное на обычном праве составление рядной записи, закреплявшей состав приданого. Анализируя институционализацию заключения брака, Н.С. Нижник находит доказательства существования института приданого уже в древнерусском обычном праве², тем самым опровергая заимствование данного института. По мнению А.И. Загоровского, обряды народа, связанные со сговором отца и представителей семьи жениха, прочно укоренившиеся в его сознании, часто были предпочтительнее, чем само венчание, вплоть до XVII в.³

В подобном аспекте рассматривает процесс возникновения приданого и М.Ф. Владимирский-Буданов, подчеркивая, что отсутствие рядной записи делало невозможным принуждение родителей предоставить приданое по закону, так как это обязательство не было закреплено, а являлось обычаем. Исключением было предоставление приданого другими родственниками или братьями. Данная ситуация закреплялась уже законодательно, правда о размере приданого не упоминалось, точнее оно соответствовало имущественным возможностям родственников⁴.

Наиболее красочно процесс взаимодействия обычаев и греко-римского права описывал А.И. Загоровский, отмечая, что церковь в своих попытках

¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. раб. С. 405.

² См.: Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006. С. 17.

³ См.: Загоровский А.И. Указ. раб. С. 36.

⁴ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. раб. С. 407.

заменить нормы обычного права народа на иноземное право не всегда успешно справлялась с этим, и две эти силы были реализованы в жизни «по диагонали параллелограмма»¹.

Интересной представляется позиция О.Н. Рублевой, которая утверждает, что характерной чертой правового регулирования имущественных отношений супругов в рассматриваемый период являлась переработка норм византийского права в соответствии с обычаями, распространенными в народе².

Следовательно, представляется возможным утверждать, что на протяжении XVII в. нормы церковного права и правовых обычаев в регулировании имущественных отношений супругов эволюционируют и к концу века на их базе появляются законодательные нормы позитивного права, упорядочивающие и дополняющие их. К ним можно отнести и указы 1679 г., закрепившие запрет на отчуждение имущества мужьями без согласия их жен³, и запрет от своего имени осуществлять данное отчуждение⁴. Как видим, законодатель делает еще один шаг к повышению уровня имущественных прав женщин в браке и их гражданско-правового статуса в целом.

Особенностью XVIII столетия являлось активное внедрение государственного регулирования в частные сферы жизни общества, в том числе и в брачно-семейную сферу. Причем именно имущественные отношения супругов вызывали наибольший интерес законодателя. Так, если в начале XVIII в. набиравшее силу светское законодательство в виде указов государя служило для восполнения пробелов в каноническом праве, то к концу столетия наблюдается усиление данной тенденции и практически полное вытеснение церковного законодательства в регулировании имущественных правоотношений супругов.

¹ Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1902. С. 180.

² См.: Рублева О.Н. Правовое регулирование института имущественных отношений супругов в доктрине российского семейного права (Историко-правовой аспект): дис. канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 19.

³ См.: Именной указ от 21 февраля 1679 г. «О запрещении мужьям продавать и закладывать своим имением вотчины жен своих, без их согласия» // ПСЗ-Т. № 751.

⁴ См.: Указ от 19 июля 1679 г. «О неотчуждении продажей и залогом мужьям от своего имени жениных вотчин» // ПСЗ Т. II. № 762.

Указом от 3 апреля 1702 г. отменялась юридическая сила рядных и сговорных записей, а также запрещалось установление неустойки в случае отказа после предварительного согласия вступать в брак одной из сторон¹. Данным актом наносился серьезный удар по широко распространенным обычаям, регулировавшим институт приданого, так как предложенная законодателем форма росписей содержала лишь перечень имущества, входившего в приданое. Следующее законодательное закрепление, получившее название Указа «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», по мнению К.А. Неволлина, закрепило новый взгляд на приданое как исключительное имущество жены, по отношению к которому муж не имеет никакого права², выраженный в ст. 8 Указа от 23 марта 1714 г.³

Содержавший в себе противоречия Указ о единонаследии, по мнению В.О. Ключевского, потребовал принятия дополнительных разъяснений в виде Указа 15 апреля 1716 г., закрепившего выдел из неразделенной недвижимости умершего супруга четвертой части второму супругу в вечное владение⁴, и Указа 28 мая 1725 г.⁵, более подробно разъяснявшего новый порядок наследования⁶.

Таким образом, тенденция укрепления самостоятельности в распоряжении приданым женщины в браке была окончательно закреплена.

Особого внимания заслуживает не менее противоречивый Именной указ от 17 марта 1731 г. Анны Иоанновны, являвшийся частью контрреформы, последствием которой стал возврат к процедуре наследования по Уложе-

¹ См.: Именной указ от 3 апреля 1702 г. «Об отмене рядных и сговорных записей, совершаемых у крепостных дел» // ПСЗ. Т. IV. № 1907.

² См.: *Неволин К.А.* Указ. раб. Т. 3. С. 444.

³ См.: Именной указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» // ПСЗ-1. Т. V. № 2789.

⁴ См.: Указ от 15 апреля 1716 г. «О выделе мужу после умершей жены, а жене после мужа из всего имения четвертой части и о разделе прочих частей» // ПСЗ. Т. V. № 3013.

⁵ См.: О вотчинных делах. Пункты от 28 мая 1725 г. // ПСЗ Т. VII. № 4722.

⁶ См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 2002. Т. 3. С. 142.

нию¹. Данный Указ оказал огромное влияние как на наследственные права супругов (пережившая супруга могла теперь получить седьмую часть недвижимости и четырнадцатую часть движимого имущества), так и на предоставление приданого. Впервые в законодательном акте определялся конкретный размер приданого дочерям — четырнадцатая часть недвижимого имущества и восьмая часть движимого. Также восстанавливалось право «давать деревни», но только купленные или наследованные из другого рода. Таким образом, запрет накладывался на приданое в виде вотчинных земель. Противоречивость данного законодательного закрепления выразилась в его реализации, а именно в правоприменительной практике, последствием чего стало увеличение споров, доходивших и до Сената о «достаточности» размера приданого. Так, Сенатский доклад 1730 г. содержал в себе традиционный взгляд на приданое как подарок родителей, размер которого определялся волей и усмотрением дарителей², что прямо противоречило законодательному закреплению Указа 1731 г. Следовательно, к середине XVIII в. в противовес законодательству появился новый источник регулирования правоотношений супругов — судебная практика, выражавшаяся в тот период в указах Правительствующего Сената и Вотчинной коллегии, причем число обращений женщин за защитой своих прав также возросло. Интересным представляется взгляд некоторых современных исследователей считающих, что именно прецедент сыграл наиглавнейшую роль в установлении самостоятельности в имущественных правах женщин в России³.

Следует отметить, что Сенат не имел четкой позиции по данному вопросу и принимал противоречивые решения. Так, если в 1770 г. по делу Ан-

¹ См.: Именной указ от 17 марта 1731 г. «О именовании поместий и вотчин и о разделе оных между детьми по Уложению» // ПСЗ. Т. VIII. № 5717.

² См.: Высочайший утвержденный доклад Сената от 9 декабря 1730 г. «О раздаче детям движимых и недвижимых имений по Уложению и об отмене Указа 1714 года и дополнений к нему пунктов 1725 года» // ПСЗ-1. Т. VIII. № 5653.

³ См.: *Маррезе М.Л.* Указ. раб. С. 214.

ны Сомовой¹, а в 1772 г. по делу Дарьи Лавровой² было закреплено право женщин на долю в отцовском имении, то уже в 1789 г. Сенат занял противоположную позицию по делу Авдотьи Вадбольской, снова указав на то, что, размер приданого зависит от волеизъявления родителей³. Только к концу XVIII столетия Сенат избрал более четкую позицию, обращая внимание уже на наличие письменной формы соглашения о приданом и подписи дочери, выходявшей замуж, под ним, расценивая ее подпись как отказ от дальнейших претензий о достаточности приданого и наследства в целом.

Окончательно противоречие концепций понимания приданого как аванса наследства в четко предусмотренных законом размерах или как обычного дарения имущества было разрешено только в первой половине XIX в. В ст. 994 и 1011 Свода законов окончательно был закреплен взгляд на приданое как имущественный дар, и только письменный отказ от наследства мог лишить замужних дочерей права на требования его после смерти родителей⁴. Этот факт свидетельствовал о том, что произошел окончательный отказ государства от регулирования на законодательном уровне вопроса о размере приданого, который теперь решался по усмотрению родителей, а его регулирование осуществлялось обычно-правовыми нормами⁵.

Представляет интерес точка зрения И.А. Покровского, который отмечал усиление процесса рецепции римского права к началу XIX в., но теперь не через институт церкви, как это было в XVII в., а через светское законодательство, регулировавшее гражданско-правовые институты. Причем данная тен-

¹ См.: Сенатский указ по делу Колычевых от 25 октября 1770 г. «О дополнениях замужним дочерям указанных частей из наследства, если они при выходе в приданом таковых частей сполна не получили» // ПСЗ-1. Т. XIX. № 13520.

² См.: Сенатский указ от 30 января 1772 г. «О выдаче дочери Григория Тыртова Дарье указной части из имения отца ее, вышедшей в замужество без приданого» // ПСЗ-1. Т. XIX. № 13750.

³ См.: Сенатский указ от 19 мая 1789 г. «О почитании дочерей, получивших приданое при выходе в замужество, отделенными, и о недозволении им требовать части имения, оставшегося после смерти отца» // ПСЗ-1. Т. XXIII. № 16769.

⁴ См.: Свод законов Российской империи. СПб. 1900. Т. X: Свод законов гражданских Ч. 1.

⁵ См.: Шмелин Э. Личные и имущественные отношения супругов // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. № 6. С. 52–55.

денция, по его мнению, была исторической необходимостью прогресса, удовлетворявшего потребность в универсальном общем праве Европы¹.

Следует отметить, что в ходе совместного существования канонического права, обычая и закона на каждом историческом этапе каждый источник оказал достаточное влияние на процесс расширения гражданско-правового статуса женщин. Так, каноническое право привнесло идею права жены на распоряжение как общим имуществом, так и личным. Обычное право на протяжении всего исследуемого периода регулировало добрачную процедуру закрепления будущих имущественных прав и обязанностей супругов и, не взирая на различную степень этого влияния, на протяжении многих веков являлось самой устойчивой формой. Законодательное регулирование способствовало упорядочиванию имущественных отношений супругов в интересах государственной и правовой политики на каждом историческом этапе.

Обратимся к рассмотрению эволюции государственного влияния на правовое оформление имущественных правоотношений супругов в договорной форме. Анализируя правовое регулирование брачно-семейных отношений в русской истории, Н. С. Нижник отмечает, что «специфика правового регулирования брачно-семейных отношений в России детерминирована эволюционными процессами ее государственно-правовой системы»². В этой связи необходимо проследить эволюцию договорного порядка урегулирования государством брачно-семейных отношений.

Отметим, что мнения современных цивилистов о моменте зарождения юридической конструкции брачного договора в России носят противоречивый характер. Одни считают, что это достижение Новой истории³, другие находят прообразы договорной конструкции регулирования семейно-брачных отношений в России уже с IX в.⁴

¹ См.: *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 2013. С. 28.

² *Нижник Н.С.* Указ. раб. С. 7.

³ См.: *Слепакова А.В.* Правоотношения собственности супругов. М., 2005. С. 197.

⁴ См.: *Трапезникова М.М.* Рядная (сговорная) запись в русском праве IX–XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2010. № 4(9).

В действительности с появлением государственного регулирования рядной или сговорной записи в русском праве начался процесс формирования института брачного договора, хотя конструкция этих актов значительно отличалась от его современного понимания. Название данного акта происходит от обряда, в ходе которого отец невесты рядился (уговаривался) с будущими родственниками со стороны жениха относительно условий данной формы брачного договора, главным из которых было засвидетельствование обязательства жениха вступить в брак и корреспондирующее обязательство отца невесты выдать за него дочь. Предусматривалась и ответственность в случае неисполнения данного обязательства в форме неустойки¹.

Таким образом, к XVII в. наряду с перечнем закрепленных обычным правом договоров, регулировавших отдельные имущественные права супругов, в частности, о приданом, о «кладке» (о денежных средствах, вносимых со стороны жениха), предбрачный договор о наследовании, самой универсальной была рядная запись, так как она регулировала весь этот перечень вопросов в совокупности и заверялась свидетелями с обеих сторон в письменной форме. Именно эти акты в виде рядных записей получили статус юридического договора, закреплявшего права и обязанности супругов в гл. 50 «О тайне супружества» Кормчей книги².

Особенностью данного периода являлся субъектный состав прообраза брачного договора. Так, сторонами рядной выступали не только будущие супруги, а их семьи целиком, сговор проходил между отцом или братьями невесты и женихом или отцом жениха, а имя невесты закреплялось наряду с именами свидетелей, то есть третьих лиц. Таким образом, женщина не являлась стороной брачного договора, но могла пользоваться правовыми последствиями этой сделки совместно с мужем, то есть была одним из выгодоприобретателей. Тенденция отсутствия личной собственности и преобладание семейной (общинной) подтверждается и тем фактом, что в случае прекраще-

¹ См.: *Левушкин А.Н.* История возникновения и развития института брачного договора в России // Семейное и жилищное право. 2012. № 5. С. 35.

² См.: *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб., 2002. С. 254.

ния брака права и обязанности по поводу имущества супругов возникали у их родственников¹, как правило, в связи с возвратом приданого².

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что, несмотря на преобладание регулирования брачного договора обычным и каноническим правом, влияние государственно-правовой политики по охране собственности на вотчины и поместья и удержания их в семье прослеживается и в таком правовом институте, как брачный договор. Включая в себя элементы вещного и наследственного права, брачный договор, высвобождаясь из-под жесткого контроля родовых и семейных союзов, в то же время подпадает под сильное влияние других коллективных субъектов, прежде всего, государства³.

Петр I, проводя реформы, коснувшиеся и семейных правоотношений, издал указы 1702 и 1704 гг.⁴, устранившие юридическое значение и обязательность сговора и отменившие заключение крепостным порядком рядных и сговорных записей. В этой связи представляет интерес взгляд А.Ф. Казимира, который отмечал, что этими указами запрещался не основной договор, а только договор о неустойке⁵. Эту точку зрения можно объяснить тем, что брачный договор не сразу прекратил свое существование, а долгое время широко применялся и регулировался нормами обычного права⁶.

Государство же признало право лишь на заключение приданных росписей, которые теперь носили усеченный характер, по сравнению с рядными крепостями, регулировавшими более широкий круг вопросов имущественных правоотношений супругов, и росписи еще менее напоминали современную конструкцию брачного договора, так как содержали простое перечисление имущества, входившего в приданое. В действительности реформы, с одной стороны, практически отменившие договорную конструкцию брачного

¹ См.: *Марков П.А.* Права состояния разведенных жен // *Вестник права.* 1899. Кн. 6. С. 215–216.

² См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 405.

³ См.: *Исаев И.А.* История государства и права России. 3-е изд. М., 2004. С. 152.

⁴ См.: Указ от 3 апреля 1702 г. // *ПСЗ.* Т. IV. № 1907.

⁵ См.: *Казимир А.Ф.* Об отношениях супругов по имуществу: реферат, доложенный на заседании Гражданского Отделения 28 апреля 1884 года. С. 22.

⁶ См.: *Ворошилова С.В.* Юридическая природа приданого в XIX в. // *Вестник Поволжской академии государственной службы.* 2010. № 4. С. 65.

имущества, стимулировали эволюцию имущественных прав женщин, началом которой послужил Указ 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», закрепивший собственность жены на приданое, которым она могла пользоваться без участия мужа¹.

Во второй половине XVIII в. раздельное владение имуществом все больше распространялось, особенно среди дворянского сословия, чему способствовал Сенатский указ 1753 г.², отражение юридических последствий которого можно найти в нотариальных особенностях регулирования брачных отношений, которые приобрели форму контракта между родителями и дочерью, а не с будущим зятем. По мнению американского исследователя института дворянского владения М.Л. Маррезе, этот процесс нашел наиболее полное отражение именно в губернских крепостных книгах, где многие росписи приданого собственноручно подписывали дочери, а неграмотные дворянские девицы просили кого-нибудь расписаться за них. Таким образом, в глазах многих семейств ответственность за выполнение имущественных договоренностей перешла от жениха к невесте. В итоге эта тенденция, по мнению автора, привела к постепенному исчезновению самого института приданого путем замены брачных соглашений на дарственные записи по передаче имущества дочерям, что укрепило контроль женщин над недвижимым имуществом³.

Попытка государственного регулирования заключения брачного договора была предпринята в проектах Гражданского уложения 1809 и 1814 гг., которые так и не были утверждены в качестве закона⁴. В связи с этим важным представляется закрепление в Своде законов выдела и назначение приданого отдельным видом дарения⁵, что, по мнению Д.И. Мейера, является не совсем удачным, с точки зрения свободы волеизъявления по определению

¹ См.: Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / сост. В.А. Томсинов (предисл.). С. 218.

² См.: Сенатский указ от 14 июня 1753 г. «О порядке совершения крепостей от имени владельцев обоого пола на собственное имение каждого без различия» // ПСЗ-1. Т. XIII. № 10111.

³ См.: Маррезе М.Л. Указ. раб. С. 56.

⁴ См.: Джанишев Г.А. Бабы стоны и новое (гражданское) уложение // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Кн. 3. С. 54.

⁵ См.: Свод Основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. Кн. 3. Т. X, ч. 1. СПб., 1832. Ст. 994, 1011.

сторон данной сделки¹. Необходимо отметить, что данный факт свидетельствует о возвращении институту приданого договорных черт, в современном понимании и закреплении договорной формы регулирования имущественных отношений супругов на законодательном уровне, к сожалению, не в виде самостоятельной конструкции.

Показательной при анализе имущественных правоотношений супругов является оценка места и роли уникального института приданого в системе гражданско-правовых институтов.

Рассмотрим роль института приданого в формировании вещных прав женщин в XVII–XIX вв. Именно приданое, по мнению многих исследователей данного периода, служило первым и самым значительным источником приобретения собственности женщинами². Если до Соборного Уложения в начале исследуемого периода приданое рассматривалось как вклад в общее имущество супругов, а законодательно осуществлялись первые попытки регулирования вопроса распоряжения своим приданым женщиной в браке, а также защита ее наследственных прав, то с принятием Соборного Уложения, с точки зрения М.Ф. Владимирского-Буданова, начался процесс расширения объема вещных прав женщин, но в первую очередь он коснулся вотчинного владения, а не поместного³. Женщины теперь владели на праве отдельной собственности своими приданными вотчинами, которые мужья не могли без согласия жен отчуждать⁴.

На протяжении всего XVIII в. в понимании института приданого конкурировали две основные концепции. Первая рассматривала приданое как форму наследования, причем при жизни наследодателя. Доказательством тому явилась попытка законодателя установить размер доли дочери при выходе

¹ См.: Мейер Д.И. Указ. раб. 4. 1. С. 245.

² См.: Неволин К.А. История российских гражданских законов. Ч. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. М., 2005. С. 11 – 12.

³ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. раб. С. 407.

⁴ См.: Именной указ от 21 февраля 1679 г. «О запрещении мужьям продавать и закладывать своим именем вотчины жен своих, без их согласия» // ПСЗ-II. № 751.

замуж¹. Таким образом, наблюдается тесная связь с институтом наследования. Вторая концепция отразилась во взглядах на приданое как обычное имущество, право собственности на которое передавалось в форме договора дарения безвозмездно². Данная концепция, основанная на свободном волеизъявлении, подкреплена обычаями, а затем и судебной практикой, в итоге, с одной стороны, закрепила вещно-правовую сущность данного института, а с другой, по мнению цивилистов, поставила окончательную точку в его эволюции как законодательно регулируемой совокупности правовых норм, с этого момента превратившегося в разновидность договора³.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что приданое тесно связано и с обязательственным правом, будучи оформленным в виде договорной конструкции как до начала XVIII в. в виде сговорной крепости, так и в начале XIX в. трансформировавшись в дарение.

Сравнивая институт приданого в России XVIII в. с западными аналогами, необходимо отметить, что законодательство, регулировавшее данный вопрос в странах континентальной системы права, было достаточно разнообразным. Так, на юге Франции женщины могли даже в браке свободно распоряжаться денежными средствами, не входившими в приданое, но постепенно утратили данное право в связи с дополнительным условием предбрачного контракта⁴. В Голландии законодательство предоставило право женщинам в браке выбирать систему общего или раздельного имущества супругов, но традиционно в высших слоях общества мужчины, как правило, управляли состоянием жен. Эта тенденция сохранялась и колонистами Нового Света. У дворян Южной Каролины замужние женщины обладали теми же правами в сфере рабовладения, что и мужчины, однако женщины, вышедшие замуж с

¹ См.: Именной указ от 17 марта 1731 г. «О именовании поместий и вотчин и о разделе оных между детьми по Уложению» // ПСЗ. Т. VIII. № 5717.

² См.: Свод Основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. Кн. 3. Т. X, ч. 1. СПб., 1832. Ст. 1012.

³ См.: *Мейер Д.И.* Указ. раб. С. 248.

⁴ *Ourliac P., Gazzaniga J.-L.* Histoire du droit privé français de Tan mil au Code Civil. Paris, 1985. P. 271; *Diefendorf B.B.* Women and Property. P. 175.

1785 по 1810 г., заключали предбрачные соглашения лишь в 2% случаев¹. Таким образом, и в Европе имущество замужних женщин защищала система правовых норм о приданом (regimedotal).

В качестве обобщения необходимо заметить, что приданое являлось важнейшим правовым институтом, носившим комплексный характер. В период формирования институтов гражданского права приданое включало в себя признаки как вещного, обязательственного, так и наследственного права. Следовательно, в XVII – XIX вв. именно институт приданого занимал центральное место в формировании гражданско-правового статуса женщин благодаря широчайшему спектру источников правового регулирования и комплексному характеру, подтверждением чему явился несомненный интерес законодателя, выносившего на государственный уровень вопросы регулирования формы, размера, государственной регистрации приданого.

2.5. Гражданско-правовой статус иностранок в России

Рассмотрение гражданско-правового статуса женщин в России в указанный период не будет полным без анализа гражданско-правового статуса иностранок и его сопоставления со статусом подданных. В этой связи возникает потребность в анализе следующих основных вопросов: во-первых, необходимо толкование термина «иностранцы» в XVII – первой половине XIX в. и установление его содержания; во-вторых, рассмотрение общего гражданско-правового статуса иностранцев и выделение этапов его становления в России; в-третьих, исследование особенностей отдельных элементов гражданско-правового статуса женщин-иностранок; в-четвертых, оценка роли факторов, влиявших на гражданско-правовой статус иностранок в исследуемый период, и сопоставление с факторами, влиявшими на женщин-подданных.

¹ Salmon M. Women and the Law of Property in South Carolina: The Evidence from Marriage Settlements, 1730 to 1830 // William and Mary Quarterly. 3rd ser. 1982. Vol. 39. P. 655–685.

Относительно начала формирования правового статуса иностранцев среди ученых нет единого мнения. Одни считают, что началом формирования именно правового статуса должны быть нормативные акты, регулировавшие их особые права и обязанности. Первым таким актом считается Новоторговый устав от 22 апреля 1667 г.¹ Другие исследователи высказываются за более ранний период формирования статуса иностранцев, аргументируя это наличием в начале XVII в. уже хорошо детализированной системы правовых предписаний², регулировавших статус иностранцев, сформированный, по-видимому, в предыдущие столетия³.

Анализируя механизм правового регулирования статуса иностранцев в России, П.В. Лавров указывает на его отличия от статуса российского подданного. Одним из критериев разграничения правоспособности иностранцев как элемента гражданско-правового статуса данный автор выделяет момент ее возникновения и прекращения. Если у граждан правоспособность появляется с момента рождения и прекращается смертью, то у иностранцев с момента въезда на территорию Российской империи до момента выезда⁴.

О.И. Куприянова, рассматривая правовое положение иностранцев в России в XVI–XVIII вв., под иностранцами понимает лиц, находившихся в России, рожденных за ее пределами, приехавших на ее территорию, но не принявших российского подданства, а также их детей, рожденных уже на территории России⁵.

При объединении этих двух подходов под иностранцами в исследуемый период необходимо понимать лиц, рожденных за пределами России и

¹ Тесленко А.М. Правовой статус иностранцев в России (вторая половина XVII – начало XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 14.

² См.: Назаренко Н.И. Правовое положение иностранцев в отечественном законодательстве XI – первой половины XVII вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 12.

³ Куприянова О.И. Иностранцы на государственной службе в России в XVIII в.: правовой статус // Вестник Московского ун-та. 2008. № 5. С. 78.

⁴ Лавров П.В. Механизм регулирования правового режима иностранцев в контексте эволюции государственно-правовой системы России в период IX – начала XX в. (историко-правовой аспект). С. 23.

⁵ См.: Куприянова О.И. Правовой статус иностранных купцов в XVIII веке // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2009. № 4. С. 76–85.

получивших при въезде на ее территорию определенный гражданско-правовой статус, включавший в себя права и обязанности в соответствии с действующим национальным законодательством. Необходимо учитывать, что данная категория не была однородной, и правовой статус иностранцев включал в себя несколько уровней. Выделяют общий правовой статус иностранцев всех категорий; родовой, касавшийся лиц, специально приглашенных и обладавших особыми правами; индивидуальный статус, характерный для членов иностранных владетельных фамилий и удостоенных этого за особые заслуги.

Категории лиц, объединенные термином «иностранцы», на протяжении веков претерпевали изменения. В начале XVII в. под категорию «иноземцы» благодаря неправославному вероисповеданию попадали выходцы из Западной и Восточной Европы и Малой Азии (Греции и Турции), а также татарские мусульмане¹. Особым статусом уже тогда обладали представители Германских земель, они имели право сохранять свое вероисповедание и допускались к государственной службе, подвергались особому правовому регулированию и им предоставлялись земельные выделы из особого фонда. Следовательно, на данном историческом этапе четко прослеживалось объединение категорий подданства и вероисповедания при определении понятия иностранцы, что закреплялось и на законодательном уровне. Подтверждением этого служила процедура натурализации в виде обращения в православие для иностранцев, добровольно изъявивших желание стать поданными.

В середине XVIII в. к уже имевшимся категориям иностранцев на основании Манифестов 1762² и 1763³ гг. присоединились иностранные колонисты, давшие присягу на верность, но сохранившие право выезда за границу.

¹ См.: *Опарина Т.А., Орленко С.П.* Указы 1627 и 1652 годов против „некрещенных иноземцев” // *Отечественная история*. 2005. № 1. С. 22–39.

² См.: Манифест от 4 декабря 1762 г. «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном, возвращении в свое отечество Русских людей, бежавших за границу» // *ПСЗ*. Т. ХУ1. № 41720.

³ См.: Манифест от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» // *ПСЗ-1*. Т. ХУ1. № 11880.

Также к этой категории могут быть отнесены лица, находившиеся на вновь присоединенных территориях, члены влиятельных фамилий. Отдельно следует отметить иностранцев, записавшихся во временное подданство для приобретения права торговли на определенной территории.

Таким образом, можно выделить два основных этапа в исследуемый период: на первом этапе наблюдалось формирование категории «иностранцы», и такие понятия, как вероисповедание и подданство, сливались в единое целое и тесно взаимодействовали, но по мере развития законодательного регулирования к концу XVIII в. данная категория приобретала светский характер. А.М. Тесленко, анализируя процесс становления правового статуса иностранцев, выделяет достаточно большое количество этапов данного процесса: этап зарождения (середина XVII – начало XVIII в.), начало формирования (первая половина XVIII в.), развитие законодательства, благоприятствовавшее иностранцам (вторая половина XVIII в.) и этап законодательного ограничения прав иностранцев (конец XVIII – первая половина XIX в.)¹.

Обращаясь именно к гражданско-правовому регулированию статуса иностранок в России в исследуемый период, представляется логичным выделить два основных этапа: этап формирования светского института гражданско-правового статуса иностранок (XVII – первая половина XVIII в.) и этап оформления специального законодательства, регулировавшего гражданско-правовой статус иностранок (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Рассматривая особенности гражданско-правового регулирования статуса иностранок в каждый из вышеназванных этапов, следует отметить достаточно раннее формирование данной разновидности статуса в связи с расширявшейся торговой деятельностью иностранцев и принятием Новоторгового устава от 22 апреля 1667 г.²

Анализируя правовое положение иностранцев по Соборному Уложению, Н.И. Назаренко отмечает, что в XVII в. развитие товарно-денежных отношений способствовало, казалось бы, на фоне серьезных ограничений их личного ста-

¹ Тесленко А.М. Указ. раб. С. 12.

² См.: Новоторговый устав // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. № 408. С. 689.

туса, касавшихся в первую очередь свободы вероисповедания, установлению более широкого именно гражданско-правового статуса иностранцев¹.

Так, расширение вещных прав иностранцев отразилось в системе надения западноевропейских представителей как поместьями, так и вотчинами за несение ими службы в качестве военных специалистов. Если в начале XVII в. вместе с землей передавались в собственность иноземцам и жившие на ней крестьяне, то к концу века под влиянием указов Филарета, наложивших ограничения на правовой статус иностранцев, а именно выбор места жительства, эта тенденция полностью меняется, и число поместных иностранцев уменьшается².

Неоднозначным представляется закрепление в Соборном Уложении разрешения на обмен поместьями между подданными и иностранцами в связи с тем, что данное закрепление противоречило Указу 30 апреля 1649 г. по части наличия для данной сделки разрешения такого контрольно-надзорного органа, как Иноземный приказ, для контроля над выморочными поместьями иноземцев и предотвращению захвата их русскими помещиками. Таким образом, в праве приобретения движимой и недвижимой собственности иностранцы приравнивались в исследуемый период к русским³. По мнению Л.В. Черепнина⁴, порядок обособления фонда «иноземских» земель меняется с момента законодательного закрепления разрешения иноземцам продавать свои вотчины русским подданным, действовавшего более двух десятков лет⁵.

К концу XVII столетия укрепляется тенденция поощрения властями крещения иностранцев, путем предоставления им неприкосновенного права на свои вотчины и поместья, а у не крестившихся предписано изымать их поме-

¹ См.: Назаренко Н.И. Указ. раб. С. 8.

² См.: Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. С. 287.

³ См.: Назаренко Н.И. Указ. раб. С. 34.

⁴ См.: Памятники русского права : Памятники права периода создания абсолютной монархии, вторая половина XVII в. / сост. А.И. Копанев, А.Г. Маньков, А.Г. Поляк / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1963. Вып. 7. С. 246.

⁵ См.: Боярский приговор от 20 февраля 1678 г. «О справе вотчин и поместей иноземцев новокрещенных за Русскими и обратно по поступкам, купчим и закладным» // ПСЗ. Т. II. № 719.

стья. Указом от 25 мая 1680 г. крестившимся мурзам и рядовым татарам давался княжеский титул, поместья, вотчины и льготы по службе¹. Но все же большое количество некрещеных иноземцев оставалось владельцами поместий и вотчин, так как системный характер эта тенденция не приобрела, что подтверждается Указом 17 марта 1686 г., предписывавшим после некрещеных мурз и татар поместья и вотчины давать их некрещеным прямым наследникам в первую очередь, а при отсутствии их и крещеным родственникам².

Факт того, что жены и дочери мурз также могли быть отнесены к служилым землевладельцам, находит подтверждение в перечне, содержащемся в актах начала XVII столетия. Среди женщин, занесенных в эти списки, были жена Мирсланова Чекей-мурзы Мирсланова Батисалтан Чекеева и его две дочери Делекей и Кутуш, жена мурзы Тиняева Тенебяка княгиня Тиняева Урусалта Девлет-Килдеева³.

Свидетельством законодательного регулирования обязательственных правоотношений иностранцев стало, во-первых, упоминание в Соборном Уложении их стороной договорной конструкции в виде крепости, кабалы или записи⁴; во-вторых, закрепление Указом 1731 г. взимания государственной пошлины за процедуру регистрации данных актов⁵.

С одной стороны, в целях защиты внутреннего рынка, по мнению А.В. Демкина, в товарообмене между иностранцами преобладали обязательства займа и кредита, но Московское правительство, заинтересованное и в расширении отношений с западноевропейскими купцами, вынуждено было

¹ См.: Именной указ, помеченный в разряд от 21 мая 1680 г. «О разных монарших милостях Романовским мурзам и татарам, за принятие христианской веры» // ПСЗ. Т. II. № 823.

² См.: Именной указ с Боярским приговором от 17 марта 1686 г. «О справе поместий после некрещеных Мурз и Татар, за некрещеными их детьми и внучатами, а если после Мурз и Татар некрещеных детей и родственников не осталось, то справлять поместья их за крещеными родственниками» // ПСЗРИ. СПб. Т. II. № 1179.

³ См.: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / сост. А.В. Антонов. М., 2002. С. 68.

⁴ См.: Соборное Уложение 1649 года. Выверено по изданию: *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. С. 188.

⁵ См.: Указ о свободной торговле всякого звания иноземцам в России с уплатою положенной с товаров пошлины // ПСЗРИ. СПб., 1731. Т. VIII. № 5806.

предоставлять им особые права¹. Так, в ст. 260 гл. XVII Соборного Уложения закреплялось первоочередное взыскание долгов иностранцев с русских людей². Данное закрепление расширялось и уточнялось целым рядом последующих указов в 1671³ и 1674 гг.⁴ Под контролем государства также находился и порядок оплаты товаров, передаваемых русскими иностранцам, для этого в Указе 1620 года было запрещено расплачиваться с иностранцами деньгами старого образца, а если таковые попадали к ним, они подлежали обмену на новые⁵.

Правовое регулирования вступления в обязательственные правоотношения женщин иноземного происхождения регулируется ст. 10 гл. XVI Соборного Уложения, по которому вдовам и девицам-дочерям иноземцев разрешалось сдавать свои прожиточные поместья своим новым мужьям при условии их содержания и выдачи замуж⁶. Указом 1651 г. уточняется, что сдача поместий иностранками допускается только иноземцам, принявшим христианскую веру, или русским помещикам⁷. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в исследуемый период на законодательном уровне происходило уравнивание права распоряжения прожиточными имениями вдов иноземцев и русских женщин.

Наследственные права иностранок определялись общим российским законодательством. Так, право писать духовные закреплялось в 1701 г.

¹ См.: Демкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII веке. М., 1994. С. 76.

² См.: Соборное Уложение 1649 года. Выверено по изданию: Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. С. 155.

³ См.: Указ о взыскании с Русских людей долгу, в удовлетворение прежде иноземцев, а потом Русских верителей, и об оценке у должников дворов, буде другого имения у них не отыщется. 1671 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. № 497. С. 860.

⁴ См.: Указ 1674 г. о правеже долгов с Русских людей прежде иноземцам а потом Русским заимодавцам и об отдаче несостоятельных должников заимодавцам в зажив головою // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. № 579. С. 982.

⁵ См.: Орленко С.П. Указ. раб. С. 80.

⁶ См.: Соборное Уложение 1649 года. Выверено по изданию: Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. С. 182.

⁷ См.: Памятники русского права : Памятники права периода создания абсолютной монархии, вторая половина XVII в. Вып. 7 / сост.: А.И. Копанев, А.Г. Маньков, А.Г. Поляк. С. 64.

наравне с другими женщинами и девицами «с ведома приказных судей в том приказе, где те приказные дела будут ведомы»¹. Наследование женщин поданных отдельных государств регулировалось особыми актами, такими как Манифест 1785 г., в п. 26 которого закреплялось свобода наследования как по завещанию, так и по закону движимого и недвижимого имущества Австрийских поданных², и Конвенцией, заключенной в 1812 г. Александром I с герцогом Саксон-Веймарским и Эйзенахским о беспошлинной передаче движимого и недвижимого имущества в наследство «подданными обоюдных государств»³. Исключением из этого правила был вывоз наследственного имущества за пределы государства. В этом случае наследницы должны были уплатить в казну определенную долю, в зависимости от количества прожитых в России лет наследодателем: «От одного до пяти лет — пятую часть, а от пяти до десяти и далее — десятую часть»⁴.

Таким образом, следует заметить, что именно в XVII в. закладывается основа гражданско-правового статуса иностранок, базировавшегося на законодательном регулировании их права держания поместных земель, участия в обязательственных правоотношениях в качестве арендодателей своих земель и наследования.

Характеризуя второй из выделенных периодов, вторую половину XVIII – первую половину XIX в., следует отметить расширение гражданско-правового статуса иностранок за счет предоставления им гражданско-процессуальных, брачных и профессионально-предпринимательских прав.

Относительно судебного производства по гражданским делам наблюдалась следующая тенденция. Если в Московском государстве по гл. X Соборного уложения Алексея Михайловича «О суде» можно говорить о приме-

¹ Именной указ от 30 января 1701 г., данный разряду «Об обрядах совершения всякого рода крепостных актов» // ПСЗ-1. Т. IV. № 1833.

² См.: Манифест от 1 ноября 1785 г. «Об открытии торговли между Российской империей и Областями Австрийской Монархии» // ПСЗ-1. Т. XXII. № 16284.

³ См.: Конвенция от 9 марта 1812 г., заключенная Герцогом Саксон-Веймарским и Эйзенахским «О беспошлинном выпуске имений, достоящихся в наследство поданным обоюдных государств» // ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25026.

⁴ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 432.

нении к иностранцам тех же правовых норм, что и к русскому населению¹, то в период петровских реформ общеправовой статус иностранцев расширялся и допускалось осуществление правосудия уже по национальному закону иностранного подданного².

Анализируя такой элемент гражданско-правового статуса иностранок, как брачный, следует отметить, что браки иностранцев с русскими до начала XVIII в. запрещались. На законодательном уровне предъявлялись строгие требования к вероисповеданию будущих супругов, так как данный институт находился в церковной юрисдикции. Так, для осуществления бракосочетания требовалось состояние обоих брачующихся в православной вере.

Во время Северной войны российское правительство пошло на уступки иностранным подданным и разрешило им вступать в брак, не меняя ни подданства, ни веры, приобретать недвижимость и заниматься торговлей и промыслами. Это было вызвано заинтересованностью в присутствии шведских военнопленных в Сибири, что привело в итоге к негативным последствиям, так как после окончания войны мужья получили право уехать на родину, что привело к разрыву семей³.

Браки между иностранцами, в том числе различных исповеданий, в России заключались на протяжении всего рассматриваемого периода, однако правовое регулирование этот вопрос получил лишь во второй половине XVIII в. наряду с другими вопросами внутренней религиозной жизни иностранцев. В 1768 г. эта тенденция коснулась западных губерний, где при заключении смешанных браков Екатерина II разрешила воспитывать сыновей в отцовской, а дочерей в материнской вере⁴. С 1796 г. Екатерина II сделала исключение из правила обязательного присутствия брачующихся на венчании

¹ См.: Орленко С.П. Указ. раб. С. 302.

² См.: Лавров П.В. Указ. раб. С. 10.

³ См.: Манифест от 30 апреля 1721 г. «О призыве шведов в службу и о позволении им в Российском государстве, по учинению присяги, селиться, вступать в супружество, приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлею и промыслами» // ПСЗ-1. Т. VI. № 3778.

⁴ См.: Трактат вечный между Всероссийскою Империей и Речью Посполитою Польскою от 13(24) февраля 1768 г. // ПСЗ-1. Т. XVIII. № 13071.

для членов императорского дома при женитьбе их на иностранных принцессах. По западному образцу вводилось доверенное лицо¹.

Стали допускаться смешанные брачные союзы лиц православного вероисповедания с лицами других христианских вероисповеданий, без перехода их в православие. Более того, стали разрешаться браки нехристиан с христианами, что коснулось евреев, мусульман, буддистов². Для фиксирования подобных браков, а также браков раскольников в церквях вводятся книги актов гражданского состояния и все гражданские последствия таких браков рассматривались исключительно светским судом³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что только с проникновением светских черт в процедуру бракосочетания наблюдалось расширение прав иностранцев на заключение брачных союзов как между собой, так и с православными представителями.

Рассматривая особенности гражданско-правового статуса иностранок во второй период, необходимо отметить, что именно в это время политика Российского государства была направлена на привлечение максимального количества иностранцев на свою территорию как для просветительских целей, так и для развития основных отраслей промышленного производства. Одним из правовых средств для достижения этих целей, по мнению П.В. Лаврова, явилось кредитное финансирование государством трудовой деятельности иностранцев. Также им предоставлялись такие сословные права, как приобретение личного почетного гражданства учеными, художника-

¹ См.: Манифест от 3 февраля 1796 г. «Об обручении Великого Князя Константина Павловича с Великою княжною Анной Федоровной, урожденной Принцессою Саксен-Зальфельд-Кобурскою» // ПСЗ-1. Т. XXIII. № 17436.

² См.: Указ Сената от 16 мая 1810 г. «О бракосочетании Православных лиц с иноверными на основании правил Грекоримской Церкви» // ПСЗ. Т. XXXI. № 24235; Указ Сената от 20 марта 1840 г. «О разрешении Священников, чтобы они к повенчанию браков лиц православных с иноверными, приступали сами, не испрашивая разрешения Епархиальных Архиереев» // ПСЗ-2. Т. XV. № 13278.

³ См.: *Загоровский А.И.* Курс семейного права. Одесса, 1909. С. 18.

ми, крупными промышленниками и торговцами, вступление в цехи, изъятие от телесных наказаний для иностранных дворян¹.

Примером привлечения иностранок в качестве мастериц искусств является приглашение Петром I в 1716 г. Доротеи Марии Генриетты Гзель вместе с мужем из Швейцарии, которая стала первой профессиональной художницей Северной столицы и с 1718 г. занималась оформлением коллекций в Кунсткамере. Русский искусствовед Н.Н. Врангель отмечал Гзельшу как талантливую «малярицу», которая срисовывала чудеса Кунсткамеры, чтобы запечатлеть все так, как есть². С 1724 Гзельша преподавала в фигурном классе Петербургской академии наук, а с 1736 г. состояла на службе в Императорской академии наук и получала жалованье равное с супругом в размере 360 руб.³ Данный факт свидетельствует о том, что иностранки, обладавшие определенными профессиональными навыками, могли иметь такие же имущественные права, как и их мужья.

Дочь Петра I Елизавета продолжила миссию по распространению государственного участия в системе образовательных учреждений в сфере художественной культуры, открыв в 1757 г. Академию художеств. Яркой представительницей популярнейшего к концу XVIII в. портретного жанра стала француженка Элизабет Виже-Лебрен, приглашенная в 1789 г. в Россию. Пользуясь покровительством жены Александра I, она написала более 50 портретов царской семьи и приближенных общественных деятелей⁴. Необходимо отметить, что в данный период наблюдается окончательное оформление профессионального статуса женщин-художниц иностранного происхождения и их возможности получать значительные доходы от данного

¹ См.: *Лавров П.В.* Механизм регулирования правового режима иностранцев в контексте эволюции государственно-правовой системы России в период IX – начала XX века (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 10.

² См.: *Врангель Н.Н.* Иностранцы XVIII века в России // *Венок мертвым: Художественно-исторические статьи.* СПб, 1913. С. 135.

³ См.: *Лебедева Е.Г.* Иностранные художницы в России XVIII–XIX вв. // *Культурологический журнал.* 2014. № 4. С. 6.

⁴ См.: *Маркина Л.А.* Художницы в России: от барокко до модерна // *Искусство женского рода. Женщины-художницы в России XV–XX веков.* 2002. С. 54.

вида деятельности. Таким образом, появление иностранных мастериц в России создавало прецедент и демонстрировало возможность русскими женщинами занять и эту профессиональную нишу.

По Указу от 31 августа 1719 г. об учреждении Коллегии иностранных дел, помимо обязанности регистрации при въезде в Петербург, иностранки получили право свободной предпринимательской, а также преподавательской деятельности¹. Они могли преподавать различные науки и искусства, но только после получения «надлежащего свидетельства» российского учебного заведения о своих знаниях и поведении. Это было законодательно закреплено Указом 1755 г. Елизаветы Петровны, которая запретила обучать и воспитывать русских детей иностранцам, предварительно не выдержавшим экзамен в Академии наук и не представившим соответствующий аттестат и свидетельства о личности. Также предусматривалось и наказание за несоблюдение этого законодательного требования, наниматели иностранки высылали ее за границу, а сами подвергались денежному штрафу².

В течение XVIII столетия, несмотря на жесткий законодательный контроль, постоянно увеличивалось количество иностранцев среди гувернеров. Иностранцы начинают играть все большую роль в формировании представителей российского дворянства, являясь проводниками процесса «диффузии европейских инноваций»³.

Интересным представляется исследование О.Ю. Солодянкиной роли иностранных наставников в дворянском домашнем воспитании в России в XVIII–XIX вв., в котором обосновывается иерархия наставников относительно не только их принадлежности к тому или иному государству, но и разли-

¹ См.: Именной указ, объявленный из Сената от 31 августа 1719 г. «Об обязанности иноземцам, приезжающим в Санкт-Петербург для записки в Канцелярию Полицмейстерским делом» // ПСЗ-1. Т. V. № 3420.

² См.: Именной указ, объявленный из Сената от 5 мая 1757 г. «О предварительном испытании в науках иностранцев, желающих определиться в частные дома для обучения детей, и о взыскании штрафа с тех, которые примут к себе в дом и станут держать учителя, не имеющего должного аттестата» // ПСЗ-1. Т. XIV. № 10724.

³ Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007. С. 49.

чия относительно пола. Так, если в начале века наиболее распространенными гувернерами были немцы, затем французы со времен Елизаветы Петровны, а в XIX в. стали выше цениться англичане и швейцарцы. Иной данная иерархия была у женщин-иностранок. На первом месте по профессиональной востребованности среди гувернанток стояли англичанки, на втором — француженки и только после них — швейцарки и немки. Также среди женщин наиболее часто в качестве иностранных наставниц выступали «увядшие старые девы и неопасные вдовы»¹.

Анализируя статус иностранок, нанятых для исполнения функций гувернеров, необходимо отметить, что, с одной стороны, к началу XIX в. расширяется правовая база, регулирующая деятельность иностранных наставниц. С другой стороны, к концу XVIII в. их социальный статус неуклонно снижается, что выражается в том, что, если в начале столетия иностранные наставницы рассматривались как члены семьи, то к концу в сознании дворянского сословия они стали частью прислуги. Но, несмотря на критику качества педагогической подготовки иностранных гувернанток², их имущественное положение в большинстве случаев оказывалось в России достаточно высоким. Доказательством высокого имущественного статуса являлась цель их приезда в Россию, самой распространенной из которых были заработки, размер которых не только мог обеспечить их текущее состояние, но и безбедную пенсию по возвращении на родину³.

Подводя итог вышесказанному, необходимо заметить, что профессия гувернанток среди женских профессий иностранных подданных в России в XVIII–XIX вв. была одной из наиболее распространенных. Это являлось од-

¹ Солодянкина О.Ю. Иностранные наставники в дворянском домашнем воспитании в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008.

² См.: *Бецкой И.И.* Генеральное Учреждение о воспитании обоего пола юношества, подтвержденное Ея Императорским Величеством 1764 года марта 12 дня // Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества, с прочими в пользу общества установлениями. СПб., 1789. Т. 1. С. 12.

³ См.: Солодянкина О.Ю. Представления о русских в письмах, дневниках, воспоминаниях двух английских // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 338.

ним из способов повысить материальное благосостояние женщин, не принадлежавших к высшему сословию, но имевших образование, получить достойный гражданско-правовой статус.

В качестве обобщения можно утверждать, что если на первом этапе формирования светского института гражданско-правового статуса иностранок в XVII – первой половине XVIII в. были закреплены базовые гражданско-правовые институты статуса иностранок, такие как вещные, обязательственные и наследственные права, то на втором этапе, второй половине XVIII – первой половине XIX в., происходило оформление специального законодательства, регулировавшего такие элементы гражданско-правового статуса иностранок, как брачный, а также предпринимательский и профессиональный, относящийся к мастерицам и гувернанткам.

Анализируя условия, оказывавшие влияние на объем гражданско-правового статуса иностранок в ходе эволюции, можно выделить следующие факторы, окончательно сформировавшиеся к началу XIX в.

Во-первых, это наличие или отсутствие российского подданства. Так, «иностранки, вступившие в подданство Российскому престолу, пользуются правами и несут обязанности того состояния, к которому сопричислены»¹. Данное положение было раскрыто во многих законодательных актах XVIII – начала XIX в. Например, согласно Сенатскому Указу 1722 г. иноземцы наряду с иными мастеровыми и ремесленными людьми обязаны были явиться в Главный Магистрат и объявить о том, какими художествами и ремеслами занимаются². В Указе 1723 г. мастеровых людей, пришедших из-за рубежа, приказано было приписывать к цехам, для сбора платежей подушных денег, как с остальных посадских людей, а их списки посылать в Главный Магистрат³.

¹ Васильев И. Указ. раб. С. 30.

² См.: Сенатский указ от 4 октября 1722 г. «О явке в Главном Магистрате занимающимся художествами и ремеслами для объявления чем занимается» // ПСЗ-1. Т. VI. № 4102.

³ См.: Сенатский указ от 20 декабря 1723 г. «О писании в цехи мастеровых людей, пришедших из-за рубежа и о счислении оных для платежа подушных денег с другими посадскими» // ПСЗ-1. Т. VII. № 4395.

Во-вторых, особую роль играло вероисповедание, которое в свою очередь подразделялось на христианское и иное (магометанское, языческое). Так, к началу XIX в. «иностранки Магометанского или языческого закона, принявшие Христианскую веру, исключались из прежнего состояния и оклада, и причислялись к Христианским обществам по собственному выбору, с трехлетней льготой от всех податей»¹. Интересным представляется законодательное закрепление о регулировании вопросов религии и в браках между лицами евангелистского вероисповедания и магометан или евреев. Так, мужьям запрещалось, имея жену-христианку, обращать детей обоего пола в ислам или иудейство². Это свидетельствовало о том, что российский законодатель стоял на защите прав не только женщин-иностранок, принявших православие, но и остальных христианских течений.

В-третьих, влияние на объем гражданско-правового статуса иностранок оказывало и состояние в браке: «Незамужним иностранкам воспрещено было вступать в гильдии, они могли записываться только в мещанство и цехи»³. Данное закрепление получило воплощение в Манифесте 1798 г. «...О дарованиях разных выгод жителям Таврического полуострова и приезжающим туда иностранцам»⁴, а также в Уставе о цехах 1799 г.⁵ и Манифесте 1807 г. «О даровании купечеству новых выгодах....»⁶. Но это ограничение по признаку брака было не единственным. Так, в Своде законов Российской Империи в ст. 66 Законов Гражданских закреплялась обязанность дипломатиче-

¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 17 июня 1826 г. «О выгодах, предоставляемых иноверцам Магометанского или Языческого закона, принимающим Святое Крещение» // ПСЗ-2. Т. I. № 409.

² См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 17 июня 1826 г. «О браках, заключаемых лицами Евангелического исповедания с Евреями и Магометанами» // ПСЗ-2. Т. I. № 410.

³ Васильев И. Указ. раб. С. 31.

⁴ См.: Манифест от 13 февраля 1798 г. «Об установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам» // ПСЗ-1. Т. XXV. № 18373.

⁵ См.: Устав о Цехах от 12 ноября 1799 г. // ПСЗ-1. Т. XXV. № 19187.

⁶ См.: Манифест от 1 января 1807 г. «О даровании купечеству новых выгод, отличиях, преимуществах и новых способах распространения и усиления торговых предприятий» // ПСЗ-1. Т. XXV. № 22418.

ских чиновников, вступавших в брак с иностранками, не только испрашивать дозволение начальства, но и представить подписку невесты о том, что она обязуется продать переданное ей в качестве приданого или наследства имение в чужих краях. Неисполнение данного закрепления могло повлечь отставку дипломата¹. В главе «О правах и обязанностях от супружества возникающих» в ст. 102, где правовой регламентации подвергалась ситуация вступления в брак женщины с иностранцем, не состоящим на службе или в подданстве, какого бы он ни был вероисповедания, ей приписывалось то же состояние и место жительства, что и мужу². Это свидетельствовало о том, что брак с иностранцем подразумевал практически потерю ее статуса российской подданной. На данной законодательной основе базируется и мнение А.Д. Градовского, который считает естественным для России фактом, что «замужние иностранки не допускаются к принятию в подданство России отдельно от мужей», так как и наши женщины, находясь под властью мужа, следуют его состоянию. Если муж лишается всех прав состояния, то в этом случае, при несогласии жены-иностранки следовать за мужем, самый брак расторгается³.

В-четвертых, на гражданско-правовой статус иностранок могли повлиять и публично-правовые события, выражавшиеся в заключении международных договоров и конвенций, содержавших в себе вопросы частного правового регулирования, а такие политические события, как войны, могли повлиять не только на отдельные положения этих актов, но и на гражданско-правовой статус иностранного подданного⁴.

Таким образом, российское законодательство XVII–XIX вв., определяя особый гражданско-правовой статус иностранок, исходило из следующих кри-

¹ См.: Свод законов Российской империи. Кн. 3. Т. X. Ч. I: Законы гражданские. Ст. 66.

² См.: Там же. Ст. 102.

³ См.: *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права: о государственном устройстве: в 2 т. Т. 1 / под ред., с предисл. В.А. Томсинова. М., 2006. С. 399.

⁴ См.: *Добрин С.И.* Гражданско-правовое положение в России поданных воюющих держав // Вестник Гражданского права. 1914. № 6.

териев: подданство, вероисповедание, семейное положение, наличие международных договоров или конвенций с этими государствами, а в некоторых случаях и их профессиональным статусом.

Сопоставляя факторы, воздействующие на статус иностранок и женщин — подданных Российской империи, необходимо отметить, что общими являются такие факторы, как семейное положение, а также правовые факторы, непосредственно влиявшие на гражданско-правовой статус. Интересным представляется тот факт, что сословная принадлежность иностранок в меньшей степени влияла на их статус на территории России, тогда как профессиональные навыки и умения могли существенно повысить их статус.

Подводя итог, следует отметить, что под иностранцами в исследуемый период необходимо понимать лиц, рожденных за пределами России и получивших при въезде на ее территорию определенный гражданско-правовой статус, включавший в себя права и обязанности в соответствии с действовавшим национальным законодательством. В становлении гражданско-правового статуса иностранцев можно выделить два этапа: на первом этапе наблюдается формирование категории «иностранцы». На втором этапе вероисповедание и подданство сливаются в единое целое и тесно взаимодействуют. Однако по мере развития законодательного регулирования к концу XVIII в. категория «иностранец» приобретает светский характер.

Анализируя гражданско-правовой статус иностранок в России в исследуемый период, представляется логичным выделить два основных этапа: этап формирования светского института гражданско-правового статуса иностранок (XVII – первая половина XVIII в.) и этап оформления специального законодательства, регулировавшего гражданско-правовой статус иностранок (вторая половина XVIII – начало XIX в.).

ГЛАВА 3. ОБЫЧНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИН В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

3.1. Положение женщины в крестьянской семье

Рассмотрение гражданско-правового статуса женщин в XVII – первой половине XIX в. было бы объективно неполным без анализа обычно-правового статуса женщин-крестьянок, в связи с тем, что большая часть населения России (крестьянство) в рассматриваемый период жила именно по обычаям, а не по законам¹.

Анализируя прямую зависимость гражданско-правового статуса личности от содержания человеческих интересов, И.А. Покровский отмечал, что данный статус должен неизбежно расти с ростом человеческой личности, который начинается с личного и материального. «Поэтому первыми областями, в которых за личностью признаются субъективные права, являются области отношений имущественных и семейных, причем эти последние, семейные отношения, в примитивном быту рассматривались также под углом зрения материальных (физиологических и экономических)»². Таким образом, рассмотрение эволюции положения женщины в крестьянской семье в XVII – первой половине XIX в. необходимо для того, чтобы проследить порядок формирования ее гражданско-правового статуса.

Положение женщины в крестьянской семье исходило из ее обычно-правового статуса. Относительно соотношения терминов «правовой статус» и «обычно-правовой статус» необходимо заметить что, несмотря на противоположность подходов в истории правовой науки, в настоящее время они рассматриваются как целое и его часть. Это обусловлено тем, что правовой обычай, санкционированный государством и закрепленный в его актах, наряду с законом является формой права. Возникнув как источник правового регули-

¹ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005. С. 405.

² *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. С. 35.

рования в результате многократного повторения и обобщения наиболее значимых общественных отношений, передающихся в ходе исторического процесса из поколения в поколение, правовой обычай выступает самой консервативной формой права. Правовой обычай регулирует такие общественные отношения, в которые вмешательство государства или нежелательно, или неэффективно, как правило, это частноправовые отношения¹.

С середины XIX в. в процессе формирования исторической школы права в предреформенный период обычно-правовое регулирование именно в крестьянской общине интересовало многих². Основным из рассматриваемых вопросов многочисленных исследований данного периода стало соотношение обычного права и законодательства. Правовой обычай возник раньше закона, регулируя частноправовые отношения до возникновения их законодательного закрепления. Так, по мнению Ф.Л. Морошкина, обычай стал основным источником создания Соборного Уложения 1649 г., которое впервые систематизировало гражданско-правовые отношения³.

Основоположник русского гражданского права Д.И. Мейер, подчеркивая силу и консерватизм обычного права, отмечал, что как византийское право не смогло доминировать над русским правовым обычаем, так и ни один закон не способен противостоять ему⁴. Роль «фильтра» византийского права на пути трансформации правового обычая в закон позднее подчеркивали многие исследователи истории русского законодательства⁵.

Интересным представляется взгляд большинства ученых XIX в. на словную принадлежность обычно-правового регулирования имущественных отношений. В большинстве случаев обычное право рассматривается только в рамках крестьянской общины. Необходимо отметить, что и в других сосло-

¹ См.: Матузов Н.И. Теория государства и права. С. 268.

² См., например: Неволин К.А. История российских гражданских законов: Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб, 1857–1858. Т. III–V. С. 37.

³ См.: Морошкин Ф.Л. Об уложении и последующем его развитии. М., 1839. С. 17.

⁴ См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. М., 2000. С. 70.

⁵ См.: Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 258; Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1878. Т. I. С. 99; Чичерин Б.Н. Обзор истории развития сельской общины в России // Русский вестник. 1856. Кн. 1. С. 601.

виях обычай мог использоваться в качестве основы правового регулирования. Так, при формировании купеческого сословия и распространении договорного оформления торговых отношений часто обращались не к формально закрепленным нормам, а к широко распространенным обыкновениям. Исходя из этого, на основании купеческих правовых обычаев постепенно складывалось торговое обычное право, применяемое к началу XIX в. и в судебных рассмотрениях.

Одними из самых информативных источников обычного права крестьян XVIII в., по мнению В.А. Александрова, были акты по разделу имущества или его завещанию, закреплявшие волю главы семьи по определению доли имущества отдельным ее членам¹. Сделка по выделу имущества была не обязанностью, а правом главы крестьянского хозяйства, свободным волеизъявлением, «награждением» других членов семьи. Иллюстрацией данного права являлся обычай неравного выдела сыновьям от первого брака не более половины всего имущества, для обеспечения жены и детей от второго брака. Ситуация с разделом могла быть затруднена, если вдове приходилось делить имущество с сыновьями от предыдущего брака. Так, в 1797 г. в Вятскую губернскую палату суда и расправы поступила жалоба от крестьянки Катерины Савичны Титовой о разделе имения с пасынками Василием и Мироном Титовыми². Иногда это выражалось и закреплением обязательства сыновей от первого брака отказаться от претензий на наследование полностью или выплатить в пользу вдовы единовременную денежную сумму взамен на имущество крестьянского хозяйства. Зачастую кабальные условия выдела сохранялись и в XIX в.³ Таким образом, в данном случае обычай, закрепляя волю главы семьи, гарантировал поддержание имущественного положения кре-

¹ См.: Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX в. С. 176.

² См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 34. Л. 2.

³ См.: Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб., 1877. Т. 1. С. 379.

стьянской вдовы и после смерти мужа, что подчеркивало особое положение женщины в крестьянской семье.

Тем не менее, по мнению В.И. Сергеевича, отеческая власть все же имела свои пределы. В связи с тем, что институт собственности еще находился в процессе формирования, то глава семьи был не столько владельцем имущества крестьянского хозяйства, сколько всего лишь распорядителем, несущим тягло перед общиной¹.

В случае угрозы утраты тяглоспособности крестьянского двора в результате недостойного поведения его главы, выражавшемся в расточительстве или пьянстве, права главы хозяйства могли быть ограничены. Так, Е.Т. Соловьев в своем исследовании юридического быта поволжских крестьян отмечал, что в Казанской и Уфимской губерниях в такой ситуации главенство над хозяйством могло перейти не только к старшему сыну, но и к жене, и даже незамужней дочери².

Если при жизни мужа крестьянка в исключительных случаях могла возглавить хозяйство, то после его смерти вдовы, как правило, в неразделенных семьях и при наличии сыновей наделялись всей совокупностью не только прав, но и обязанностей по несению крестьянского тягла³. Интересным представляется замечание В.И. Сергеевича, о том что, уже с XVI в. в писцовых книгах неоднократно встречается упоминание не только вдов во главе крестьянского двора, но и женщин при живых мужьях⁴. Одним из прав, которым обладала вдова, было руководство «полюбовными раздлами» между сыновьями. Так, в 1824 г. крестьянская вдова, проживавшая в имении графа А.Р. Орлова-Чесменского в Ярославской губернии в «полюбовном письме»

¹ См.: *Сергеевич В.И.* Древности русского права: Землевладение. Тягло. Порядок обложения. СПб., 1903. Т. 3. С. 64.

² См.: *Соловьев Е.Т.* Гражданское право: Очерки народного юридического быта. Казань, 1888. С. 56.

³ См.: *Ворошилова С.В.* Положение женщины в крестьянской семье в дореволюционной России // История государства и права. 2012. № 3. С. 14–17.

⁴ См.: *Сергеевич В.И.* Древности русского права: Землевладение. Тягло. Порядок обложения. С. 65.

заявила о своем решении отделить своего сына и «наградила» его как движимым, так и недвижимым имуществом¹.

Вдовы-матери, выполнявшие функции главы по мирскому решению общины, могли получить льготные условия несения повинностей, например при наличии малолетних детей. В ходе распространения к началу XIX в. отходничества крестьянки по доверенности от мужа могли активно участвовать в принятии решений в повседневной деревенской жизни. Довольно часто, по убеждению В.А. Александрова, несение тягла дворами под руководством вдов было достаточно успешным. На мирском сходе решались вопросы по просьбе самих вдов о предоставлении дополнительных соседских пустующих участков, что способствовало увеличению размера общего тягла². Так, в 1791 г. крестьянка чухломской вотчины Федора Иванова получила на сходе общины села Погорелки увеличение земельного надела путем присоединения пустующего соседского участка, имея при этом возможность содержания его за счет двух женатых сыновей³.

Особое положение женщины в крестьянской семье и тем более особая роль в разрешении имущественных вопросов путем учета мнения женщины-крестьянки учитывались в случае, когда ее семья или она сама принимала мужа в свой двор в качестве примака, причем это право голоса было закреплено заранее путем соглашения при заключении брака. В.А. Преображенский подчеркивал неизменный обычай решающего голоса крестьянских вдов при осуществлении полных разделов крестьянского хозяйства или выделов совершеннолетних сыновей, закрепленный в отдельных актах, утверждаемых общинными собраниями⁴.

Неизменным оставался обычай руководствоваться мнением матери после смерти отца при решении семейных имущественных вопросов даже в

¹ См.: РГАДА. Ф. 1384. Оп. 1. Ед. хр. 651. Л. 6.

² См.: Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начала XIX в. С. 176.

³ См.: РГАДА. Ф. 1369. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 25.

⁴ См.: Преображенский В.А. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1854. С. 124.

случае ее решения отстраниться от правления крестьянским двором в пользу сыновей. По мнению Е.Т. Соловьева в Поволжье у крестьян случаи полного устранения матери от хозяйства и наследования имущества были крайне редки и этот факт в обязательном порядке подлежал письменной оговорке в раздельном акте¹.

Если в силу возраста или иных обстоятельств вдова отстранялась от руководства крестьянским двором, то в отличие от отца, осуществлявшего выдел сыновей, она не имела права оставлять себе долю для продолжения ведения крестьянского хозяйства. В этом случае за вдовой оставалось ее приданое имущество, относящееся к личной собственности, денежное содержание и право выбирать, с кем из сыновей она будет проживать. Поскольку все разделы крестьянских дворов контролировались общиной, то для отстранения вдовы необходимо было прямое закрепление в мирском приговоре, что раздел осуществлялся с ее дозволения и прямого распоряжения².

Таким образом, вдовы обладали практически такими же правами при разделах крестьянских дворов или выделах имущества одному из сыновей, что и главы семейства при их жизни, за исключением доли недвижимого имущества.

Особым положением и обычно-правовым статусом обладали женщины, не покинувшие свой дом при замужестве, а оставшиеся в нем и приведшие мужа-примака в свою семью. Данная ситуация могла сложиться только если семье угрожала утрата тяглоспособности в связи с отсутствием трудоспособных мужчин. По мнению В.А. Александрова, детальная регламентация таких отношений в договорной форме была необходима в связи с продолжением имущественных прав дочери, племянницы, внучки после вступления их в брак, тогда как по обыкновению такие отношения практически полностью прекращались предоставлением приданого и выделом из семьи после замужества. У женщины появлялись общие имущественные интересы со своим

¹ См.: Соловьев Е.Т. Указ. раб. С. 56.

² См.: Малоголова И.Н. Распределение хозяйственных функций в пореформенной крестьянской семье // Советская этнография. 1991. № 2. С. 104.

мужем, так как она, не получив приданого в личное пользование, становилась совладельцем общего семейного имущества¹. Как правило, эти отношения регулировались специальными документами, именовавшимися «записями», «договорными письмами», «договорными записями» или «условиями» и заключались между примаком и родственниками жены или даже между семьями в некоторых регионах, так как семья примака отказывалась от каких-либо имущественных притязаний.

Исключением, при котором регулирование имущественных интересов в договорной форме осуществлялось только между мужем-примаком и женой, было вступление в брак вдовы, которая самостоятельно возглавляла свое крестьянское хозяйство. Наиболее частым результатом соглашения являлась полная или частичная передача примаку главенства крестьянским хозяйством вдовы. Одним из условий такого договора могло быть содержание малолетних детей вдовы, их воспитание, сохранение и приумножение их имущества и раздел его между воспитанниками и примаком².

Русский историк права, профессор, академик М.А. Дьяконов, который вел также частные юридические курсы при Женской гимназии М.Н. Стоюниной, в своем исследовании актов тяглого населения XVII в. приводил ряд показательных примеров. Так, по «условию», заключенному между вдовой и мужем-примаком ее дочери, он получал половину как движимого (скота, одежды и иных пожитков), так и недвижимого имущества в виде строений, вторую половину всего имущества она оставляла себе, чтобы после смерти оно перешло к ее дочери, жене примака. Особая власть вдовы в данном случае подчеркивалась тем, что, наделяя правами на семейное имущество примака, она полностью исключала при этом любые притязания ранее выделенного ею же сына. Еще более показательным является соглашение о примачестве, по которому две вдовы объединяют в руках сына и зятя свои

¹ См.: *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX в. С. 200.

² См.: *Островская М.А.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках. М., 2011. С. 65.

хозяйства, причем теща оставляет себе в пожизненное владение сельскохозяйственные земли, а мать примака обеспечивается денежным содержанием¹.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о достаточно широких, а иногда и равных с мужьями имущественных правах женщин, оставшихся после замужества в своей семье, или вдов, вступивших в брак с мужем-примаком.

Важнейшими факторами, определявшими положение женщины в крестьянской семье, являлись природно-географические условия. Можно согласиться с мнением А.А. Вилкова, выделявшего данный фактор в качестве одного из основных, наряду с семейным характером производства и общинным характером институтов². Так, например природно-географический фактор в Вятской провинции середины XVIII в., выраженный в отнесении данных земель к зоне рискованного земледелия, был закреплён и в крестьянских наказах Екатерининской законодательной комиссии в 1767 г. Крестьяне указывали на губительное действие осенних, весенних и даже летних морозов на рост и вызревание зерен, скудность земель³. В таких природных условиях при ведении крестьянского хозяйства невозможно было полагаться только на мужской земледельческий труд и урожай зерновых. Часто семью от голода спасали запасы рачительной хозяйки и женской половины семьи, имевшиеся благодаря собирательству лесных ягод, орехов, трав, лесного лука, а также вырученным денежным средствам с их продажи в летний сезон.

При данных обстоятельствах особенно ценился женский труд и женские навыки ведения хозяйства по распределению трудовых заданий между дочерьми, сестрами и невестками, что, несомненно, отражалось и на обычном правовом статусе женщин на Вятке. По мнению И.Ю. Трушковой, именно на Вятке система труда и отдыха, закреплённая в обычном праве, была органи-

¹ См.: *Дьяконов М.А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 1: Крестьянские порядные. Вып. 2: Грамоты и записи. 1895–1897. М., 2011. С. 86.

² См.: *Вилков А.А.* Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997. С. 93.

³ См.: *Токарев С.В.* Крестьяне Вятской провинции в XVIII веке. Вятка, 1928. С. 38.

зована особо. Уже тогда существовал строгий запрет на использование женщин на тяжелых работах, во избежание повреждения здоровья и способности к деторождению¹.

Немаловажным фактором, влиявшим на положение женщины в крестьянской семье и тесно связанным с предыдущим, является исторически сложившийся комплекс особенностей культуры и ведения хозяйства, формирующий определенный уровень социально-экономического развития. Вятскую провинцию XVIII в. большинство исследователей относят к Поморскому хозяйственно-культурному типу², который корректирует патриархат, предоставляя женщине особую роль в хозяйственной деятельности. Мужчина уходил в море на судне, хозяйкой в доме оставалась женщина, часто, помимо ведения домашнего хозяйства, на нее возлагались и общественные функции в качестве представителя мужа³.

Таким образом, положение женщины в крестьянской семье и ее обычно-правовой статус могли изменяться под влиянием природно-географических условий и хозяйственно-культурного типа, преобладавшего на конкретной территории.

Сопоставляя положение женщины в крестьянской семье, формируемое обычаями, и законодательно регулируемый ее гражданско-правовой статус, необходимо выделить ряд существенных отличий. Во-первых, женщина являлась не самостоятельным членом семьи, а включалась в родственно-производственную единицу, обремененную имущественным тяглом, поэтому ее имущество рассматривалось не как индивидуальная собственность, а как общая основа хозяйствования. Во-вторых, обычно-правовой статус крестьян-

¹ См.: *Трушкова И.Ю.* Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX — начале XX вв. (система жизнеобеспечения). Киров, 2003. С. 325.

² См.: *Платонов С.Ф.* Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. СПб., 1923; *Богословский М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909; *Кизеветтер А.А.* Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства. Исторический очерк. Вологда, 1919; *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. М., 1933.

³ См.: *Трушкова И.Ю.* Женщина и мужчина в традиционной культуре русских Вятского региона: гендерные портреты. С. 172.

ки и ее имущественные отношения зависели не только от ее брачного статуса, но и от разновидности семьи, к которой она принадлежала относительно структуры (малой или неразделенной). В-третьих, специфическим являлся и сам состав имущества, относительно которого могли возникнуть права, это было общесемейное имущество крестьянского хозяйства и, за редким исключением, личное.

3.2. Имущественные права женщин по обычаям русской деревни

Имущественные права женщин по обычаям русской деревни в первую очередь зависели от семейного статуса женщины. Кардинальным отличием обычного права от законодательного регулирования имущественных отношений, по утверждению В.А. Александрова, было акцентирование внимания не на личных имущественных правах, а на общесемейных и даже общинных обязательствах по содержанию нетрудоспособных и не тяглых членов семьи и общины. Так, по мирским обычаям, представительницы женского пола, незамужние или вдовы дочери, сестры и тетки, не имевшие право на долю в крестьянском хозяйстве, но пожелавшие жить отдельно, обеспечивались минимальным имуществом. В большинстве случаев им выстраивали небольшую келью и наделяли таким имуществом, с помощью которого они смогли бы прокормить себя. Таким традиционным комплексом являлось зерно в определенном количестве, небольшая полоска земли для посева льна и конопля, которые были необходимы для занятия основным видом деятельности женщин — ткачеством¹. По мере достатка семьи женщина-крестьянка могла быть наделена также коровой, сеном для ее прокорма. Зажиточные крестьянские семьи могли выделить будущей хозяйке определенное денежное со-

¹ См.: Пушкарёва Н.Л. Русская женщина: история и современность. С. 81.

держание или денежную сумму, а также домашнюю утварь, одежду и другое движимое имущество¹.

Исследуя мир русской деревни, М.М. Громыко отмечает, помимо обязательств самой семьи по обеспечению нетяглоспособных, огромную роль и самой соседской общины в помощи односельчанам. Повсеместно существовал обычай помогать вдовам и сиротам женского пола всем миром во время посевной, жатвы и на покосе, причем эта помощь могла осуществляться несколько лет подряд. На такую помощь могли рассчитывать и жены солдат, находившихся на службе. После работ, как правило, хозяйка угощала общинников. Решения о помощи принимались на сходе, присутствие женщин на котором считалось исключительным случаем. Вдова или женщина, чей муж находился на военной службе или в отходе, выступала перед односельчанами с просьбой о помощи, иногда для положительного исхода дела угощала присутствующих².

Уникальным примером является челобитная 1763 г. Вятской провинциальной канцелярии города Хлынова Вятской провинции Сибирской губернии солдатки Степаниды Загребинной на старосту Ивана Садакова и обвинении его в увозе ее хлеба³. Данный пример свидетельствует о том, что уже в XVIII в. женщина, оставшаяся в качестве главы крестьянского хозяйства, в отсутствие мужа могла не только выступить с просьбой о помощи, но и отстаивать свое имущество в неравном споре со старостой.

Тенденция присутствия женщин на сходе в качестве представителя отсутствующего мужа или подрастающих сыновей усилилась к началу XIX в.⁴

Необходимо заметить, что женщины старшего поколения, матери-вдовы, престарелые тетки, могли рассчитывать на большую помощь как от

¹ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX в. С. 203.

² См.: Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 45.

³ См.: РГАДА. Ф. 425. Оп. 4. Ед. хр. Л. 13.

⁴ См.: Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. С. 51.

семьи, так и от всего мира. Молодые женщины-крестьянки, незамужние дочери, вдовы невестки, сестры при выделе могли рассчитывать только на благодеяние и зажиточность семьи. В первую очередь это было связано с тем, что при выделе не должно было пострадать само крестьянское хозяйство и его тяглоспособность в целом.

Относительно классификации семейного имущества крестьянского хозяйства в XVII–XIX вв. интересной представляется тенденция выделения в качестве личного имущества, как правило, только имущества женщин-крестьянок, предоставленного им в виде приданого.

В обычном праве крестьян четко прослеживалось понимание приданого как имущественного обеспечения женщины в новой семье, а также гарантированное обеспечение в старости, но ни как имущество, находившееся в личном пользовании и распоряжении крестьянки. Подтверждением того, что современное понимание личного имущества и представления крестьян о приданом в XVII–XIX вв. отличалось, служит тот факт, что в крестьянских приговорах при осуществлении разделов и выделов оно вообще не упоминалось. В.А. Александров объясняет это тем, что, будучи движимым имуществом, за давностью лет оно растворялось в хозяйственном комплексе двора и для наделения или компенсации возможна была только реституция¹.

Отсутствие закрепления реституции приданого матери-вдовы в договорной форме обусловлено гарантированным обычаем ее обеспечения детьми. Особенность приданого выявлялась и при наследовании, так как в большинстве случаев после матери его наследовали дочери и лишь в некоторых случаях муж, что соответствовало и законодательным нормам.

Неоднозначно трактуется в обычаях крестьян и отнесение женской одежды к личному или общесемейному имуществу. Данная проблема возникла в связи с ведением в XVII – начале XVIII в. практически натурального крестьянского хозяйства, в котором одежда всех членов семьи изготавлива-

¹ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX в. С. 213.

лась самостоятельно самими женщинами. Исключением являлась верхняя одежда в виде тулупов и шуб, покупаемая на совместные семейные средства и относимая к «нажитому» имуществу. К концу XVIII – началу XIX в. в связи с распространением отходничества среди крестьян совместное пользование одеждой стало невозможным, что привело к формированию личной собственности на предметы гардероба. Это было связано уже с персонифицированной покупкой или заказом на пошив одежды для конкретного члена семьи¹.

В качестве личного имущества, находившегося в собственности женщин, могли быть и иконы, как правило, покровительниц женских крестьянских работ, а именно Параскевы Пятницы и Богородицы, а также иконы, которыми благословляли родители на брак.

Таким образом, можно сделать вывод, что если в начале исследуемого периода категория личного имущества женщин-крестьянок даже в отношении приданого ставилась под сомнение, то в ходе эволюции к началу XIX в. с распространением товарно-денежных отношений и отходничества в крестьянской среде личным становится достаточно широкий перечень имущества.

Интересной представляется позиция отечественных правоведов по вопросу о взаимодействии процесса формирования личного имущества и распространения института духовного завещания в обычном праве крестьян. По утверждению ряда авторов, эта тенденция начинает развиваться только к середине XIX в.² Другие же исследователи являются сторонниками более раннего формирования данной категории³.

¹ См.: *Курашов А.В.* Основные принципы обычного права русского крестьянства конца XIX — начала XX вв.: по материалам центральных губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 18.

² См.: *Тютрюмов И.М.* Производство местных действий по гражданским делам // *Право*. СПб., 1902. Ст. 415; *Зырянов П.И.* Обычное гражданское право в пореформенной общине // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. Вологда, 1976. Вып. 6. С. 26.

³ См.: *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX в. С. 220.

В духовных завещаниях, особенно при отсутствии наследников мужского рода, содержался достаточно вольный выбор наследников, зачастую не близкородственных¹. В этом случае жена-крестьянина могла остаться как без имущества, при отсутствии упоминания ее в завещании мужа, так и стать наследницей не только движимого, но и недвижимого имущества.

Как правило, помимо жилых помещений, во владение вдовых крестьянок переходили и средства производства в виде купленных земельных участков, которые были приобретены уже на деньги, находившиеся в личной собственности². Порядок же личного распоряжения имуществом женщинами отличался своеобразием в каждой местности. Так, в Вятской губернии оставшееся имущество в семье, состоявшей из женщин, делилось как между выделенными сестрами, так и детьми покойного³. Несомненно, распространению личного имущества оказало содействие и включение крестьян в экономический оборот путем осуществления кустарных промыслов и продажи их результатов в городе. В частности, в отсутствие завещания сестры при братьях в большинстве местностей после смерти отца не получали определенной доли из его имущества. Братья, между которыми делилась наследственная масса, были обязаны содержать своих сестер и передавать им приданое по своему состоянию. Причем брат, взявший к себе в дом сестру, получал большую часть из наследства, дабы иметь возможность содержать ее и «снарядить» замуж⁴.

После выданья замуж крестьянка лишалась участия в разделе имущества своих умерших родителей⁵. Порядок изменялся, если муж дочери принимался в дом ее отца при жизни последнего на правах «примака». В этом

¹ См.: *Преображенский В.А.* Указ. раб. С. 124.

² См.: *Пестржецкий А.* О вдовьей части в губерниях Черниговской и Полтавской // Журнал министерства юстиции. 1860. Т. 6: Часть неофициальная II. С. 471–480.

³ См.: *Барыков Ф.Ф.* Обычаи наследования у государственных крестьян. СПб., 1862. С. 80.

⁴ См.: *Мухин В.Ф.* Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888. С. 129.

⁵ См.: *Иванов В.В.* Обычное право крестьян Харьковской губернии. Харьков, 1898. С. 18.

случае она участвовала в наследовании наравне с незамужними сестрами. Такое положение устанавливалось, в частности, в Вятской губернии¹.

В ситуации, когда после смерти мужа оставались дети от первого брака и бездетная вторая жена, ей предоставлялось лишь право проживать в доме. В этом случае ни о каком пожизненном владении не шло и речи, она была обязана сама обеспечить себя, а из имущества мужа ей доставалась только одежда. Пасынки в свою очередь могли не предоставлять имущества мачехе и даже попросить ее покинуть дом без каких-либо негативных последствий для себя. Бездетная вдова не имела права на часть имущества и возвращалась обратно в свою родительскую семью. Семья мужа была обязана вернуть ей только приданое при его наличии. Все остальное, что бездетная вдова могла забрать с собой, являлось прерогативой семьи мужа и зависело от «доброй воли мужниной семьи». Дом в собственность бездетной вдовы мог перейти только в том случае, если он был приобретен совместно с мужем.

За вдовами, у которых оставались совместные дети с умершим, сохранялось право на владение его имуществом и самостоятельное ведение хозяйства. Вдова оставалась хозяйкой в доме и получала право на пожизненное пользование всем семейным имуществом. Взрослые сыновья могли распоряжаться имуществом исключительно с ее согласия и только после ее смерти мог произойти раздел между братьями².

После смерти свекра, не оставившего сыновей, жившая в его доме сноха могла наследовать имущество наравне с вдовой и дочерьми умершего. В некоторых местностях бездетная сноха не наследовала после свекра, даже если после него не оставалось никаких наследников. В этом случае имущество умершего поступало в общину. Подобная же участь ожидала и вдов с малолетними дочерьми. Данный обычай, по свидетельству крестьян, был широко распространен во многих губерниях. Сноха, то есть жена неотделенного сына, оставшаяся после смерти мужа с одними дочерьми, ничего не получала на

¹ См.: Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. IV. С. 394.

² См.: РГАДА. Ф. 1268. Оп. 3. Ед. хр. 333. Л. 2–3.

них из доли семейного имущества, следующей их покойному отцу, или же ей выделялось на содержание дочерей по усмотрению свекра некоторая «малая часть мужниной доли», например немного хлеба и скота¹.

Данную ситуацию кардинально могло изменить завешание главы семьи. Так, в 1809 г. крестьянин Иван Ястребов, проживающий в Никольской вотчине, в «духовном завещании» все свое имущество оставил жене и снохе, проживавшей с ними, а сыну, который был отделен отцом ранее, передавалось лишь родительское благословение. А в 1815 г. крестьянин той же вотчины Трофим Нащекин завещал все свое хозяйство дочери и невестке с внучкой, запретив выделенным ранее сыновьям «притеснять» их².

Таким образом, в крестьянской семье дочь даже при отсутствии сыновей в лучшем случае получала лишь незначительную часть из имущества своего отца. Следует отметить, что в практике волостных судов встречались редкие случаи, когда снохе на дочь выделялась вся доля мужниного имущества, или когда суд давал определенную часть как матери, так и дочери, например, обязывал деда выделить дочерям умершего сына $\frac{1}{3}$ часть имущества и из этого количества назначал $\frac{1}{7}$ часть вдове либо же давал последней $\frac{1}{4}$ часть из доли мужа, а дочерям — $\frac{1}{7}$. Практика волостных судов при рассмотрении подобных вопросов отличалась большим разнообразием. По мнению С.В. Ворошиловой, устранение сестер от наследования при братьях в крестьянских семьях было вызвано не столько их половой принадлежностью, сколько экономическими соображениями и необходимостью несения тягла всей семьей³.

Таким образом, обычно-правовой статус женщины-крестьянки — это совокупность прав и обязанностей женщины, регулируемая правовыми обычаями и подкрепленная санкциями крестьянской общины (схода). Расшире-

¹ См.: *Орианский И.Г.* Наследственные права русской женщины // Журнал гражданского и уголовного права. 1876. Кн. II. Март-апрель. С. 34.

² См.: РГАДА. Ф. 1384. Оп. 1. Ед. хр. 544. Л. 102.

³ См.: *Ворошилова С.В.* Имущественные права женщин по обычаям в русской деревне XIX в. // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2009. № 70. С. 5.

ние и укрепление данного статуса на протяжении XVII – первой половины XIX в. осуществлялось благодаря переходу от расширенной семьи к малой, распространению мобильности крестьянства в связи с промыслами и отходничеством. Так, например, в Вятской провинции к началу XVIII в. широкое распространение наряду с такими добывающими промыслами, как охота, рыбная ловля и бортное пчеловодство, получили отхожие промыслы, на которые мужчины, как правило, в зимний период отлучались от семьи на достаточно длительное время¹. К таким промыслам в начале исследуемого периода относился извоз продуктов крестьянского труда на достаточно длительные расстояния и лесные промыслы (рубка леса), а с развитием промышленности и наем на местные или Уральские заводы.

По мнению А.Н. Герцена, возможность свободного перемещения вятских крестьян и дополнительные заработки связана с тем, что среди них традиционно был небольшой процент помещичьих крестьян, которые в других губерниях могли заниматься отходничьим промыслом только с разрешения своих хозяев. Это не мешало, несмотря на скудность земли и низкую урожайность, иметь, по его наблюдениям, высокие двухэтажные избы с большими сенями². В этих условиях, с одной стороны, на крестьянку ложились все тяготы ведения крестьянского хозяйства, а с другой стороны, укреплялся ее авторитет в семье и в миру, повышался обычно-правовой статус.

Немаловажным фактором формирования обычного статуса женщин являлась широко распространенная традиция занятий крестьянскими кустарными промыслами. В связи с тем, что земледельческие работы имели сезонный характер, именно женские кустарные промыслы давали возможность дополнительных заработков для самих крестьянок и являлись доходом для

¹ См.: *Эммаусский А.В.* Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. С. 39.

² См.: *Герцен А.И.* Русские крестьяне Вятской губернии // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 372.

всей крестьянской семьи¹, что, несомненно, укрепляло их имущественное положение.

Самым известным вятским промыслом, превратившимся в целое производство к началу XIX в. стало кружевное дело в Кукарке, которое на тот период было развито лучше, чем в Вологде². Распространению Кукарского кружева способствовала налаженная торговля вниз по Волге, вятское кружево полюбили модницы Самары, Саратова, Казани³.

Практически в каждом крестьянском дворе женщины занимались обработкой льна и выработкой льняных тканей, ткали полотенца, скатерти, половики, из сукна шили верхнюю одежду. Помимо удовлетворения внутренних потребностей семьи, холст шел на продажу. Крестьяне Вятского Трифонова монастыря облагались специальным натуральным оброком в виде «ниток шитных», то есть тонкой пряжи, пригодной для швейных работ. Так, в 1764 г. этого оброка монастырь получил 1 пуд 20 фунтов⁴, что свидетельствует о том, что продукт женского крестьянского труда становился формой крестьянской повинности и определенной формой тягла крестьянской семьи, хотя сама женщина, как указывалось выше, не всегда считалась тяглосьпособной.

Следует отметить, что если в XVII в. торговля, в которой принимали участие женщины-крестьянки, в виде сбыта результатов своего труда являлась сезонным и непостоянным видом экономической деятельности, то к концу XVIII – началу XIX в. наиболее востребованный на рынке кустарный женский промысел постепенно принимал промышленные масштабы. Это способствовало постепенному переходу определенной части крестьянства в купеческое сословие, что в итоге послужило причиной значительного увеличения доли женщин, занимавшихся предпринимательством. Так, в Памятной

¹ См.: *Халтурина Н.И.* Хозяйство удельных крестьян Яранского уезда Вятской губернии в конце XVIII — первой половине XIX веков // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 130.

² См.: *Кустарная промышленность. Женские промыслы.* СПб., 1913. С. 214.

³ См.: *Шатров М.Н.* Кировские кустари. Киров, 1938. С. 14.

⁴ См.: *Эммаусский А.В.* Указ. раб. С. 32.

книжке Вятской губернии закреплялось, что в 12 уездах гильдейских купцов насчитывалось всего 4 119 чел., среди которых 2126 мужчин и 1993 женщины, что составляло 48% от общей численности¹.

Таким образом, на протяжении XVII – первой половины XIX в. в России можно констатировать укрепление имущественных прав женщин в крестьянской семье, основными причинами которого являлись переход от расширенной семьи к малой, распространение отхожих промыслов и вовлечение крестьянства в промышленное производство.

¹ См.: Памятная книжка Вятской губернии. На 1857 год. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000002147/view> (дата обращения: 15.03.2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении XVII – первой половины XIX в. процесс трансформации гражданско-правового статуса женщин базировался на формирующихся институтах гражданского законодательства и обычно-правовом регулировании. В ходе диссертационного исследования при изучении гражданско-правовых отношений женщин наиболее логично, по мнению диссертанта, употреблять термин «правовой статус», так как исследование носит историко-отраслевой характер. Для анализа категории «правовой статус женщин» в XVII – первой половине XIX в. была избрана структура, включающая в себя такие элементы, как нормы права, действующие в конкретный исторический период; правовые обычаи, санкционированные государством; исторически сложившаяся система прав и обязанностей женщин; правосубъектность, выражающаяся в правовых условиях вступления в правоотношения; государственные гарантии; меры гражданско-правовой ответственности.

В исследуемый период гражданско-правовой статус женщин еще находился в процессе формирования. На данном этапе его можно характеризовать как основанную на общем статусе, исторически формируемую систему прав и обязанностей женщин, регулируемую законодательством, сложившуюся под влиянием обычаев и церковных канонов, представлявшую условия для вступления в гражданско-правовые отношения (вещные, обязательственные, наследственные и семейные), обеспеченные, с одной стороны, государственными гарантиями, а с другой, подкрепленные мерами гражданско-правовой ответственности.

Основными факторами, оказывавшими максимальное воздействие на объем гражданско-правового статуса женщин, на наш взгляд, являются социальные, экономические, географические и правовые. К социальным можно отнести такие факторы, как семейное положение или брачный статус женщины, а также принадлежность к тому или иному сословию, ее вероисповедание, национальность, подданство. К экономическим факторам, влиявшим

на гражданско-правовой статус женщин, можно отнести развитие различных форм землевладения, профессиональную деятельность и экономическую специализацию региона, в котором женщина проживала. Географические факторы включают место проживания: город или деревня, центральная часть России, или окраины. Правовыми факторами, влиявшими на объем и содержание гражданско-правового статуса женщин, на наш взгляд, являются, во-первых, правовые способы или основания приобретения права собственности на имущество (путем наследования или осуществления самостоятельных сделок); во-вторых, доминирующие формы права при регулировании имущественных вопросов с участием женщин; в-третьих, закрепление в законодательных актах права женщин заниматься предпринимательской деятельностью, позволявшее продемонстрировать максимальную реализацию всего объема гражданско-правового статуса женщин. Все перечисленные факторы находятся в тесном взаимодействии и только в совокупности они могли привести к достижению максимального объема гражданско-правового статуса женщины в XVII – первой половине XIX в.

Анализируя процесс развития законодательного регулирования вещных прав женщин в XVII – первой половине XIX в., можно выделить четыре этапа его эволюции. Критерием выделения этапов выступают значимые законодательные акты, оказавшие существенное влияние на исследуемый объект.

I этап (начало XVII в. – 1649 г.) — до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича: преобладает представление о собственности женщин как о семейной категории, в связи с несформированностью категории индивидуальной собственности. На законодательном уровне начинают регулироваться вопросы распоряжения приданым и защиты наследственных прав женщин;

II этап (1649–1714 гг.) — с момента принятия Соборного Уложения до Указа о единонаследии Петра I: происходит расширение защиты права пользования вотчинами как приданным имуществом, в том числе и с помощью их

наследования. Однако только после смерти мужей неприкосновенность собственности женщин достигалась максимально;

III этап (1714–1785 гг.) — с момента принятия Указа о единонаследии Петра I до Жалованной грамоты дворянству Екатерины II: законодательно закреплялся термин «недвижимость», включивший в себя все формы землевладения; участие женщин в сделках от своего имени расширило право распоряжения своей собственностью; права женщин подкреплялись прецедентом в правоприменительной практике и на законодательном уровне;

IV этап (1785–1832 гг.) — с Жалованной грамоты дворянству Екатерины II до принятия Свода законов Николаем I: с законодательным формированием термина «собственность» происходило дальнейшее расширение вещных прав женщин, а также предоставлялась возможность на уровне закона использования данных прав в экономическом обороте в виде осуществления предпринимательской деятельности.

Процесс становления обязательственного права в XVII – первой половине XIX в. был не завершен, о чем свидетельствует терминологическое разнообразие содержания законодательных актов. Однако основополагающие идеи и принципы обязательственного права уже фигурируют (правда, пока в качестве дополнительных) в основном сословном принципе, что напрямую отражается на расширении объема обязательственных прав женщин. Исходя из многочисленных критериев признания сделки недействительной, преобладание среди которых наблюдается по субъектному составу, можно сделать вывод о том, что общее количество женщин по законодательству и при определенных обстоятельствах способных быть стороной в сделке, было не велико, порок волеизъявления относительно женщин на законодательном уровне закреплён не был.

Если институт сделок между супругами в ходе своего развития и законодательного закрепления претерпевал изменения в сторону расширения обязательственных прав женщин, то ответственность по долгам мужа, а осо-

бенно после его смерти, пусть и не личным имуществом, но нажитым совместно, женщины несли в течение всего исследуемого периода.

В силу определяемых в диссертации хронологических границ исследования представляется целесообразным выделить следующие периоды в развитии наследственных прав женщин в России:

1. Наследование имущества женщинами в период сословно-представительной монархии (XVII в.) — законодательное определение размера долей (прожитка) женщины в имуществе мужа и отца.

2. Наследование имущества женщинами в период становления и развития абсолютной монархии (XVIII в.) — введение системы майората, максимально ограничивающей наследственные права женщин и последующая отмена данной системы в 1731 г.

3. Период кризиса феодально-крепостнической системы (первая половина XIX в.) — систематизация законов, определявших порядок наследования имущества.

На протяжении второй половины XVIII в. правовое регулирование наследственных прав женщин носило противоречивый характер. С одной стороны, определение размера доли, предоставляемой из наследства супругам, приводило к махинациям с бумагами и последующим спорам при передаче наследственной массы; с другой стороны, происходило усиление роли обычного права в наследовании. С отменой системы майората была определена обязательная доля в имуществе, переходившая в собственность вдовы и сохранявшаяся при повторном выходе замуж. В правоприменительной практике наблюдались отдельные случаи утверждения наследственных прав дочерей, равных правам представителей мужского пола.

Представляется возможным утверждать, что на протяжении XVII в. благодаря взаимодействию норм церковного права и правовых обычаев в регулировании имущественных отношений супругов появляются нормы позитивного права, упорядочивающие и дополняющие их. Законодатель делает еще один шаг к повышению уровня имущественных прав женщин в браке и

их гражданско-правового статуса в целом. Тенденцией XVIII столетия является внедрение государственного регулирования в частные сферы жизни общества, в том числе и регулирование правоотношений супругов. Причем, именно имущественные отношения супругов вызывали наибольший интерес законодателя. Так, если в начале XVIII в. набравшее силу светское законодательство в виде указов императора служило для восполнения пробелов в каноническом праве, то к концу столетия наблюдалось усиление данной тенденции и практически полное вытеснение церковного законодательства в регулировании имущественных правоотношений супругов. Преобладание регулирования брачного договора обычным и каноническим правом, влияние государственно-правовой политики по охране собственности на вотчины и поместья и удержания их в семье прослеживается и в таком правовом институте, как брачный договор. Включая в себя элементы вещного и наследственного права, этот договор высвобождался из-под жесткого контроля родовых и семейных союзов, в то же время подпадая под сильное влияние других коллективных субъектов, прежде всего государства.

Необходимо заметить, что приданое являлось важнейшим правовым институтом, носившим комплексный характер и в период формирования самостоятельных институтов гражданского права. Данный институт включал признаки каждого из них, как вещного, обязательственного, так и наследственного прав. Следовательно, в XVII–XIX вв. именно институт приданого занимал центральное место в формировании гражданско-правового статуса женщин, благодаря широчайшему спектру источников правового регулирования и комплексному характеру. Подтверждением указанного факта явился несомненный интерес законодателя, на государственный уровень выносившего вопросы регулирования формы, размера, государственной регистрации приданого.

Анализируя гражданско-правовой статус иностранок в России в исследуемый период, представляется логичным выделить два основных этапа: этап формирования светского института гражданско-правового статуса иностран-

нок и этап оформления специального законодательства, регулировавшего гражданско-правовой статус иностранок. Только с приобретением светских черт в процедуре бракосочетания наблюдается расширение прав иностранцев на заключение брачных союзов как между собой, так и с представителями православного вероисповедания. Появление иностранных мастериц и гувернанток в России создавало прецедент и демонстрировало возможность русским женщинам занять эту профессиональную нишу, расширив свой гражданско-правовой статус.

Сопоставляя факторы, воздействовавшие на статус иностранок и женщин-подданных Российской империи, можно выделить в качестве общих такие факторы, как семейное положение, а также правовые факторы, непосредственно влиявшие на гражданско-правовой статус, тогда как сословная принадлежность иностранок в меньшей степени влияла на их статус на территории России, а профессиональные навыки и умения могли существенно повысить их гражданско-правовой статус.

Положение женщины в крестьянской семье и ее обычно-правовой статус зависели от природно-географических условий и хозяйственно-культурного типа, преобладавшего на конкретной территории. Сопоставляя положение женщины в крестьянской семье, формируемое обычаями, и законодательно регулируемый гражданско-правовой статус женщин, необходимо выделить ряд существенных отличий. По крестьянским обычаям женщина не являлась самостоятельным членом семьи, а включалась в родственно-производственную единицу, обремененную имущественным тяглом, поэтому ее имущество рассматривалось не как индивидуальная собственность, а как общая основа хозяйствования. Обычно-правовой статус крестьянки и ее имущественные отношения зависели не только от ее брачного статуса, но и от разновидности семьи, к которой женщина принадлежала относительно структуры (малой или неразделенной).

Основной тенденцией, иллюстрировавшей расширение и укрепление данного статуса, непосредственно влиявшего на имущественное положение

женщины в крестьянской семье на протяжении XVII – первой половины XIX в., являлся переход от расширенной семьи к малой, распространение отхожих промыслов и вовлечение крестьянства в промышленное производство, а также наличие особенностей на конкретной территории, что свидетельствовало о локальном характере распространения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Акты земских соборов. Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. III.
2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002. 432 с.
3. *Бецкой И.И.* Генеральное Учреждение о воспитании обоего пола юношества, подтвержденное Ея Императорским Величеством 1764 года марта 12 дня // Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России, обоего пола благородного и мещанского юношества, с прочими в пользу общества установлениями. СПб., 1789. Т. I.
4. Боярский приговор от 12 марта 1680 г. «О действительности купчих и закладных на женины вотчины, если подписаны не одними мужьями, но и женами» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1827. Т. II. № 803.
5. Боярский приговор от 20 февраля 1678 г. «О справе вотчин и поместей иноземцев новокрещенных за Русскими и обратно по поступкам, купчим и закладным» // ПСЗ. Т. II. № 719.
6. Боярский приговор от 21 февраля 1679 г. «О запрещении мужьям продавать и закладывать своим именем вотчины жен своих, без их согласия» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1827. Т. II. № 751.
7. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 17 июня 1826 г. «О браках, заключаемых лицами Евангелического исповедания с Евреями и Магометанами» // ПСЗ-2. Т. I. № 410.
8. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 17 июня 1826 года «О выгодах, предоставляемых иноверцам Магометанского или Языческого закона, принимающим Святое Крещение» // ПСЗ-2. Т. I. № 409.

9. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 31 августа 1825 г. «О продаже имений от мужей женам и обратно» // ПСЗ-1. Т. XL. № 30472.

10. Высочайший утвержденный доклад Сената от 9 декабря 1730 г. «О раздаче детям движимых и недвижимых имений по Уложению и об отмене Указа 1714 года и дополнений к нему пунктов 1725 года» // ПСЗ-1. Т. VIII. № 5653.

11. Высочайше утвержденный доклад Сената от 20 апреля 1762 г. «О постройке для безумных особенных домов и об отдаче имений, принадлежащих безумным, под надзор наследников» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1841. Т. XV. № 11509.

12. Высочайше утвержденный доклад Сената от 15 октября 1742 г. «О предоставлении Сенату право давать позволение оставшимся после мужей с малолетними детьми вдовам на продажу недвижимого имущества для уплаты долгов» // ПСЗ. Т. XI. № 8637.

13. Генерал-Прокурорский Наказ при Комиссии от 30 июля 1767 г. «О составлении проекта нового Уложения, по которому и Маршалу поступать» // ПСЗ-I. № 12950.

14. Гражданское уложение. Кн. 4: Наследственное право. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению гражданского уложения. СПб., 1903.

15. Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1843. Т. XXII. № 16188.

16. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства от 21 апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1843. Т. XXII. № 16187.

17. Законы гражданские. С объяснениями по решениям гражданского кассационного департамента Правительствующего сената / сост. А. Боровиковский. СПб., 1882.

18. Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / сост. В.А. Томсинов (предисл.). М.: Зерцало, 2014. 528 с.
19. Именной боярский приговор от 9 марта 1688 г. «О справе поместей сговоренных вдов и девок по заручным их челобитным и памятям Дьяков за женихами до учинения им допросов» // ПСЗ-1. Т. II. № 1283.
20. Об обряде совершения всякого рода крепостных актов. Именной указ, данный Разряду. Января от 1700 г.: по изданию «Законодательство Петра I» / отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. М.: Юридическая литература, 1997. С. 16.
21. Именной указ от 6 апреля 1722 г. «О свидетельствовании дураков в Сенате» // ПСЗ I. Т. VI. № 3949.
22. Именной указ от 17 марта 1731 г. «О именовании поместий и вотчин и о разделе оных между детьми по Уложению» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. VIII. № 5717.
23. Именной указ от 17 марта 1731 г. «О именовании поместий и вотчин и о разделе оных между детьми по Уложению» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1833. Т. VIII. № 5717.
24. Именной указ от 21 февраля 1679 г. «О запрещении мужьям продавать и закладывать своим именем вотчины жен своих, без их согласия» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1827. Т. II. № 751.
25. Именной указ с Боярским приговором от 11 июня 1683 г. «О разделе купленных вотчин между отцом и детьми, ежели имена детей в купчих написаны и о выделе жеребьев умерших сыновей жёнам их и детям» // ПСЗ I. Т. II. № 1020.
26. Именной указ с боярским приговором от 17 марта 1686 г. «О справе поместий после некрещеных Мурз и Татар, за некрещеными их детьми и внучатами, а если после Мурз и Татар некрещеных детей и родственников не осталось, то справлять поместья их за крещеными родственниками» // ПСЗРИ. Т. II. № 1179.

27. Именной указ с Боярским приговором от 19 июля 1679 г. «О не отчуждении продажею и залогом мужьям от своего имени жениных вотчин» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1827. Т. II. № 762.

28. Именной указ, данный разряду от 30 января 1701 года. «Об обрядах совершения всякого рода крепостных актов» // ПСЗ-1. Т. IV. № 1833.

29. Именной указ от 3 апреля 1702 г. «Об отмене рядных и сговорных записей совершаемых у крепостных дел» // ПСЗ. Т. IV. № 1907.

30. Именной указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» // ПСЗ-1. Т. V. № 2789.

31. Именной указ, объявленный из Сената от 31 августа 1719 г. «Об обязанности иноземцам, приезжающим в Санкт-Петербург для записки в Канцелярию Полицмейстерским делом» // ПСЗ-1. Т. V. № 3420.

32. Именной указ, объявленный из Сената от 5 мая 1757 г. «О предварительном испытании в науках иностранцев, желающих определиться в частные дома для обучения детей, и о взыскании штрафа с тех, которые примут к себе в дом и станут держать учителя, не имеющего должного аттестата» // ПСЗ-1. Т. XIV. № 10724.

33. Именной указ, объявленный Синоду от 5 сентября 1723 г. «О не посылке сумасбродных и в уме помешанных в монастыри» // ПСЗ I. Т. VII. № 4296.

34. Именной указ, помеченный в разряд от 21 мая 1680 г. «О разных монарших милостях Романовским мурзам и татарам, за принятие христианской веры» // ПСЗ. Т. II. № 823.

35. Конвенция, заключенная Герцогом Саксон-Веймарским и Эйзенахским от 9 марта 1812 г. «О беспошлинном выпуске имений, достающихся в наследство поданным обоюдных государств» // ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25026.

36. Кормчая книга. Воспроизводящая первый выход книги 1653 г. Ч. 1-2. 3-е изд. М., 1787.

37. Манифест «Об открытии торговли между Российской империей и Областями Австрийской Монархии от 1 ноября 1785 года» // ПСЗ-1. Т. XXII. № 16284.

38. Манифест от 1 января 1807 г. «О даровании купечеству новых выгод, отличиях, преимуществах и новых способах распространения и усиления торговых предприятий» // ПСЗ-1. Т. XXV. № 22418.

39. Манифест от 13 февраля 1798 г. «Об установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам» // ПСЗ-1. Т. XXV. № 18373.

40. Манифест от 22 июля 1763 года «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1841. Т. XVI. № 11880.

41. Манифест от 3 февраля 1796 г. «Об обручении Великого Князя Константина Павловича с Великою княжною Анной Федоровной, урожденной Принцессою Саксен-Зальфельд-Кобургскою» // ПСЗ-1. Т. XXIII. № 17436.

42. Манифест от 30 апреля 1721 г. «О призыве шведов в службу и о позволении им в Российском государстве, по учинению присяги, селиться, вступать в супружество, приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлею и промыслами» // ПСЗ-1. Т. VI. № 3778.

43. Манифест от 4 декабря 1762 г. «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном, возвращении в свое отечество Русских людей, бежавших за границу» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1841. Т. XVI. № 41720.

44. Новоторговый устав // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1825. Т. I. № 408.

45. Новоуказанные статьи о поместьях и вотчинах от 10 августа 1677 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1827. Т. II. № 700.

46. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 17 июня 1846 г. «О мерах против злонамеренной передачи имений между супругами» // ПСЗ-2. Т. XXI. № 20138.

47. Именной указ, данный Розряду. Января от 1700 г. «Об обряде совершения всякого рода крепостных актов» // По изданию «Законодательство Петра I» / отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. М.: Юридическая литература, 1997.

48. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1714. Т. V.

49. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1770. Т. XIX.

50. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1798. Т. XXV.

51. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1827. Т. II. № 823.

52. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1827. Т. II. № 1178.

53. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1833. Т. VIII. № 5653.

54. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1844. Т. XIX. № 1352.

55. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1677. Т. II.

56. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1728–1732. Т. VIII. № 10111.

57. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1825. Т. XI. № 30472.

58. Проект Федерального закона № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации». Ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17 января 2003 г.

59. Пункты от 28 мая 1725 г. «О вотчинных делах» // ПСЗ РИ. СПб., 1832. Т. VII. № 4722.

60. Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. X. Ч. 1.
61. Свод законов Российской империи. Кн. 3. Т. X. Ч. I: Законы гражданские. Р. 4. Гл. 1. Ст. 2202.
62. Свод Основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. Кн. 3. Т. X, ч. 1. СПб., 1832. Ст. 114.
63. Сенатский указ от 14 июня 1753 г. «О порядке совершения крепостей от имени владельцев обоего пола на собственное имение каждого без различия» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1838. Т. XIII. № 10111.
64. Сенатский указ от 19 мая 1789 г. «О почитании дочерей, получивших приданое при выходе в замужество, отделенными, и о не дозволении им требовать части имения, оставшегося после смерти отца» // ПСЗ-1. Т. XXIII. № 16769.
65. Сенатский указ от 20 декабря 1723 г. «О писании в цехи мастеровых людей, пришедших из-за рубежа и о счислении оных для платежа подушных денег с другими посадскими» // ПСЗ-1. Т. VII. № 4395.
66. Сенатский указ от 25 мая 1775 года «О сборе с купцов, вместо подушных податей, по одному проценту с объявленного капитала и о разделении их на гильдии» // ПСЗ-1. Т. XX. № 14327.
67. Сенатский указ от 26 февраля 1763 г. «О недействительности купчих, от жен мужьям данных» // ПСЗ-1. Т. XVI. № 11764.
68. Сенатский указ от 30 января 1772 г. «О выдаче дочери Григория Тыртова Дарье указной части из имения отца ее, вышедшей в замужество без приданого» // ПСЗ-1. Т. XIX. № 13750.
69. Сенатский указ от 4 ноября 1715 г. «О позволении писать купчие и закладные на недвижимое имение лицам женского пола» // ПСЗ-1. Т. V. № 2952.
70. Сенатский указ от 4 октября 1722 г. «О явке в Главном Магистрате занимающимся художествами и ремеслами для объявления чем занимается» // ПСЗ-1. Т. VI. № 4102.

71. Сенатский указ от 8 июля 1787 г. «О невоспрещении Дворянкам, вышедшим замуж за не Дворян, покупать дворянские имения, пользуясь в оных всеми правами, Дворянам предоставленными» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1838. Т. XXII. № 16554.

72. Сенатский указ по делу Колычевых от 25 октября 1770 г. «О дополнениях замужним дочерям указанных частей из наследства, если они при выходе в приданом таковых частей сполна не получили» // ПСЗ-1. Т. XIX. № 13520.

73. Статьи о вотчинах от 29 марта 1680 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1827. Т. II. № 814.

74. Статьи о чернослободских и беломестцовых дворах от 22 января 1686 г. // ПСЗ-1. Т. II. № 1157.

75. Стоглав. Казань: Тип. губернского правления, 1862. 454 с.

76. Трактат вечный между Всероссийскою Империей и Речью Посполитою Польскою от 13 (24) февраля 1768 г. // ПСЗ-1. Т. XVIII. № 13071.

77. Указ из Вотчинной коллегии от 25 июня 1780 г. «О запрещении купли и продажи имений между супругами» // ПСЗ-1. Т. XX. № 15022.

78. Указ о взыскании с Русских людей долгу, в удовлетворение прежде иноземцев, а потом Русских верителей, и об оценке у должников дворов, буде другого имения у них не отыщется 1671 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1825. Т. I. № 497.

79. Указ о правеже долгов с Русских людей прежде иноземцам а потом Русским заимодавцам и об отдаче несостоятельных должников заимодавцам в зажив головою 1674 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1825. Т. I. № 579.

80. Указ о разделении купечества на гильдии // ПСЗ РИ. Собрание первое. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. Т. XX. С. 145.

81. Указ о свободной торговле всякого звания иноземцам в России с уплатою положенной с товаров пошлины // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1833. Т. VIII. № 5806.

82. Указ от 15 апреля 1716 г. «О выделе мужу после умершей жены, а жене после мужа из всего имения четвертой части и о разделе прочих частей» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. V. № 3013.

83. Указ от 19 июля 1679 г. «О не отчуждении продажею и залогом мужьям от своего имени жениных вотчин» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1827. Т. II. № 762.

84. Указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. V. № 2789.

85. Указ от 3 апреля 1702 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1829. Т. IV. № 1907.

86. Указ Святейшего Синода от 6 июля 1767 г. «О позволении женам, оставшимся после сосланных в вечную ссылку мужей, с разрешения архиереев вступать в новый брак» // ПСЗ-1. Т. XVIII. № 12934.

87. Указ Сената от 16 мая 1810 г. «О бракосочетании Православных лиц с иноверными на основании правил Грекоримской Церкви» // ПСЗ РИ. Т. XXXI. № 24235.

88. Указ Сената от 20 марта 1840 г. «О разрешении Священников, чтобы они к повенчанию браков лиц православных с иноверными, приступали сами, не испрашивая разрешения Епархиальных Архиереев» // ПСЗ РИ. Т. XV. № 13278.

89. Указы 1651 и 1653 гг. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. V. № 719.

90. Устав о банкротах от 15 декабря 1740 года // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб.: Типография 2-го отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 11.

91. Устав о Цехах от 12 ноября 1799 г. // ПСЗ-1. Т. XXV. № 19187.
92. Французский гражданский кодекс 1804 г. С позднейшими изменениями на 1939 г. / пер. И.С. Перетерского. М., 1941.

**Архивные материалы Российского государственного архива
древних актов**

93. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. № 4703. Л. 103–130.
94. РГАДА. Ф. 1268. Оп. 3. Ед. хр. 333. Л. 2–3.
95. РГАДА. Ф. 1384. Оп. 1. Ед. хр. 544. Л. 102.

**Архивные материалы государственного архива
Кировской области**

96. Дело о взыскании женою коллежского советника Неклепаева Настасьей Андреевою с Вятского мещанского общества за отданного в рекруты вятского мещанина Злыгостева по векселю денег 300 р. // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 16. – 3 л.
97. Дело по апелляционной жалобе Яранской мещанской женки Парасковьи Прохоровой Антоновой, о положенных ей деньгах в заклад серебряной и золотой монетой от жены титулярного советника Ивана Кирилова // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 406. – 7 л.
98. Дело по донесению вятского Городского Магистрата о списании копий с купчей, совершенной от имени купеческой жены Агафоновой на дом, проданный канцеляристу Дьяконову // ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1246. – 4 л.
99. Дело по жалобе крестьянской женки Катерины Савиновой Титовой об имении с пасынками своими Василием и Мироном Титовыми // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 34. – 3 л.
100. Дело по прошению Афонася Мещерского об уничтожении закладной на имение Бекрениной // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 142. – 4 л.

101. Дело по прошению вдовы капитана Ольги Исаевой, о засвидетельствовании духовной на имение от отца // ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1415. 3 л.
102. Дело по прошению Вятского купца Андрея Пыхтеева о совершении купчей крепости на купленных чиновницей Анной Мышкиной от Завьяловой дворовых людей // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 877. 4 л.
103. Дело по прошению Вятского купца Филипа Пыхтеева, о совершении закладной от имени жены его, Прасковьи, о залоге дома // ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1410. 6 л.
104. Дело по прошению жены купца Веры Осиповой Машковцовой об уничтожении закладной, данной от титулярного советника Ветохина на заложенное имение по случаю выкупа // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 398. 3 л.
105. Дело по прошению жены купца Ивана Хлебникова, Марьи Петровой, о даче свидетельства на состоящие за ней пять душ с угодьями // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 381. – 5 л.
106. Дело по прошению жены надворного советника Дементия Ивановича Пращеевой Настасьи Андреевны о закладной на имение // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 51. 9 л.
107. Дело по прошению жены сержанта Чернобровина, Марфы Степановой, о засвидетельствовании верящего письма, данного на имя секретаря Катаргина // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 159. 7 л.
108. Дело по прошению жены умершего Надворного Советника Настасьи Андреевой, о даче ей свидетельства на перезалог имения // ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1414. 4 л.
109. Дело по прошению каптенармуса Николая Челищева о засвидетельствовании завещательного письма, данного дочери Агрипине Николаевой на владение деревянным домом // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 380.4 л.
110. Дело по прошению коллежской секретарши Аграфены Завьяловой о засвидетельствовании отпускного письма, данного крепостному человеку Якову Иванову // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 403. 5 л.

111. Дело по прошению Марьи Чернобровиной о засвидетельствовании данного ей от господина свидетельства // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 84. 7 л.
112. Дело по прошению Михаила Офенберга о засвидетельствовании завещательного письма от жены его Марьи Васильевой на имени // ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1259. 5 л.
113. Дело по прошению Надворной советницы Катерины Захватаевой о списании копий с двух укреплений на недвижимые имущества // ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1417. 5 л.
114. Дело по прошению прапорщицы Анны Тюфилиновой о переделе имущества с сестрою секунд-майоршею Агафеною Кузьминой // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 107. 11 л.
115. Дело по прошению статского советника Николая Обухова, об утверждении за матерью его, Анной Обуховой, состоящих в Елабужском округе крестьян // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 188. 6 л.
116. Дело по прошению титулярной советницы Парасковьи Родионовой, при коем представила для засвидетельствования отпускную на отпущенного на волю крепостного человека // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 120. 3 л.
117. Дело по рапорту Яранского уездного суда о засвидетельствовании духовной крестьянской женке Дьяконовой без взыскания указанных пошлин // ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 43. 4 л.

Научная литература

118. *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII–начало XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 234 с.
119. *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII – начала XIX в. М.: Наука. 1984. 257 с.
120. *Александров В.А.* Семейно-имущественные отношения до начала XX века // Русские. М., 1999. 548 с.

121. *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права: в 5 т. Т. 5: Права семейные и опека. СПб., 1905. 245 с.
122. *Барыков Ф.Ф.* Обычаи наследования у государственных крестьян. СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1862. 100 с.
123. *Беляев И.Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. 730 с.
124. *Биркетт Д.* «Простое дело»: брак, развод, и французская революция // Брак и собственность: женщины и боевые обычаи в истории / отв. Е. Крейк. Абердин, 1984. 132 с.
125. *Богословский М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. 107 с.
126. *Бурьянова Е.И.* Условия, определяющие правосубъектность индивида (общетеоретический аспект). Невинномысск: НИЭУП, 2009. 321 с.
127. *Васильев И.* Фемида, или начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России, на основании существующих законов. М.: Типография Ширяева, 1827. 41 с.
128. *Веселовский С.В.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. 496 с.
129. *Вилков А.А.* Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997. 93 с.
130. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.
131. *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России. М.: Норма, 1997. 304 с.
132. *Ворошилова С.В.* Эволюция правового положения женщин в России в XIX веке – начале XX вв. Саратов: Саратовский источник, 2011. 363 с.
133. *Гойхбарг А.Г.* Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола. СПб.: Право, 1912. 103 с.
134. *Готье Ю.В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев-Посад, 1915. 108 с.

135. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права: о государственном устройстве: в 2 т. / под ред., с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2006. Т. 1. 399 с.
136. *Григоровский С.* О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах. Сборник церковных и гражданских законов с дополнениями и разъяснениями на основании циркулярных указов и сепаратных определений Святейшего Синода, с отдельной статьей о родстве и свойстве и с приложением графической таблицы степеней свойства. 12-е изд. С.Пб: Синод. тип., 1912. 328 с.
137. *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 280 с.
138. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. П (по 3-му изд. 1955 г.). М.: Русский язык, 1998. 640 с.
139. *Дебольский Н.Н.* Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1903. 440 с.
140. *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России в XVII веке. М., 1994. 157 с.
141. Древности русского права: Землевладение. Тягло. Порядок обложения / В. И. Сергеевич. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. Т. 3. 580 с.
142. *Дьяконов М.А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 1: Крестьянские порядные. Вып. 2: Грамоты и записи. 1895–1897. М.: Книга по Требованию, 2011. 243 с.
143. *Загоровский А.И.* Курс Семейного права. 2-е изд. Одесса: Тип. Акционерного южно-русского об-ва печатного дела, 1909. 564 с.
144. *Зиновьев А.Д.* Освидетельствование душевнобольных. СПб.: Санкт-Петербургская губернская типография, 1910. 24 с.
145. *Иванов В.В.* Обычное право крестьян Харьковской губернии. Харьков, 1898. 588 с.

146. *Иконников В.С.* Русские женщины накануне реформы Петра Великого и после него. Сравнительно-исторический очерк. Киев: Университетская типография, 1874. 109 с.
147. *Кизеветтер А.А.* Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства. Исторический очерк. Вологда, 1919. 31 с.
148. *Ключевский В.О.* Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка. М.: Типография М. Волчанинова, 1888. 27 с.
149. *Костров Н.* Юридические обычаи крестьян-старожилов в Томской губернии. Томск: Томская губернская типография, 1876. 118 с.
150. *Кучинский В.А.* Личность, свобода, право. М.: Юридическая литература, 1978. 175 с.
151. *Лавров П.В.* Механизм регулирования правового режима иностранцев в контексте эволюции государственно-правовой системы России в период IX – начала XX в. СПб.: Юридическая литература, 2004. 355 с.
152. *Лакиер А.Б.* О вотчинах и поместьях. СПб., 1848. 280 с.
153. *Мальцев Г.В.* Социалистическое право и свобода личности. М.: Юридическая литература, 1969. 143 с.
154. *Маррезе М.Л.* Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М.: Новое лит. обозрение, 2009. 368 с.
155. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 1987. 312 с.
156. *Михневич В.* Русская женщина XVIII столетия. Исторические этюды. Киев: Южно-русское книгоиздательство Ф.А. Иогансон, 1895. 403 с.
157. *Мицкевич А.В.* Субъекты советского права. М.: Госюриздат., 1962. 529 с.
158. *Морошкин Ф.Л.* Об уложении и последующем его развитии. М., 1839. 17 с.
159. *Мухин В.Ф.* Обычный порядок наследования у крестьян. СПб.: Книга по требованию, 1888. 351 с.

160. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Полное собрание сочинений. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1857–1858. Т. III–V. 460 с.
161. *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 278 с.
162. *Никольский В.М.* Об основных моментах наследования. М.: Универзитат, 1871. 248 с.
163. *Орович Я.А.* Женщина в праве. СПб., 1895. 100 с.
164. *Оспенников Ю.В.* Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М.: Nota Bene, 2007. 549 с.
165. *Островская М.А.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках. М.: Книга по Требованию, 2011. 466 с.
166. *Парамонов А.С.* О законодательстве Анны Иоановны. СПб.: типография «Север» А.С. Лесмана, 1904. 321 с.
167. *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб., 1877. Т. 1. 463 с.
168. *Платонов С.Ф.* Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. СПб., 1923. 24 с.
169. *Поленина С.В.* Права женщин в системе прав человека: Международный и национальный аспект. М.: Ин-т государства и права РАН, 2000. 110 с.
170. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 351 с.
171. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. М.: Государственное издательство, 1922. 268 с.
172. *Преображенский В.А.* Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. СПб.: Изд. ученым комитетом М.Г.И., 1854. 124 с.
173. *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 440 с.

174. *Сенякин И.Н.* Принципы права и принципы законодательства: соотношение и взаимосвязь. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2010.
175. *Сергеевич В.И.* Древности русского права: Землевладение. Тягло. Порядок обложения: в 3 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. Т. 3. 508 с.
176. *Синайский В.И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. С приложением действующих русских законов, сенатской практики и указателя русской литературы. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1910. 364 с.
177. *Слепакова А.В.* Правоотношения собственности супругов. М., 2005. 197 с.
178. *Соловьев Е.Т.* Гражданское право: Очерки народного юридического быта. Казань: Типография губернского правления, 1888. 56 с.
179. *Строев В.В.* Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1833. 431 с.
180. *Тархов В.А.* Гражданское правоотношение. Уфа: Изд-во УГЮА, 1993. 322 с.
181. *Тихомиров М.Т., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 218 с.
182. *Товстолес Н.Н.* Юридическое положение женщины при открытии наследства по русскому законодательству. М.: Ж.М.Ю. 1910. 213 с.
183. *Токарев С.В.* Крестьяне Вятской провинции в XVIII в. Вятка, 1928. 74 с.
184. *Трушкова И.Ю.* Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв. (система жизнеобеспечения). Киров, 2003. 325 с.
185. *Трушкова И.Ю.* Женщина и мужчина в традиционной культуре русских Вятского региона: гендерные портреты. М.: Вятский гос. ун-т, 2009. 300 с.

186. *Уортман Р.С.* Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / авторизов. пер. с англ. М.Л. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьянова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 320 с.
187. *Федосов И.А.* Из истории русской общественной мысли XVIII. М.: Зерцало, 1967. 321 с.
188. *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1878. Т. I. 99 с.
189. *Шатров М.Н.* Кировские кустари. Киров, 1938. 288 с.
190. *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1879. 370 с.
191. *Шульгин В.* О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев: Тип. Вальнера, 1850. 138 с.
192. *Эммаусский А.В.* Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. 224 с.

Учебные издания

192. *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 320 с.
193. *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. Т. VI. Право наследования. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. 526 с.
194. *Антонов А.В.* Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / сост. А. В. Антонов. М.: «Древлехранилище», 2002. 680 с.
195. *Башилов А.П.* Русское торговое право (практический курс по лекциям). Прибавление к выпуску I. СПб.: типография А.С.Суворина, 1891. 326 с.
196. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев: Н. Я. Оглоблин, 1915. 715 с.
197. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 800 с.
198. *Врангель Н.Н.* Иностранцы XVIII века в России // Венок мертвым: Художественно-исторические статьи. СПб., 1913. 190 с.

199. *Герцен А.И.* Русские крестьяне Вятской губернии // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. 372 с.
200. *Дормидонтов Г.Ф.* Система римского права. Общая часть. Казань, 1910. 35 с.
201. *Загоровский А.И.* Курс семейного права. Одесса, 1902. 278 с.
202. *Исаев И.А.* История государства и права России: 3-е изд. М.: Юристъ, 2004. 544 с.
203. История договорного права: курс лекций / А.В. Лядова, Л.А. Чалая. Владимир, 2003. 118 с.
204. *Кавелин К.Д.* Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования и сравнение теперешнего русского законодательства об этом предмете с римским, французским и прусским. СПб.: Право, 1900. 684 с.
205. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М.: Историческая библиотека, 2002. 296 с.
206. Кормчая. Номоканонъ: Отпечатана с подлинника Патриарха Иосифа: Репринтное издание / гл. ред.: Данилушкин М.Б. СПб.: Воскресение, Свято-Успенское Подворье Оптиной Пустыни, 1997. 1481 с.
207. Кустарная промышленность. Женские промыслы. СПб.: Типо-Литография, 1913. 214 с.
208. *Левшин Э.М.* Брачный договор (историко-правовое исследование и анализ современного законодательства). Н. Новгород, 2003. 83 с.
209. Материалы по описанию промыслов Вятской губернии. Вып. IV. Вятка, 1889–1893. 49 с.
210. *Матузов Н.И.* Теория государства и права: учебное пособие. М.: Юристъ, 2004. 512 с.
211. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2-х ч. М.: Статут, 2000. 455 с.
212. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М.: Юристъ, 1999. 472 с.

213. *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М.: «Древлехранилище», 2004. 341 с.
214. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. М.: Статут, 2013. 351 с.
215. *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб.: Лань, 2002. 284 с.
216. Памятники русского права: Памятники права периода создания абсолютной монархии, вторая половина XVII в. / сост.: А.И. Копанев, А.Г. Маньков, А.Г. Поляк; под ред. Л. В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1963. Вып. 7. 510 с.
217. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 2. СПб., 1871. 640 с.
218. *Путинцев В.С., Папырин В.С.* Нолинск // Энциклопедия земли Вятской. Города. Киров, 1994. Т. 1. 285 с.
219. *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526 с.
220. Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: НОРМА-ИНФА, 2009. 573 с.
221. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1910. 647 с.
222. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. М.: Юрист, 2004. 512 с.
223. *Томсинов В.А.* Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / сост. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. 272 с.
224. *Томсинов В.А.* Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2014. 528 с.
225. *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества: в 2-х т. М., 2007. Т. 1. 672 с.
226. Трудовая правоспособность советских граждан / Б. К. Бегичев. М.: Юридическая литература, 1972. 242 с.

227. *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга первая. М.: Статут, 2004. 136 с.

228. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX ст.). 2-е изд., перераб. и доп. / В. Н. Латкин. СПб.: Тип. Монтвида, 1909. 654 с.

229. *Цитович П.П.* Учебник торгового права. ОЧЕРКИ. Киев: издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1891. 316 с.

230. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005. 461 с.

Периодические издания

231. *Азаревич Д.И.* О наследовании родственников бездетной вдовы в указной части // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. Кн. 4. С. 163–174.

232. *Алексеев А.А.* Конфликты в сфере имущественных отношений супругов в Российской империи: сущность и порядок преодоления // Правовые механизмы предотвращения и преодоления социальных конфликтов: материалы Международной научно-теоретической конференции / под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. Ч. I. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. С. 153–158.

233. *Алексеев А.А.* Нормативные основы регулирования имущественных отношений супругов в Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 9–15.

234. *Бараненков В.В.* Соотношение понятий «правовое положение», «правовой статус» и «правосубъектность» юридического лица // «Юридический мир». 2006. № 2. С. 4–14.

235. *Барков А.В.* Гражданская правосубъектность как научно-правовая категория: соотношение со смежными цивилистическими понятиями // Современное право. М.: Новый Индекс, 2008. № 12. С. 3–7.
236. *Басик В.П.* Эволюция правового статуса личности и его отражение в российской правовой науке // Правоведение. 2005. № 1. С. 21–25.
237. *Богданова Н.А.* Категория статуса в конституционном праве // Вестник Московского университета. 1998. № 3. С. 3–20.
238. *Богомазова О.И.* Правовой статус женщин // Вестник Владимирского юридического института. Владимир: Изд-во ВЮИ ФСИН России, 2007. №3(4). С. 232–238.
239. *Ворошилова С.В.* Право наследования вдовы в законодательстве России XIX в. // История государства и права. 2010. № 8. С. 31–34.
240. *Ворошилова С.В.* Женщины в крестьянском суде: правовые обычаи русской деревни // Правовые традиции: материалы Международной научной конференции «Жидковские чтения». Москва 29–30 марта 2013 г. 2014. С. 260–267.
241. *Ворошилова С.В.* Имущественные права женщин по обычаям в русской деревне XIX в. // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2009. № 70. С. 157–167.
242. *Ворошилова С.В.* К истории вопроса о наследственных правах женщин в России // Право. Законодательство. Личность. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. № 1–2 (5–6). С. 205–207.
243. *Ворошилова С.В.* Наследование женщин по закону и по обычаю в России в XIX в. // Правовая культура. 2009. № 2 (7). С. 35–45.
244. *Ворошилова С.В.* Положение женщины в крестьянской семье в до-революционной России // История государства и права. 2012. № 3. С. 14–17.
245. *Ворошилова С.В.* Порядок наследования женщин по обычаям русской деревни XIX в. // Право. Законодательство. Личность. 2009. № 3(7). С. 47–59.

246. *Ворошилова С.В.* Правовое положение женщин в XIX в. по обычаям русской деревни (тезисы к круглому столу) // Право. Законодательство. Личность. 2010. № 2 (9). С. 138–142.
247. *Ворошилова С.В.* Юридическая природа приданого в XIX в. // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 4. С. 64–69.
248. *Голикова Н.Б.* Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 247–248.
249. *Джанишиев Г.А.* Бабы стоны и новое (гражданское) уложение // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Кн. 3. С. 52–66.
250. *Добрин С.И.* Гражданско-правовое положение в России поданных воюющих с держав // Вестник Гражданского права. 1914. № 6. С. 60–98.
251. *Евреинова А.М.* Об уравнивании прав женщин при наследовании // Друг женщин. 1883 № 11. С. 62–90.
252. *Ефремова Н.Н.* Судебная защита права собственности в России XVIII в. // Собственность: право и свобода. М., 1992. С. 43–55.
253. *Загоровский А.И.* Фрагмент книги «Курс Семейного права» // Семейное и жилищное право. М.: Юрист, 2008. № 2. С. 30–48.
254. *Зайков А.В.* Владение в своде законов российской империи и римская *possessio* // Древнее право. 2004. № 1(13). С. 119–128.
255. *Зырянов П.И.* Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 1976. Вып. 6. С. 91–101.
256. *Ильяшенко И.Е.* О праве наследования супругов с точки зрения будущего гражданского уложения // Вестник права. 1902. № 4–5. С. 70–90.
257. *Казимир А.Ф.* Об отношениях супругов по имуществу: Реферат, доложенный на заседании Гражданского Отделения 28 апреля 1884 года. СПб., 1884. С. 1–78.
258. *Каширина Ю.П.* О структуре гражданско-правового статуса физических и юридических лиц // Право и государство: теория и практика. 2012. №4. С. 63–68.

259. *Кулишер М.И.* Женщина и ее имущественное положение. Исторический очерк // Вестник Европы. 1884. Кн. 8. С. 565–586.
260. *Куприянова О.И.* Иностранцы на государственной службе в России в XVIII в.: правовой статус // Вестник Московского университета. 2008. № 5. С. 78–90.
261. *Куприянова О.И.* Правовой статус иностранных купцов в XVIII веке // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2009. № 4. С. 57–66.
262. *Лебедева Е.Г.* Иностранные художницы в России XVIII–XIX вв. // Культурологический журнал. 2014. № 4. С. 5–11.
263. *Левушкин А.Н.* История возникновения и развития института брачного договора в России // Семейное и жилищное право. 2012. № 5. С. 34–38.
264. *Лядащева-Ильичева М.Н.* Этапы становления системы общих гражданских законов в России 1649–1833 гг. // История государства и права. 2010. № 8. С. 26–28.
265. *Лядащева-Ильичева М.Н.* Общая характеристика Соборного Уложения 1649 г. // Право. Законодательство. Личность. Сборник научных трудов. Саратов, 2008. Вып. 4. С. 111–118.
266. *Маркина Л.А.* Художницы в России: от барокко до модерна // Искусство женского рода. Женщины-художницы в России XV–XX веков. 2002. С. 52–54.
267. *Марков П.А.* Права состояния разведённых жён // Вестник права. 1899. Кн. 6. С. 32–36.
268. *Мейер Д.И.* Об имущественных правах // Журнал министерства юстиции. 1860. Т. 4. Часть неофициальная II. С. 71–82.
269. *Милогорова И.Н.* Распределение хозяйственных функций в пореформенной крестьянской семье // Советская этнография. 1991. № 2. С. 93–102.
270. *Михайлова И.А.* Соотношение гражданской правосубъектности со смежными правовыми категориями // Гражданское право. 2008. № 1. С. 19–23.

271. *Мотовилов Г.Н.* О праве племянниц на указные части из наследства // Журнал министерства юстиции. 1865. Т. XXVI. Ч. II. С. 421–429.
272. *Нарыкова Ю.В.* Генезис института права собственности в России (XI – первая половина XIX вв.) // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. М.: «1К-Пресс», 2007. № 2. С. 500–502.
273. *Опарина Т.А., Орленко С.П.* Указы 1627 и 1652 годов против „некрещенных иноземцев”. // Отечественная история. 2005. № 1. С. 22–39.
274. *Оршанский И.Г.* Личные и имущественные отношения супругов // Судебный журнал. 1874. № 3. С. 125–155.
275. *Оршанский И.Г.* Наследственные права русской женщины // Журнал гражданского и уголовного права, 1876, кн. II, март-апрель. С. 1–31.
276. *Оспенников Ю.В.* О видах брачных связей в Русском праве XII–XV вв. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 5(256). С. 205–217.
277. *Оспенников Ю.В.* Родственные отношения в Древнерусском брачном праве // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». 2004. Вып. 39. С. 252–262.
278. *Оспенников Ю.В.* Принуждение в Древнерусском брачном праве // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». 2003. Вып. 34. С. 188–194.
279. *Пестржецкий А.* О силе обязательств, писанных на неустановленной бумаге // Журнал министерства юстиции. 1860. Т. 6. Часть неофициальная II. С. 141–166.
280. *Пестржецкий А.А.* О вдовьей части в губерниях Черниговской и Полтавской // Журнал министерства юстиции. 1860. Т. 6. Часть неофициальная II. С. 471–480.
281. *Поленина С.В.* Правовая политика Российской Федерации в сфере гендерных отношений // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 1(53). С. 62–80.

282. *Поппе К.* О порядке свидетельствования домашних завещаний // Журнал Министерства Юстиции. Том 4, [Кн. 4–6], 1860. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1860. С. 363–366.
283. *Пушкарева Н.Л.* Имущественные права женщин на Руси (X–XV вв.) // Исторические записки. 1986. № 114. С. 183–189.
284. *Сенякин И.Н.* Противоречивость российского законодательства в ракурсе преемственности // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 421–431.
285. *Солодянкина О.Ю.* Представления о русских в письмах, дневниках, воспоминаниях двух английских // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 334–346.
286. *Товстолес Н.Н.* Наследование супругов по русскому праву в связи с проектом гражданского уложения // Ж.М.Ю. 1911. № 5. С. 1–63.
287. *Товстолес Н.Н.* Указанная часть супруга в имуществе свёкра (тестя) // Ж.М.Ю. 1914. № 5. С. 207–211.
288. *Трапезникова М.М.* Рядная (сговорная) запись в русском праве IX–XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2010. №4(9). С. 168–174.
289. *Тютрюмов И.М.* Производство местных действий по гражданским делам // Право. СПб., 1902. С. 41–418.
290. *Ульянова Г.Н.* Женщины-владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2007. С. 46–52.
291. *Халтурина Н.И.* Хозяйство удельных крестьян Яранского уезда Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 128–132.
292. *Чичерин Б.Н.* Обзор истории развития сельской общины в России // Русский вестник. 1856. Кн. 1. С. 373–396.
293. *Шменин Э.* Личные и имущественные отношения супругов // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. № 6. С. 52–55.

Диссертации и авторефераты диссертаций

294. *Алексеев А.А.* Правовое регулирование имущественных отношений супругов в Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 30 с.
295. *Белякова А.М.* Обязательства из причинения вреда в российском праве XVII века: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 158 с.
296. *Богомазова О.И.* Правовой статус женщин и его особенности в современном российском обществе: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 142 с.
297. *Бурьянова Е.И.* Условия, определяющие правосубъектность индивида: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 185 с.
298. *Ворошилова С.В.* Правовое положение женщин в России в XIX–начале XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 406 с.
299. *Глотова В.В.* Крестьянская семья во второй половине XIX века: на материалах Курской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 198 с.
300. *Камкия Ф.Г.* Правовой статус субъектов обычного права Абхазии в первой половине XIX века: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на/Д, 2000. 177 с.
301. *Карпов Е.И.* Обязательства в русском праве (IX–XVII вв.): дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2005. 179 с.
302. *Комаров С.А.* Личность в политической системе российского общества. (Теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1996. 401 с.
303. *Курашов А.В.* Основные принципы обычного права русского крестьянства конца XIX – начала XX вв.: по материалам центральных губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 26 с.
304. *Курбанов М.А.* Гражданско-правовое регулирование и защита права граждан на психическое здоровье: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 182 с.

305. *Латыпова Д.Ф.* Правовое положение женщин: (Историко-методологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 176 с.
306. *Лядащева-Ильичева М.Н.* Развитие обязательственного права России XIX – начала XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 170 с.
307. *Медведев Д.А.* Проблемы реализации гражданской правосубъектности государственного предприятия: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990. 215 с.
308. *Назаренко Н.И.* Правовое положение иностранцев в отечественном законодательстве XI – первой половины XVII вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 215 с.
309. *Рублева О.Н.* Правовое регулирование института имущественных отношений супругов в доктрине российского семейного права (Историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на/Д, 2003. 204 с.
310. *Слепакова А.В.* Правоотношения собственности супругов: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. 298 с.
311. *Солодянкина О.Ю.* Иностранные наставники в дворянском домашнем воспитании в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. 46 с.
312. *Тесленко А.М.* Правовой статус иностранцев в России (Вторая половина XVII – начало XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 214 с.
313. *Титова Т.В.* Эволюция завещательного права в России XVIII – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 27 с.
314. *Шаповалова С.П.* Крестьянская женщина Центрального Черноземья в 60–90-е гг. XIX века (исторический портрет): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 148 с.
315. *Шитьков С.В.* Генезис и эволюция права собственности в истории российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 166 с.

Справочные издания

316. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. 480 с.

Интернет-ресурсы

317. *Братусь Д.А.* Определение обязательства. URL: <http://www.zakon.kz/189440-opredelenie-objazatelstva-bratus-d..html> (дата обращения: 12.08.2015).

318. Купчая на продажу Александром Никифоровым сыном Жервинским вдове Алене Пьянковой родовой своей вотчины в Нижегородском уезде Березопольском стану с 17 крестьянскими дворами и со всеми угодьями за 1000 руб. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=4&manuscript=493> (дата обращения: 13.06.2016).

319. *Лакиер А.Б.* О вотчинах и поместьях. СПб., 1848. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/16444-lakier-a-b-o-votchinah-i-pomestyah-spb-1848#page/137/mode/inspect/zoom/4> (дата обращения: 12.08.2015).

320. Памятная книжка Вятской губернии. На 1857 год. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000002147/view> (дата обращения: 16.05.2016)

Иностранная литература

321. *Barker-Benfield G.J.* The Culture of Sensibility : Sex and Society in Eighteenth-Century Britain. Chicago, 1992. P. 129.

322. *Diefendorf B.B.* Women and Property. P. 175.

323. *Fredman S.* Women and the Law. Oxford University Press, 1997. P.429.

324. *Gregory P.* Russian National Income. URL: <http://www.twirpx.com/file/256240/> (дата обращения: 12.06.2015).

325. *Murray M.* The Law of the Father? Patriarchy in the Transition from Feudalism to Capitalism. London, 1995. P. 66.

326. *Ourliac P., Gazzaniga J.-L.* Histoire du droitprivefrangais de Tan mil au Code Civil. Paris, 1985. P. 271.

327. *Salmon M.* Women and the Law of Property in South Carolina : The Evidence from Marriage Settlements, 1730 to 1830 // *Willam and Mary Quarterly*. 3rd ser. Vol. 39. 1982. P. 655–685.

328. *The Complete Letters of Lady Mary Wortley Montagu.* Oxford, 1965. Vol. 1: 1708–1720. P. 273.

329. *Wortman R.* Property Rights, Populism, and Russian Political Culture / *R. Wortman // Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. O. Crisp, L. Edmondson. Oxford, 1989.